

ВЗ.З(АРБ)/4
В53

(57)

3

П. Бук

ВЗ.З(С18)
В53

КАКЪ СИБИРЬ СТАЛА РУССКОЙ ЗЕМ

ОЧЕРКИ ПОКОРЕНІЯ СИБИРИ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Москва—1914.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО СКЛАДА М. В. КЛЮКИНА.

Ваганьковский пер., д. № 9.

neg. P

М 42692

63.3(2P5)4

П. Висковатовъ.

В53 53

КАКЪ СИБИРЬ СТАЛА РУССКОЙ ЗЕМЛЕЙ

247415

ОЧЕРКИ ПОКОРЕНИЯ СИБИРИ.

Съ рисунками.

43994

751924

Москва—1914.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО СКЛАДА М. В. КЛЮКИНА.

Ваганьковский пер., д. № 9.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Конечно, каждый изъ нашихъ читателей знаетъ, что Сибирь была покорена при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, нѣкимъ казакомъ Василиемъ Тимофеевымъ, по прозванію Ермакомъ.

Но еще задолго до Ермака русскіе люди стремились проникнуть за Каменный поясъ (Уральскій горный хребетъ).

Уже задолго до этого, новгородцы, пробираясь по сѣверной окраинѣ Россіи, собирали дань съ тамошнихъ народовъ (печоровъ и пермяковъ) и вели торговлю съ Югорской землей.

Часто русскіе переходили и за Камень или, какъ называли еще эти горы, Угорскія горы (Уральскія) и собирали дань съ югорскихъ князьковъ.

Наконецъ, югорцы, при царѣ Иванѣ III, признали надъ собою полную власть русскаго царя, но, будучи далеко отъ Москвы, платили дань очень неисправно.

На самомъ же дѣлѣ югорцы больше подчинялись татарамъ, чѣмъ русскимъ.

Еще при царѣ Иванѣ III русскіе стали укрѣпляться на Уральскихъ горахъ, строя на нихъ острожки, чтобы защитить русскія пограничныя земли отъ вторженія изъ Азіи вогуличей.

При царѣ Иванѣ Грозномъ, Русь значительно окрѣпла.

Русскіе покорили два татарскихъ царства, Астраханское и Казанское, и вѣсти объ этомъ дошли за Уральскія горы, до югорскаго князя Едигера.

Испугался Едигеръ и добровольно согласился платить русскому царю дань мѣхами, прося за это помощи противъ сосѣднихъ мурзъ (князьковъ).

Но скоро на Едигера напалъ татарскій князь Кучумъ, убившій Едигера и завладѣвшій его царствомъ.

Кучумъ отказался платить дань московскому царю, и съ той поры вогуличи стали чаще нападать на русскія земли, грабя Великую Пермь.

Вотъ, для защиты-то своихъ владѣній, лежавшихъ на границѣ югорской земли, и призвали братья Строгановы Ермака.

И Ермакъ, снаряженный въ походъ богачами Строгановыми, не только усмирить югорскихъ людей, но и покорить Сибирское царство, разбивъ на голову царя Кучума и занявъ его столицу, городокъ Искеръ *), носившій еще имя Сибирь.

Это былъ первый твердый шагъ русскихъ за Каменный поясъ, вглубь Сибири.

Погибъ смѣлый Ермакъ 5-го сентября 1584 года, перерѣзаны были сонные казаки, бывшіе съ нимъ, на которыхъ неожиданно ночью напалъ царь Кучумъ.

Снова забрали силу татары.

Но что было начато Ермакомъ, не могли уже остановить никакія татарскія и инородческія силы.

Ермакъ пробилъ въ Сибирь брешь, въ которую широкой волной хлынула въ невѣдомый край русская сила.

Правда, послѣ пораженія Ермака русскіе казаки, оставшіеся въ Искерѣ, испугались.

Удача сильно подбодрила инородцевъ, и они задумали было совершенно изгнать русскихъ изъ Сибири, но... было уже поздно.

*) Искеръ—теперь Кучумово Городище.

Въ Москвѣ поняли, что упускать изъ рукъ такой богатый пушшиной, лѣсомъ и рыбой край — нельзя.

И царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, сынъ Ивана Грознаго, узнавъ о неудачѣ казаковъ, выслалъ на помощь имъ воеводу Мансурова съ сотней людей и одной пушкой.

Встрѣтивъ въ Сибири бѣжавшихъ изъ Искера казаковъ, Мансуровъ дошелъ съ ними до Искера.

А скоро къ нимъ прибылъ на подмогу и воевода Чулковъ, приведя съ собою три сотни вооруженныхъ ратныхъ людей.

И съ этой поры русскіе стали прочной ногой въ Сибири.

Слава о богатствахъ вновь завоеванной страны быстро распространялась по русской землѣ.

И въ далекую страну потянулись сотни переселенцевъ, авантюристовъ, искателей наживы и привольной жизни.

Всѣ, кому тѣсно казалось въ Россіи, хлынули въ Сибирь.

Весь этотъ народъ были люди отчаянные, храбрые и большей частью грубые.

У многихъ изъ нихъ совѣсть была далеко не чиста, и поэтому они, приходя въ Сибирь, часто грабили инородцевъ.

На первый взглядъ могло бы показаться страннымъ то обстоятельство, что сравнительно небольшія кучки казаковъ покоряли цѣлыя племена дикарей.

Но этому много помогаль порохъ.

Азіатскіе дикари, которыхъ встрѣчали на своемъ пути русскіе, не имѣли еще понятія ни о порохѣ, ни о ружьяхъ, ни о пушкахъ.

Выстрѣлы настолько пугали ихъ, что иногда цѣлая тысяча дикарей безъ оглядки разбѣгалась отъ двадцати пяти казаковъ.

Выстрѣлъ они принимали за громъ, огонь, выскакивающий изъ дула ружья — за молнію, а носителей этого оружія — за необыкновенныхъ людей.

Нѣкоторые инородцы считали русскихъ за безсмертныхъ людей.

Кромѣ того русскіе, конечно, были много культурнѣе дикарей.

Живя по сосѣдству съ Польшей и другими культурными государствами, русскіе многое успѣли перенять у своихъ сосѣдей.

И, конечно, при такихъ условіяхъ, русскимъ не трудно было справляться съ дикими инородцами.

Да, погибъ Ермакъ.

Но послѣ него слабые инородцы уже не въ состояніи были вытѣснить русскихъ изъ предѣловъ Сибири.

Сибирь была заманчивая страна.

И съ каждымъ годомъ въ нее прибывало все больше и больше русскихъ.

Заселеніе Сибири шло правильно.

Дойдутъ русскіе до извѣстной линіи, понастроятъ острожковъ и городковъ, укрѣнятся въ нихъ.

Отъ этихъ острожковъ посылаются отряды дальше, внутрь страны.

Пройдутъ эти отряды насколько возможно глубже и новую цѣпь острожковъ и городковъ понастроятъ.

Выйдетъ новая оборонительная линія.

Въ эти новые городки подойдутъ подкрѣпленія сзади, а изъ новыхъ городковъ снова идутъ вглубь страны новые отряды.

И вырастаетъ новая оборонительная линія.

И такимъ образомъ русскіе все дальше и дальше проникали вглубь Сибири.

Шагъ за шагомъ покоряли они новыя земли.

Многіе гибли въ этой борьбѣ, но на ихъ мѣстѣ появлялись все новые и новые люди, стремившіеся все впередъ и впередъ, гонимые впередъ больше желаніемъ разбогатѣть.

Не очень скоро шло дѣло покоренія Сибири.

Въ 1581 году отправился въ Сибирь отважный Ермакъ.

Но только въ 1712 году русскіе окончательно утвердились на самой восточной части Сибири, на полуостровѣ Камчаткѣ.

Значить, сто съ лишнимъ лѣтъ покоряли русскіе эту новую страну.

И съ той поры вся Сибирь стала нашей.

Разрозненные инородцы не могли устоять противъ русскихъ и отстоять отъ нихъ свои земли.

Они мало-по-малу смирялись и покорялись болѣе сильнымъ людямъ.

И такимъ образомъ Сибирь осталась въ нашихъ рукахъ, не потребовавъ ради этого большихъ кровопролитныхъ войнъ.

Конечно, стычки казаковъ съ инородцами, въ которыхъ русскіе теряли по 5—10 и самое большое по 25—40 человѣкъ, были далеко не похожи на войны, въ которыхъ одни противники убивали тысячи и десятки тысячъ другихъ.

За все время покоренія всей Сибири врагами было убито всего на всего не болѣе тысячи или полуторы тысячи русскихъ людей.

Допустимъ даже, что было убито три тысячи ратныхъ людей.

Но вѣдь за сто слишкомъ лѣтъ эта цифра можетъ казаться болѣе чѣмъ мизерной.

Гораздо болѣе гибло за это время людей отъ голода, во время трудныхъ странствованій, гибло много и во льдахъ, при путешествіяхъ по Сѣверному Ледовитому океану, въ который, очертя голову, безъ компасовъ и другихъ необходимыхъ инструментовъ, пускались въ тѣ времена русскіе землепроходцы.

Вотъ этимъ-то и отличалось покореніе великой Сибири отъ завоеванія другихъ земель.

Въ то время, какъ завоеваніе каждой пяди земли на западѣ и на югѣ Россіи сопровождалось тысячами жизней, завоеваніе Сибири происходило почти безъ человѣческихъ жертвъ, если не считать по нѣсколько десятковъ казаковъ, которые складывали ежегодно свои головы на этомъ пути.

Василій Тимофеевичъ Ермакъ,

ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.

I.

День уже клонился къ концу, и заходящее солнце косыми лучами освѣщало и красавицу Волгу, и зеленые, покрытые лугами и лѣсами берега.

Въ этомъ мѣстѣ Волга дѣлала большой, очень красивый изгибъ.

Ея правый берегъ былъ покрытъ довольно высокими холмами и лѣсомъ, и вообще мѣстность тутъ была очень живописна.

Тихо покачивалось у берега нѣсколько десятковъ большихъ лодокъ, привязанныхъ къ кольямъ, вбитымъ на берегу.

Отъ многочисленныхъ костровъ, горѣвшихъ среди палатокъ, разбитыхъ недалеко отъ воды, къ небу подымались извилистые столбы дыма, который таялъ въ вышинѣ.

Тамъ и сямъ виднѣлись одиночные люди и цѣлыя группы.

Всѣ люди были вооружены, и по одеждѣ ихъ сразу можно было признать за казаковъ.

Это и были казаки-разбойники, выбравшіе для себя

это скрытное мѣсто, откуда такъ ловко было нападать на проѣзжихъ купцовъ.

Одна изъ палатокъ рѣзко отличалась отъ другихъ величиной и убранствомъ.

Она вся была украшена красной бахромой, и на вершинѣ ея красовался большой флагъ.

Палатка эта принадлежала главному атаману шайки, казаку Василию Тимофееву, по прозванію Ермаку.

Въ описываемый моментъ передъ входомъ въ палатку, на большомъ, дорогомъ персидскомъ коврѣ, разостланномъ на травѣ, сидѣла небольшая компанія.

Въ ней, въ одномъ изъ казаковъ, судя по тому почтенію, съ которымъ относились къ нему остальные, сразу можно было узнать Ермака.

Это былъ мужчина средняго роста, коренастый и плечистый, съ свѣтлыми, быстрыми глазами, черными, какъ смоль, кудрявыми волосами и окладистой, черной бородой.

Отъ лица атамана вѣяло энергіей и несокрушимой волей.

Вокругъ него сидѣли его главные помощники, атаманъ: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловичъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ.

Всѣ они вели между собой оживленную бесѣду.

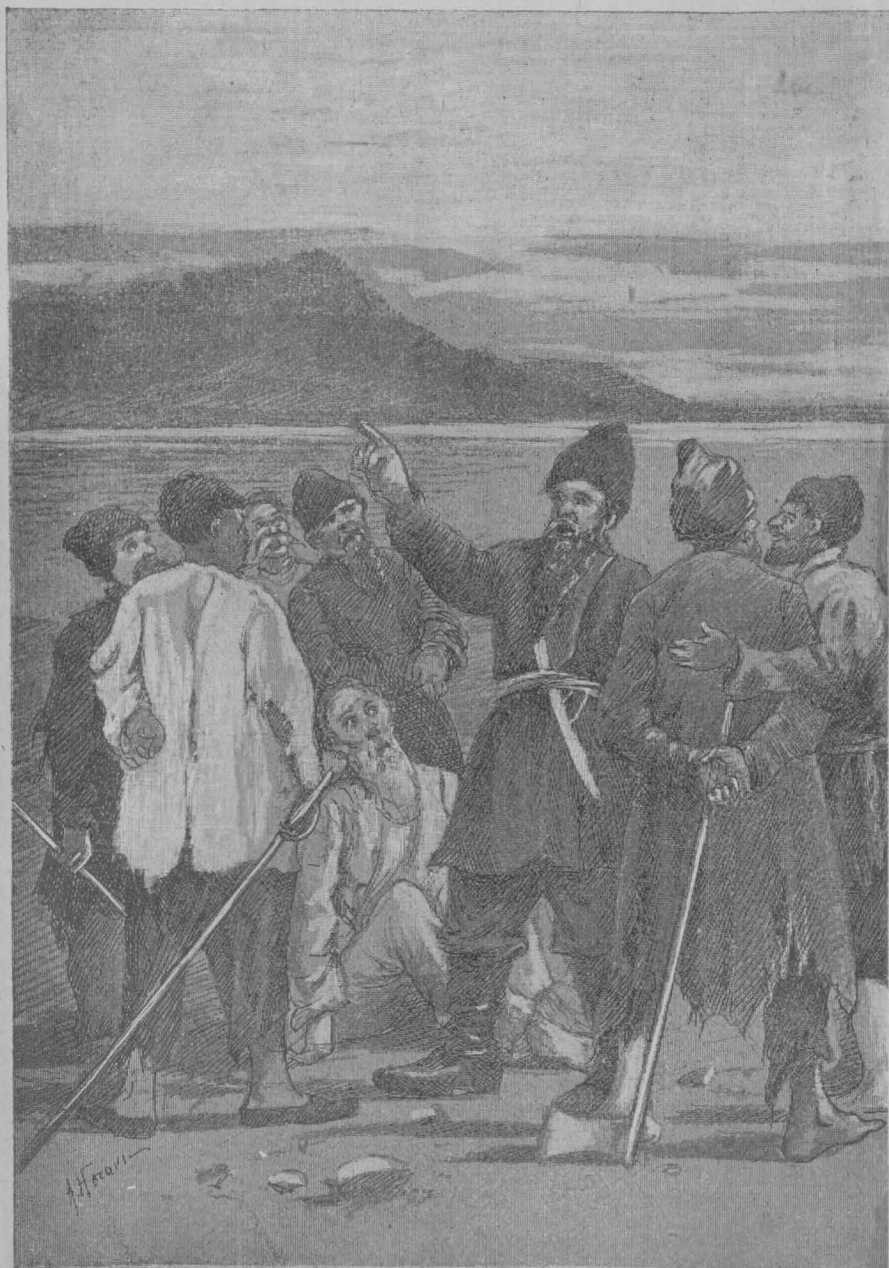
Ермакъ молча слушалъ своихъ товарищей, наклонивъ голову.

Но вотъ онъ вдругъ поднялъ голову и обвелъ присутствующихъ взоромъ.

— Да, дѣло наше плохо,—заговорилъ онъ.— Гонцы наши говорятъ, что воевода съ войскомъ уже недалеко. Войска у него много, есть и пушки.

— Въ пяти дняхъ пути отъ насъ,—вставилъ Иванъ Кольцо.

— И намъ съ нимъ не сладить,—продолжалъ Ермакъ.—

А коли и сладили бы, такъ больше половины людей потерять надо.

— Уходить надо,—перебилъ Мещерякъ.—Царь, скаываютъ, на насъ сильно осерчалъ. Послалъ на насъ воеводу съ войскомъ и повелѣлъ всѣхъ насъ изловить и смертной казни предать.

— Вотъ и надо намъ, не медля, уходить!—заговорилъ серьезно Ермакъ. — Думаю я на Камуйти. Мѣста тамъ знакомыя. Опять же много братьяхъ Строгановыхъ воровать.

— Что говорятъ?—спросилъ Панъ.

— Слыхалъ я, что Строгановы охотно къ себѣ на службу всякій народъ берутъ, и что житье у нихъ хорошее,—продолжалъ Ермакъ. — По соседству съ ними за Камнемъ (за Уральскимъ рубежомъ) Сибирское царство лежитъ, а тѣмъ царствомъ татарскій царь Кучумъ владѣетъ. Сначала имъ царь Едигеръ правилъ и русскому царю ясакъ (дань) платилъ, а Кучумъ пересталъ платить.

— Ну, и что, же?—спросилъ Иванъ Кольцо.

Ермакъ пожалъ плечами.

— А вотъ что,—заговорилъ онъ.—За Камнемъ вогуличи живутъ. Тѣ вогуличи Кучуму подвластны и на

строгановскія земли часто набѣги дѣлають, русскія сел
жгутъ, людей въ полонъ уводятъ. Вотъ и надумалъ я к
Строгановымъ на службу итти. Можно будетъ вогуличе
погромить и хорошую добычу взять.

Воцарилось небольшое молчаніе.

Атаманы взвѣшивали все то, что только-что услышали отъ Ермака.

— А что жэ... Пожалуй, ты хорошо придумалъ,— проговорилъ, наконецъ, Иванъ Кольцо.—Коли вогуличей побьемъ, да ихъ отъ русской земли отвадимъ, пожалуй, и прощеніе у государя заслужимъ.

— То-то и есть,—сказалъ Ермакъ.—А сидя здѣсь, мы только бѣду наживемъ.

— Вѣрно говоритъ Ермакъ,—согласился Мещерякъ.

— И правда, подадимся къ Строгановымъ! Поскорѣ уходить надо! Утромъ и въ путь,—раздались голоса.

— И царю порадѣемъ, и себѣ прощеніе заслужимъ,— вставилъ Ермакъ.—А вдругъ намъ удастся и самое Сибирское царство покорить? Чести-то побольше будетъ, чѣмъ купцовъ по Волгѣ грабить.

Слова Ермака произвели сильное впечатлѣніе.

— Почему и не попробовать?—воскликнулъ Пань.— Народу насъ не мало.

Атаманы оживились.

И, перебивая другъ друга, они стали обсуждать планъ будущей жизни.

II.

Кто же были эти Строгановы, про которыхъ говорилъ Ермакъ?

Братья Строгановы были самыми богатыми русскими переселенцами на сѣверо-восточной русской границѣ.

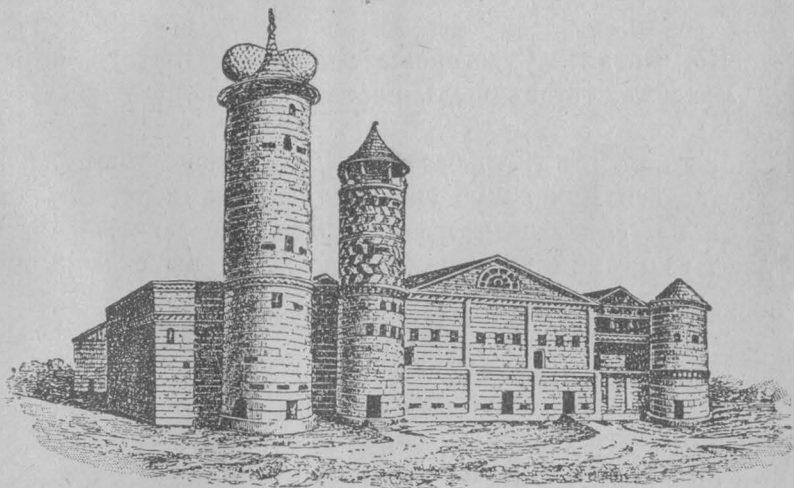
При царѣ Иванѣ Грозномъ къ ихъ владѣніямъ прибавились еще земли по берегамъ Камы, самаго большого притока Волги.

На цѣлыхъ сто пятьдесятъ верстъ тянулись по Камѣ

ихъ земли, на которыхъ Строгановымъ было разрѣшено царской грамотой рубить горные лѣса, заселять пустыри, устраивать соляныя варницы и звать на нихъ рабочихъ людей.

Братья Строгановы были люди умные и предприимчивые и слыли именитыми людьми.

Житіе у нихъ было хорошее, и рабочій людъ охотно шелъ къ нимъ.

За горами отъ нихъ находился близко Югорскій край богатый соболями, красными и черно-бурыми лисами и другими дорогими звѣрями.

Изъ этой югорской земли, въ которой жили между прочими инородцами вогуличи, послѣдніе дѣлали частыя нападенія на владѣнія Строгановыхъ.

И чтобы препятствовать этимъ нападеніямъ, Строгановы должны были построить недалеко отъ Уральскаго хребта нѣсколько острожковъ (укрѣпленій) и городковъ

Провѣдалъ про это сибирскій царь Кучумъ и въ 1573-емъ году выслалъ противъ русскихъ войско, которое повелъ царевичъ Махметкулъ.

Но, почти дойдя до владѣній Строгановыхъ, Махметкулъ вдругъ испугался, услыхавъ, что у русскихъ много войска, и вернулся назадъ.

Послѣ этого Строгановы упросили царя Ивана Грознаго дать имъ еще льготную грамоту и позволить итти за Уральскія горы, чтобы строить тамъ острожки и вспахивать земли.

По словамъ Строгановыхъ, остяцкій народъ, жившій за Ураломъ, готовъ былъ платить русскому царю ясакъ (дань).

Вотъ къ этимъ-то братьямъ Строгановымъ и собрались отправиться Ермакъ со своими товарищами.

И на слѣдующее же утро большинство казаковъ, во главѣ со своими атаманами, пустились въ далекій путь.

III.

— Ну, что?—спросилъ быстро Иванъ Кольцо, когда Ермакъ, одѣтый въ дорогую, обшитый золотымъ галуномъ, кафтанъ, вошелъ въ палатку.

Уже недѣли полторы прошло съ того дня, какъ отрядъ Ермака прибылъ въ городокъ братьевъ Строгановыхъ и теперь стоялъ лагеремъ недалеко отъ него.

— Все благополучно? — повторилъ вопросъ Иванъ Кольцо.

— Все хорошо,—отвѣтилъ съ улыбкой Ермакъ, отстегивая драгоцѣнную саблю и вѣшая ее на мѣсто.

Онъ не спѣша снялъ кафтанъ и, сѣвъ на деревянный обрубокъ посреди палатки, заговорилъ:

— Строгановы приняли меня ласково. И грамоту цар-

скую показывали. Просить у насъ они защиты отъ вогуличей и татаръ.

Кольцо самодовольно улыбнулся.

Значить, богачи Строгановы видѣли, что казаки представляютъ изъ себя порядочную силу.

— Ну, дальше,—проговорилъ онъ.

— Да я согласился. Дѣло все за деньгами и припасами,—заговорилъ Ермакъ.—Сказалъ я объ этомъ Строгановымъ, и они обѣщали мнѣ все дать.

Глаза Ермака гордо сверкнули.

— Были мы, товарищъ, до сей поры разбойниками, а тутъ, Богъ дастъ, еще славу наживемъ и царство завоюемъ! Куда оно лучше, чѣмъ разбоями заниматься.

— Вѣстимо, лучше,—подхватилъ Кольцо.—А ребята у насъ хороши, всѣ на подборъ одинъ къ другому. Съ такимъ народомъ куда хочешь, хоть на край свѣта можно итти.

— Да и сила у насъ не малая, — проговорилъ Ермакъ.—Восемьсотъ казаковъ—не шутка.

Въ это время полы палатки раздвинулись, и въ палатку вошли Яковъ Михайловичъ, Панъ и Мещерякъ.

— Ну, что, атаманъ?—спросилъ Панъ.

— Все хорошо идетъ,—отвѣтилъ Ермакъ.

И онъ разсказалъ своимъ помощникамъ о своемъ свиданіи съ Строгановыми.

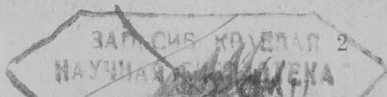
Разсказъ Ермака привелъ атамановъ въ самое хорошее расположение духа.

И они весело стали обсуждать планъ будущаго похода.

IV.

Наступило 1-ое сентября 1581-го года.

Уже съ разсвѣта кипѣла работа на рѣкѣ, гдѣ казаки доканчивали нагрузку на лодки всевозможныхъ боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ.

Стоя на берегу вмѣстѣ съ братьями Строгановыми, Ермакъ слѣдилъ за послѣдними приготовленіями.

Тутъ же стояли три священника и толмачи (переводчики), которые должны были отправиться вмѣстѣ съ Ермакомъ и его казаками въ невѣдомую, захребетную страну, гдѣ ихъ ждала или слава или смерть.

Казаки были вооружены не только саблями и кинжалами, но и легкими, небольшими пушками и семипядными пищалями (ружья, длиною въ семь четвертей).

Но вотъ все было готово.

Торжественно принесли изъ дома Строгановыхъ нѣсколько иконъ стараго письма, которыя казаки брали съ собою.

Духовенство отслужило молебень, и одинъ изъ Строгановыхъ произнесъ казакамъ напутственное слово.

— Идите съ миромъ,—проговорилъ онъ,—очистить землю Сибирскую и выгнать безбожнаго салтана Кучума.

Громко загремѣли трубы, раздалась команда Ермака, восемьсотъ человѣкъ быстро усѣлись по мѣстамъ въ лодки, и при громѣ музыки казацкія лодки, выстроившись вереницей, поплыли вверхъ по теченію рѣки Чусовой.

Труденъ былъ путь.

Надо было грести противъ теченія, а теченіе было быстрое.

Но русскіе не унывали.

Впрочемъ, въ отрядѣ Ермака были не только русскіе, но и нѣмцы и литовцы, которыхъ Ермаку удалось выкупить изъ плѣна у ногайскихъ татаръ.

Цѣлыхъ четыре дня плыли казаки вверхъ по рѣкѣ Чусовой, останавливаясь лишь для ночлеговъ и ѣды.

Уже виднѣлись впереди высокія Уральскія горы.

Но вотъ, наконецъ, Ермакъ добрался до рѣчки Серебрянки, впадавшей въ Чусовую, и сталъ подыматься по ней.

Еще красивѣе стала тутъ мѣстность, виды, одинъ роскошнѣе другого, разстилались теперь передъ глазами казаковъ.

Справа и слѣва потянулись холмы и горы, то покрытые дѣвственнымъ лѣсомъ, то гранитными и известковыми скалами, нагроможденными одни на другія.

Кристалльно-чистая, прозрачная вода Серебрянки, струившаяся по камнямъ, дѣйствительно, блестѣла, какъ серебро, оправдывая имя рѣки.

Иногда надъ самой водой свѣшивались угрюмыя, тяжеловѣсныя скалы, которыя, казалось, вотъ-вотъ рухнуть въ воду.

Но пустынно было кругомъ.

Нигдѣ не было видно ни городковъ, ни острожковъ и лишь изрѣдка можно было увидѣть небольшія кочевья дикарей, которые быстро скрывались въ лѣсахъ при приближеніи казаковъ.

Два дня плыли казаки Серебрянкой, пока, наконецъ, вода не стала настолько мелкой, что плыть по ней стало невозможнымъ.

Иногда казаки подымали воду, запруживая рѣку парусами и продвигаясь такимъ образомъ впередъ, но скоро и это стало невозможнымъ.

И вотъ, наконецъ, отрядъ остановился.

Тутъ Ермакъ рѣшилъ построить небольшой земляной городокъ, на случай, если бы при отступленіи пришлось защищаться отъ враговъ.

Казаки принялись за работу, и скоро городокъ былъ готовъ.

Онъ состоялъ изъ рва, за которымъ былъ насыпанъ четырехугольный валъ.

За этимъ укрѣпленіемъ было построено нѣсколько деревянныхъ избъ и землянокъ.

Этотъ городокъ былъ названъ „Кокуй-городкомъ“ *).

И, окончивъ постройку городка, Ермакъ двинулся дальше, волоча за собою лодки.

До самой рѣчки Журавли тянули русскіе свои лодки.

Добравшись до Журавли, казаки спустили на воду лодки и скоро выплыли въ рѣку Тагиль, а изъ нея въ рѣку Туру.

Теперь они были уже въ Сибирскомъ царствѣ.

V.

Быстро плыла казацкая флотилія внизъ по Турѣ.

Сидя въ передней лодкѣ, Ермакъ разговаривалъ со своимъ главнымъ помощникомъ Иваномъ Кольцо и время отъ времени поглядывалъ на берега.

— Ишь, тутъ совсѣмъ ужъ по-иному, — говорилъ онъ, кивая на берега. — Тутъ вонъ и пашни видны. Видно, не кочевой тутъ народъ живетъ.

— То-то и худо, — перебилъ Кольцо. — Коли не кочевой, значить, посильнѣе будетъ. И селенія стали попадаться.

— Сказываютъ, тутъ земля князя Епанчи. А тотъ Епанча Кучуму подвластенъ, — сказалъ Ермакъ.

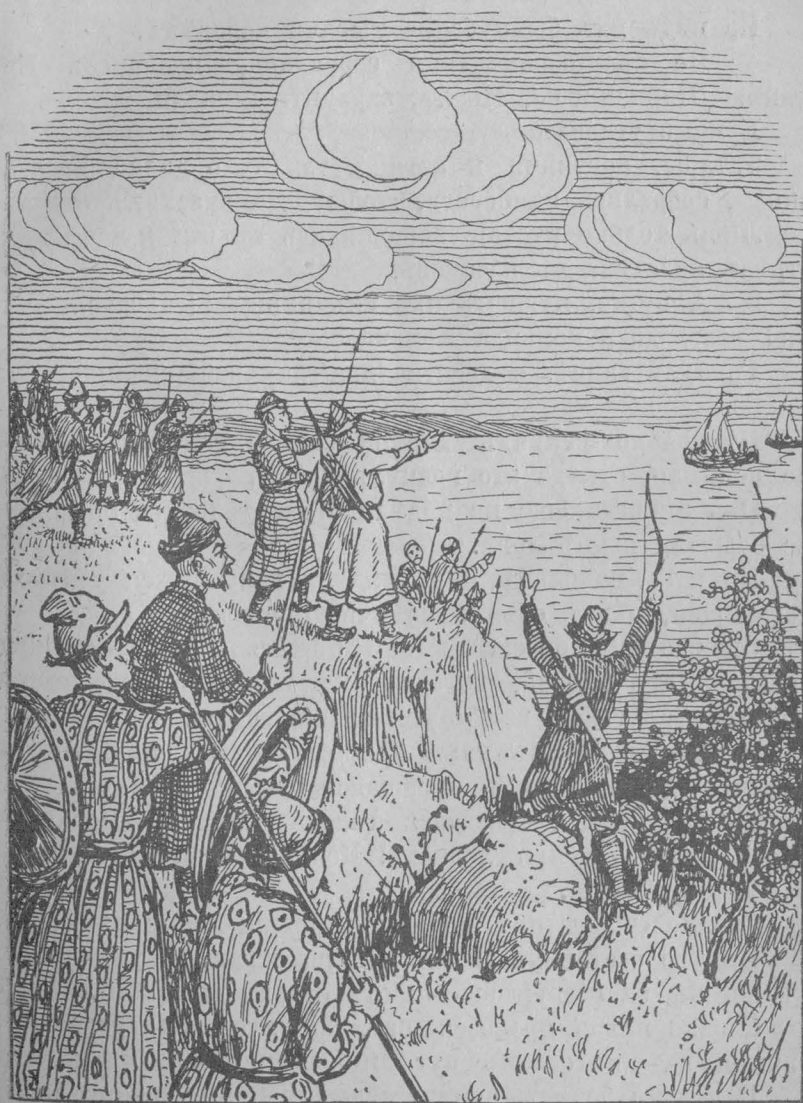
И словно въ подтвержденіе его словъ, со второй лодки вдругъ раздался громкій крикъ:

— Гей, атаманъ, справа на берегу войско какое-то видать!

Всѣ головы быстро повернулись направо.

На не очень высокомъ правомъ берегу дѣйствительно видна была большая толпа вооруженныхъ луками и короткими копьями людей.

*) Кокуй-городокъ — теперь деревня Кокуйская.

На видъ ихъ было болѣе тысячи человѣкъ.

— Не съ добромъ они собрались,—произнесъ Ермакъ.—Прикажи-ка, Иванъ, зарядить пищали.

Ермакъ угадалъ.

Татары, вогуличи и остяки, узнавъ о движеніи русскихъ, собрались на берегу, чтобы дать русскимъ отпоръ.

Лишь только русскіе поровнялись съ ними, какъ туча стрѣлъ полетѣла въ казаковъ.

— А ну-ка, пугнемъ ихъ изъ пищалей! Цѣлься лучше!—раздалась команда Ермака.

Грянулъ залпъ, и десятка два дикарей свалилось на землю.

Нѣсколько секундъ дикари стояли какъ вкопанные, не понимая, откуда это грянулъ громъ.

Они никогда еще не видѣли огнестрѣльнаго оружія и не слышали выстрѣловъ.

Но вотъ, наконецъ, они увидѣли валявшихся убитыхъ товарищей, и ихъ объялъ паническій страхъ.

Съ воплями бросились они бѣжать во всѣ стороны, спасаясь отъ людей, которые, какъ они предполагали, принесли съ собою всеуничтожающіе громы.

— Го-го-го! Ишь какъ удираютъ! Бей ихъ, бей!—весело кричали казаки, потѣшаясь этимъ бѣгствомъ.

— Къ берегу!—раздался голосъ Ермака.—Половина пусть останется при лодкахъ! Кольцо, бери остальныхъ и иди въ погоню.

Словно стая птицъ, понеслись легкія лодки къ берегу.

Быстро составилъ Иванъ Кольцо отрядъ и устремился въ погоню за обезумѣвшими отъ страха дикарями.

Словно вихрь пронесся онъ по улусамъ (деревнямъ), сжигая ихъ на своемъ пути и перебивъ много дикарей.

И только добивъ окончательно непріятеля, онъ вернулся къ Ермаку съ богатой добычей.

VI.

Казацкій лагерь стоялъ на берегу рѣки Тавды, впадавшей въ Туру.

Уже второй день отдыхали казаки здѣсь, выйдя сюда спустя нѣсколько дней послѣ первой схватки съ дикарями.

Ермакъ только что кончилъ обѣдать, когда привели къ нему плѣннаго татарина, по имени Таузака.

— Вотъ, атаманъ, языка достали,—проговорилъ одинъ изъ казаковъ, приведшихъ пойманнаго плѣнника. — Онъ говоритъ, что служилъ у царя Кучума.

— Добро,—проговорилъ Ермакъ.

И черезъ полчаса онъ спросилъ у плѣнника:

— Ну, говори, гдѣ твой царь живетъ и велика ли его сила.

Татаринъ угрюмо молчалъ.

— Хорошо,—проговорилъ улыбаясь Ермакъ.—А ну-ка, принесите кольчугу и выстрѣлите въ нее изъ пищали.

Тотчасъ же одинъ изъ казаковъ принесъ кольчугу, повѣсилъ ее на палку и, отойдя на нѣсколько десятковъ шаговъ, выстрѣлилъ въ нее изъ пищали.

Пуля, конечно, пробила кольчугу, а громъ выстрѣла такъ напугалъ татарина, что онъ даже упалъ со страху на землю.

— Говори, что знаешь, иначе плохо тебѣ будетъ,—грозно сказалъ Таузаку Ермакъ.

— Пощади меня, могущественный чужестранецъ!—взмолился перепуганный татаринъ.—Нашъ царь, Кучумъ, живетъ на рѣкѣ Иртышѣ, въ городѣ Сибири (въ городѣ Искерѣ). Много у стараго, слѣплого Кучума въ подданствѣ народовъ, а сильнѣе всѣхъ его родственникъ Махметкулъ. Такого богатыря нигдѣ не найти.

— А каковъ вашъ царь Кучумъ? — спросилъ Ермакъ.

— Язычники не любятъ царя Кучума, — ствѣтилъ Таузакъ. — А не любятъ, господинъ, за то, что онъ ихъ въ магометанскую вѣру приводитъ. Войска у Кучума много, а торгъ онъ ведетъ съ разными народами.

Ермакъ жестомъ остановилъ плѣнника.

— А какъ плыть нужно до Кучумова города? — спросилъ онъ.

— Изъ Тавды въ Тоболь, а оттуда въ Иртышъ, — отвѣтилъ плѣнникъ.

Разспросивъ еще кое о чемъ плѣнника, Ермакъ приказалъ отпустить его на волю.

И когда Кольцо покачалъ головой, услыхавъ этотъ приказъ, Ермакъ, улыбаясь, проговорилъ:

— Пусть идетъ. Онъ расскажетъ своему царю то, что видѣлъ.

Умный и хитрый Ермакъ зналъ, что дѣлаетъ.

Выпущенный плѣнникъ внесъ не малое смятеніе въ городъ Искеръ, куда онъ явился скоро послѣ своего освобожденія.

Прибывъ къ царю Кучуму, бывший плѣнникъ рассказъ, что на Кучума идутъ русскіе люди, которые несутъ съ собою такія стрѣлы, отъ которыхъ слышенъ громъ и отъ которыхъ нельзя спастись.

Кучумъ, какъ и всѣ дикари, былъ суевѣренъ.

Его шаманы (языческіе жрецы) стали рассказывать удивительныя вещи.

Одни изъ нихъ говорили, что видѣли кровавую воду въ Иртышѣ, другіе говорили, что бѣлый волкъ вышелъ изъ лѣсу и дрался съ черной собакой.

Всѣ эти слухи предвѣщали большое несчастье.

Не на шутку перепугался царь Кучумъ.

Собралъ онъ свое войско и выслалъ его противъ казаковъ, которые тѣмъ временемъ плыли уже по Тоболу.

И на казаковъ обрушилась новая бѣда.

VII.

— Плохо дѣло, атаманъ,—проговорилъ однажды Панъ, подъѣзжая къ Ермаку. — Видно, много враговъ противъ насъ вышло. Гляди, весь берегъ усыпали.

Ермакъ уже давно глядѣлъ на берегъ.

Онъ уже давно замѣтилъ на берегу огромное скопище враговъ, которые посылали въ русскихъ цѣлыя тучи стрѣлъ.

Уже давно атаманъ думалъ, какъ бы перехитрить враговъ.

— А что ты думаешь, Панъ, придется на хитрость пуститься,—проговорилъ онъ. — Они вѣдь видятъ, что насъ очень мало.

— А ты что надумалъ, атаманъ?—спросилъ Панъ.

Ермакъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Задумалъ я ихъ перехитрить,—проговорилъ онъ. — Вотъ мы сейчасъ пристанемъ къ другому берегу и пусть казаки наберутъ побольше камыша и хворосту.

Панъ удивленно взглянулъ на атамана.

— Ну, да,—продолжалъ между тѣмъ Ермакъ. — Мы вечеромъ надѣлаемъ чучель, одѣнемъ ихъ въ лишніе кафтаны и посадимъ въ лодки. Въ каждой лодкѣ оставимъ по три казака, а остальныхъ высадимъ на берегъ и ударимъ на враговъ.

Панъ невольно улыбнулся.

— А ужъ и хитеръ ты, атаманъ!—воскликнулъ онъ.

И, объѣхавъ всю казацкую флотилію, онъ передалъ всѣмъ приказъ Ермака.

Лишь только забрезжило утро, какъ снова начался бой. Даже пищали не очень помогали теперь, и непріятель

продолжалъ осыпать казаковъ цѣлымъ градомъ стрѣлъ, которыя между прочимъ приносили русскимъ очень мало вреда.

Наступилъ вечеръ.

Стихъ на время бой, и русскіе, подѣхавъ къ противоположному берегу, быстро набрали огромныя связки хвоста и камыша.

Закипѣла работа.

Нѣсколько сотъ чучель было готово къ утру.

Одѣвъ эти чучела въ казацкіе кафтаны и шапки, казаки разсадили ихъ по лодкамъ и, оставивъ въ каждой лодкѣ по три человѣка, ночью высадились на берегъ.

Не производя ни малѣйшаго шума, высадились они на берегъ, въ то время какъ почти пустыя лодки снова выѣхали на середину рѣки.

Не подозрѣвали дикари обмана.

Но каково же было ихъ изумленіе, когда утромъ, казаки, стрѣлая изъ пищалей, внезапно ударили на нихъ.

Въ то же время дикари замѣтили, что казаковъ въ лодкахъ вовсе не убавилось.

Теперь для нихъ было очевидно, что русскіе получили подкрѣпленіе.

И перепуганные дикари сбились съ толку, кинулись бѣжать куда попало, погибая подъ ударами преслѣдовавшихъ ихъ казаковъ.

Долго смѣялись казаки надъ одураченными дикарями.

— Ну, и атаманъ у насъ! Орелъ, да и только! Какую штуку выдумалъ!—говорили казаки.

И отрядъ Ермака, снова сѣвъ въ лодки, пустился въ дальнѣйшій путь.

VIII.

До урочища Бабасана было уже недалеко.

Проработавъ цѣлый день веслами, усталые казаки высадились на берегъ, чтобы сготовить себѣ обѣдъ.

Весело затрещали огни костровъ, зашипѣло поджаривающееся на огнѣ мясо двухъ убитыхъ красавцевъ лосей, и казаки уже приготовились къ обѣду, когда вдругъ издали донеслись тревожные крики часовыхъ:

— Татары, татары!

Раздалось нѣсколько выстрѣловъ.

И моментально весь лагерь пришелъ въ движеніе.

Выскочивъ на вершину длиннаго пригорка, казаки за-
легли на землѣ, зарядивъ свои пищали.

Туда же на пригорокъ было вытащено нѣсколько небольшихъ пушекъ.

Огромная толпа конныхъ, вооруженныхъ людей на-
двигалась на русскихъ.

То царевичъ и богатырь Махметкулъ велъ свою конницу на русскихъ людей, въ то время, какъ самъ Кучумъ, съ остальнымъ своимъ войскомъ, засѣлъ недалеко отсюда, подъ Чувашьей горой, за землянымъ валомъ.

Жуть объяла казаковъ Ермака при видѣ надвигавшейся на нихъ конницы.

Но Ермакъ хладнокровно смотрѣлъ на эту грозную силу.

Проходя по рядамъ казаковъ, онъ тихо подсмѣивался надъ ними.

— Что же это? Али испугались? Или казацкую славу забыли?—говорилъ онъ.—Можетъ быть, татарскія бабы и посмѣются надъ вами.

Эти обидныя слова вернули казакамъ мужество.

Ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ встрѣтили они конницу Махметкула.

Около тридцати враговъ приходилось на каждаго казака.

И все же инородцы не могли устоять противъ вооруженныхъ ружьями и пушками русскихъ.

Долго длился отчаянный бой.

Не мало людей потерялъ и Ермакъ, хотя Махметкуль потерялъ въ десять разъ больше.

Но, наконецъ, Ермаку стало жаль своихъ людей.

— Нѣтъ, братцы, намъ надо сѣсть на лодки, — говорилъ онъ. — На водѣ татары для насъ много безопаснѣе.

Отстрѣливаясь, казаки добрались до своихъ лодокъ и, вскочивъ въ нихъ, выплыли на середину Тобола.

Съ обоихъ высокихъ береговъ на нихъ градомъ сыпались стрѣлы.

Но вреда отъ нихъ большого не было.

Стрѣлы не могли пробить кольчугъ, надѣтыхъ на казаковъ, и отскакивали отъ нихъ, не нанося имъ ни малѣйшаго вреда.

Дружно двигались казаки впередъ.

По дорогѣ взяли какой-то татарскій городокъ, въ которомъ нашли много золота, серебра и съѣстныхъ припасовъ.

Все, до сей поры, благопріятствовало казакамъ.

Взявъ богатую добычу, они доплыли, наконецъ, до рѣки Иртышъ.

Но чѣмъ дальше плыли казаки, тѣмъ болѣе надоѣдали имъ враги.

Теперь то и дѣло на обоихъ берегахъ показывались пѣшіе и конные люди, пускавшіе въ русскихъ тучи стрѣлъ.

Правда, когда со стороны русскихъ раздавались залпы, дикари разбѣгались, но скоро послѣ этого они снова собирались и вновь нападали на казаковъ.

Между тѣмъ русскіе все ближе и ближе подѣзжали къ Чувашей горѣ, около которой стоялъ Кучумъ съ большимъ войскомъ.

IX.

Тихо было въ казацкомъ станѣ.

Уже заснули казаки, расположившись въ небольшомъ

городкѣ, взятомъ наканунѣ Ермакомъ, и лишь часовые на стѣнахъ зорко вглядывались въ окружающую тьму.

Спаль и Ермакъ, когда вдругъ одинъ изъ его вѣрныхъ казаковъ разбудилъ его.

— Вставай, атаманъ, сила на насъ великая идетъ, — проговорилъ казакъ, тряся Ермака за плечо.

Ермакъ быстро вскочилъ на ноги.

— Зови атамановъ сюда, — приказалъ онъ.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ всѣ начальники уже собрались у Ермака.

Вмѣстѣ съ ними Ермакъ вышелъ на крѣпостной валъ.

Въ ночной темнотѣ ничего нельзя было разобрать.

Но зато до остраго слуха атамановъ ясно доносился какой-то гулъ и звонъ.

Тутъ же стояло нѣсколько казаковъ, только что вернувшихся съ развѣдки.

— Силы видимо-невидимо, атаманъ, — проговорилъ одинъ изъ нихъ, подойдя къ Ермаку. — Тысячъ пятнадцать будетъ.

Это извѣстіе, видимо, смутило атамановъ.

— Чѣмъ дальше идемъ, тѣмъ хуже приходится, — мрачно проговорилъ Панъ. — Эдакъ, пожалуй, всѣ тутъ погибнемъ.

Къ тылу все прибывали и прибывали казаки, ожидавшіе отъ непріятеля нападенія ночью.

— А ну-ка палите изъ пушекъ, — приказалъ Ермакъ.

Онъ приказалъ сдѣлать это нарочно, чтобы показать врагамъ, что русскіе не спятъ.

Въ ночномъ воздухѣ загремѣли выстрѣлы, изъ жерлъ пушекъ сверкнуло пламя.

Повидимому эти неожиданные выстрѣлы смутили враговъ, и они отказались отъ нападенія ночью.

Но чуть забрезжилъ разсвѣтъ, какъ со стороны непріятелей донесся сильный шумъ.

Это было утро 23 октября 1581 года.

Когда достаточно разсвѣло, казаки увидѣли, наконецъ, враговъ.

Старшіе начальники собрались на совѣтъ.

— Не справиться намъ съ ними, — говорили нѣкоторые атаманы. — И такъ уже далеко зашли. Пора и честь знать. Надо скорѣе на лодки садиться и уплывать по добру по здорову.

Большинство казаковъ были согласны съ этимъ мнѣніемъ.

Но не такъ думалъ храбрый Ермакъ.

Долго молча слушалъ онъ товарищей, все больше и больше сдвигая брови.

Но вотъ, наконецъ, онъ поднялся съ мѣста и орлинымъ взоромъ окинулъ собраніе.

— Эхъ, были вы разбойниками, разбойниками и остались, — громко заговорилъ онъ. — Куда разбойника ни пусти, онъ пограбятъ и уйдетъ, а сдѣлать хорошаго ничего не сдѣлаетъ. Вотъ теперь вы бѣжать собираетесь. Да только того даже не подумали, что и бѣжать-то некуда. По рѣкѣ уже ледъ идетъ, того и гляди, она станетъ. Давайте-ка лучше на честный бой выйдемъ. Можетъ, Господь и поможетъ намъ.

Эти слова воротили казакамъ мужество.

Да и на самомъ дѣлѣ, куда было уходить, когда рѣка того и гляди готова была стать?

— Приказывай, атаманъ! Будемъ лучше биться! Смерть поганымъ язычникамъ! — раздались голоса казаковъ.

И казаки быстро приготовились къ бою.

Все ближе и ближе подходили враги, которыхъ велъ Махметкулъ.

Въ русскомъ лагерѣ загремѣли выстрѣлы.

Стрѣляли русскіе изъ пушекъ и пицалей, и враги десятками валились на землю.

Но войска Махметкула все продолжали наступать, тѣся казаковъ со всѣхъ сторонъ и грозя полнымъ разгромомъ русскихъ силъ.

Все хуже и хуже становилось положеніе русскихъ.

Тучи стрѣлъ сыпались въ нихъ, уже пало нѣсколько десятковъ людей Ермака.

Если потеря сотни людей была незамѣтна для Махметкула, то для Ермака замѣтна была потеря каждого человѣка.

— Ну, братцы, ударимъ-ка разомъ! — обозлясь, крикнулъ Ермакъ. — За мной! Кольцо!

И, выхвативъ мечъ, онъ ринулся въ самую гущу враговъ.

— Съ нами Богъ! — раздался его твердый голосъ.

— Съ нами Богъ! — подхватили казаки, бросаясь за своимъ любимымъ атаманомъ.

Бѣшенымъ натискомъ они ударили на враговъ, рубя саблями направо и налево, въ то время какъ другіе ихъ товарищи стрѣляли изъ пицалей.

Ермакъ и Кольцо, какъ львы, дрались впереди всѣхъ, пробираясь къ самому Махметкулу.

Долго длилась отчаянная рукопашная схватка.

— Махметкулъ убить! — раздался вдругъ чей-то голосъ.

И видно было, какъ татары, подхвативъ своего начальника на руки, потащили его къ лодкамъ, чтобы перевезти на другую сторону Иртыша.

На самомъ дѣлѣ Махметкулъ былъ только раненъ.

Но и этого было достаточно, чтобы въ рядахъ непріятелей произошло полное смятеніе.

Тѣснимые казаками и лишенные своего главнаго начальника, враги бросились въ бѣгство. Еще дружнее уда-

рили на нихъ казаки, и скоро все мѣсто сраженія покрылось трупами дикарей.

— Съ нами Богъ!—кричали казаки.

— Впередъ, впередъ!—раздавался голосъ Ермака.

И казаки продолжали добивать бѣгущихъ.

Х.

Все ближе и ближе подвигался казацкій отрядъ къ Чувашей горѣ, отдохнувъ послѣ боя съ Махметкуломъ.

Дорого обошлась эта битва Ермаку.

Сто семь человѣкъ храбрецовъ потерялъ онъ въ ней.

Но зато это была настолько большая побѣда, что царю Кучуму нечего было и думать о новомъ сопротивленіи.

Узнавъ о пораженіи Махметкула, слѣпой Кучумъ до того испугался, что убѣжалъ въ Нимскія степи, бросивъ на произволъ судьбы даже свою столицу, городъ Искеръ (Сибирь).

Слухи объ этомъ достигли, наконецъ, и до Ермака.

Но Ермакъ не довѣрялъ имъ и продолжалъ осторожно подвигаться впередъ.

— Хитритъ Кучумъ. Ужъ навѣрно гдѣ-нибудь засаду устроилъ,—говорилъ Ермакъ.

Но развѣдчики и плѣнники, которыхъ удавалось ловить по пути, лишь подтверждали дошедшіе до казаковъ слухи.

Нигдѣ теперь не видно было непріятельскихъ войскъ, съ береговъ въ казаковъ не летѣли вражескія стрѣлы.

Но вотъ, наконецъ, и Искеръ.

Еще издали завидѣли русскіе эту столицу Кучумова царства.

Городъ Искеръ былъ расположенъ на высокомъ берегу Иртыша.

Съ одной стороны онъ былъ защищенъ крутымъ обрывомъ, съ другой — тройнымъ глубокимъ рвомъ и землянымъ валомъ.

Тихо было въ Искерѣ, когда русскіе приблизились къ нему. Словно весь городъ вымеръ.

Раздѣливши, изъ предосторожности, своихъ людей на нѣсколько отрядовъ, Ермакъ ввелъ ихъ въ городъ одинъ за другимъ, все время ожидая засады.

Но нѣтъ, никакой засады нигдѣ не было видно, городъ былъ покинутъ не только Кучумомъ и его войсками, но и вообще жителями.

Самый городъ состоялъ изъ деревянныхъ избъ и мазанокъ, въ которыхъ казаки нашли богатѣйшую добычу.

Много золота и серебра, парчи, шелковъ и разныхъ матерій нашли русскіе въ брошенной столицѣ Сибирскаго царства, порядочно нашли и съѣстныхъ припасовъ.

Теперь, съ взятіемъ этого города, вся Сибирская земля, отъ Уральскихъ горъ, до рѣкъ Оби и Тобола, была въ рукахъ русскихъ.

Но исчезновеніе жителей изъ Искера не особенно радовало Ермака.

Съ каждымъ днемъ онъ становился все задумчивѣе.

— О чемъ ты думаешь, атаманъ? — спросилъ его однажды Иванъ Кольцо.

— Про то думаю, что нехорошо это, что татары изъ города ушли, — отвѣтилъ Ермакъ. — Нѣтъ теперь сюда подвоза съѣстныхъ припасовъ; что найдено было, скоро къ концу прійдетъ, а на золото и серебро не у кого ничего покупать.

Ермакъ, тотчасъ же послѣ занятія Искера, принялся укрѣплять городъ.

Пушки были втащены на валъ, что нужно было исправлено, и городъ сталъ еще болѣе крѣпкимъ, чѣмъ былъ раньше.

Прошла недѣля.

Наступило 30 октября.

Ермакъ, сидя въ избѣ, разговаривалъ со своими помощниками, когда вошедшій казакъ доложилъ ему, что за городомъ видны какіе-то люди.

Ермакъ съ атаманами и казаками поспѣшилъ на валъ.

Къ городу дѣйствительно подъѣзжала группа людей, человекъ въ сто.

Ермакъ выслалъ имъ навстрѣчу толмача, и толмачъ, переговоривъ съ пріѣзжими, вернулся къ Ермаку.

— Это остяки со своими князьями. Они пришли покорность объявить и твоей милости просить, — доложилъ Ермаку толмачъ. — Везутъ они тебѣ подарки и хотятъ поклясться въ вѣрности русскому царю.

Ермакъ тотчасъ же приказалъ отпереть ворота, и остяцкіе князья со своей свитой вѣхали въ городъ.

Торжественно принялъ ихъ Ермакъ.

Передавъ Ермаку принесенные дары, остяцкіе князья дали клятву, на медвѣжьей шкурѣ, въ покорности русскому царю.

Какъ извѣстно, медвѣди были, да и теперь еще находятся, въ большомъ почетѣ у остяковъ и считаются священными животными.

Обложивъ остяковъ небольшой данью, Ермакъ милостиво отпустилъ ихъ домой.

Скоро, вслѣдъ за остяками, прибыли и татары.

Они тоже привезли съ собою дары и клялись въ вѣрности и покорности русскому царю, цѣлуя при этомъ, по своему обычаю, окровавленную саблю Ермака.

Ермакъ отпустилъ и ихъ, обложивъ тоже небольшой данью.

Вообще Ермакъ отличался любовью къ порядку и справедливостью.

И не померкни такъ рано его жизнь, изъ него безъ сомнѣнія вышелъ бы мудрый и справедливый правитель.

Плохо приходилось тому, кто нарушалъ порядки, заведенные Ермакомъ.

Въ такихъ случаяхъ грозный атаманъ не зналъ пощады и виновникъ наказывался очень строго.

Только такой человѣкъ, обладавшій желѣзной волей и недюжиннымъ умомъ, притомъ любимый и чтимый своими подчиненными, могъ сохранять порядокъ въ такой шайкѣ.

XI.

Была весна 1582 года.

Въ Искерѣ все было тихо.

Со времени занятія этого города, казаки жили тихо, занимаясь охотой и рыбной ловлей, да собирая съ покоренныхъ народовъ ясакъ.

Но лишь только выздоровѣлъ Махметкулъ, какъ тотчасъ же принялся беспокоить русскихъ, мстя имъ за прежнее пораженіе.

Однажды онъ напалъ на партію казаковъ, въ двадцать человѣкъ, вышедшихъ ловить рыбу къ одному изъ озеръ, и перебилъ ихъ всѣхъ.

Правда, Ермакъ тотчасъ же бросился за татарами въ погоню и разгромилъ ихъ, но Махметкулу удалось убѣжать, а наступившая снѣжная зима не позволила продолжать преслѣдованіе.

Но Ермакъ вовсе не отказался отъ дальнѣйшей мести.

И вотъ, лишь только наступила весна 1582 года, какъ изъ Искера вышелъ отрядъ казаковъ въ шестьдесятъ человѣкъ, высланный по приказанію Ермака противъ Махметкула, бывшаго, по полученнымъ свѣдѣніямъ, недалеко отъ Искера.

Не ждалъ нападенія храбрый Махметкулъ, спокойно расположившійся лагеремъ въ укромномъ мѣстечкѣ.

Какъ вдругъ, рано утромъ, на его станъ, словно буря, налетѣли казаки.

Не долго длился бой.

Застигнутые врасплохъ татары разбѣжались, оставивъ въ рукахъ русскихъ самого Махметкула.

Ермакъ милостиво принялъ плѣнника, очень довольный тѣмъ, что въ его руки попалъ ближайшій родственникъ царя Кучума.

Но много еще работы предстояло покорителю Сибири.

Правда, казакамъ было на руку, что противъ Кучума пошелъ вдругъ войной сынъ Бекбулата, убитаго Кучумомъ, и что ему измѣнилъ вельможа Карача.

Но и кромѣ Кучума у русскихъ было не мало сильныхъ враговъ.

Сильный, остяцкій князь Демьянъ, не желавшій платить ясакъ, сидѣлъ въ своей крѣпости, на берегу Иртыша, съ двумя тысячами воиновъ.

Опасенъ былъ и другой остяцкій князь Самаръ, не желавшій подчиняться Ермаку.

И Ермакъ рѣшилъ покорить ихъ обоихъ.

Сначала онъ двинулся въ походъ противъ князя Демьяна и послѣ крѣпкаго боя взял его городъ.

Слѣдомъ за этимъ разбилъ онъ и Самара, соединившагося съ восемью другими князьками, напавъ на нихъ врасплохъ и убивъ самого Самара.

Послѣ этого былъ взятъ главный остяцкій городъ Назымъ, въ бою подъ которымъ былъ убитъ Никита Панъ.

Дойдя до Оби и взявъ еще нѣсколько остяцкихъ укрѣпленій, Ермакъ вернулся въ Искеръ.

Съ музыкой ѣхали казаки обратно, всюду встрѣчаемые почтительно и съ почестями.

И только теперь, возвратившись въ Искеръ, Ермакъ рѣшилъ послать Строгановымъ вѣсть о томъ, что султанъ Кучумъ покоренъ, Махметкулъ полоненъ, а земли ихъ взяты и народы обложены ясакомъ.

Другую грамоту Ермакъ рѣшилъ послать царю Ивану Васильевичу Грозному.

Въ этой грамотѣ онъ отъ имени себя и своихъ казаковъ просилъ прощенія за старые грѣхи, писалъ о покореніи Сибирскаго царства и просилъ о присылкѣ воеводъ.

И когда Ермакъ, собравъ однажды около себя атамановъ, спросилъ, кто изъ нихъ хочетъ везти грамоту царю, его любимецъ, Иванъ Кольцо, смѣло выступилъ впередъ.

— Я повезу твою грамоту, — проговорилъ онъ. — И буду бить челомъ великому государю отъ имени всѣхъ насъ.

Ермакъ удивленно взглянулъ на товарища.

— Развѣ не вѣдомо тебѣ, что осужденъ ты государемъ на смертную казнь! — проговорилъ онъ.

— Вѣдомо, — смѣло отвѣтилъ Кольцо. — Воленъ царь карать, воленъ и миловать.

— Твоя правда, — тихо проговорилъ Ермакъ.

И Кольцо съ нѣсколькими товарищами стали собираться въ долгую дорогу, чтобы бить государю челомъ царствомъ Сибирскимъ, дорогими соболями, черно-бурыми лисами и бобрами.

Богатые дары и нѣсколько плѣнниковъ посылалъ царю Ермакъ.

XII.

Шли недѣли и мѣсяцы.

А Ермакъ, отправивъ Ивана Кольцо, все продолжалъ жить въ Искерѣ, собирая дань съ покоренныхъ дикарей и наказывая непокорныхъ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ вѣстей изъ Москвы.

— Смилуется ли царь? Не погибъ ли Кольцо?—думалъ онъ ежедневно.

И, наконецъ, давно жданный день наступилъ.

Однажды днемъ, по Искеру съ быстротой молніи рас-

пространилась вѣсть о томъ, что къ городу подходятъ русскіе ратные люди.

Ермакъ и всѣ казаки бросились къ городскимъ воротамъ.

Какова же была радость Ермака, когда впереди пяти-сотеннаго отряда стрѣльцовъ, среди ихъ начальниковъ, онъ увидѣлъ своего любимца, Ивана Кольцо.

Трубными звуками, съ иконами въ рукахъ, встрѣтили казаки пришедшихъ, во главѣ которыхъ были воевода Семень Болховской и служащій Иванъ Глуховъ.

Десять священниковъ съ семьями шли съ этимъ отрядомъ.

Увидавъ Ермака, воевода подошелъ къ нему и торжественно заговорилъ:

— Велика милость великаго государя. Простилъ онъ всѣмъ вамъ ваши вины и повелѣлъ мнѣ передать тебѣ, князь Сибирскій, шубу съ своего, царева плеча, двѣ эти брони и кубокъ литаго серебра, а казакамъ твоимъ раздать подарки.

Съ этими словами воевода передалъ Ермаку и казакамъ богатые подарки отъ государя.

Растроганный Ермакъ глубоко благодарилъ за великую честь, и на глазахъ его выступили слезы.

И въ тотъ же день для всѣхъ прибывшихъ былъ данъ пиръ на славу.

Съ большимъ интересомъ слушалъ Ермакъ и его товарищи разсказъ Ивана Кольцо о томъ, какъ ласково принялъ ихъ царь и какъ простилъ всѣмъ имъ прежніе грѣхи.

— Въ Москвѣ только о тебѣ и рѣчи было, — разсказывалъ Кольцо Ермаку. — Всѣ твоей храбрости дивились и государь очень радовался. А мнѣ государь разрѣшилъ собирать охочихъ людей для заселенія края.

Разговорамъ не было конца.

И радость царила въ всемъ Искерѣ.

XIII.

Но новое горе уже ждало казаковъ и пришедшихъ стрѣльцовъ.

Стояла суровая зима, избы были сырыя, тѣснота была страшная, въ пищѣ скоро оказался сильный недостатокъ, развилась страшная болѣзнь цынга, и люди, особенно стрѣльцы, начали умирать одни за другими.

Умеръ и воевода Болховской.

И лишь только весной, когда русскимъ подвезли хлѣба, ихъ бѣдствія прекратились.

Однажды къ Ермаку пріѣхало нѣсколько остяковъ.

— Съ чѣмъ пріѣхали?—спросилъ Ермакъ.

— Пріѣхали мы отъ нашего князя, Карачи, просить тебя подмоги противъ ногайскихъ татаръ, — отвѣтили пріѣхавшіе.

Князь Карача былъ еще силенъ, и Ермакъ не хотѣлъ съ нимъ ссориться, тѣмъ болѣе что Карача показывалъ видъ, что дружить съ русскими, часто посылалъ имъ подарки и всячески льстилъ имъ.

Не думалъ Ермакъ, что хитрый Карача все время обманываетъ бдительность русскихъ.

И въ тотъ же день онъ отправилъ на помощь Карачѣ своего любимца Ивана Кольцо съ сорока удалцами.

А черезъ нѣсколько дней онъ узналъ страшную новость.

Заманивъ Ивана Кольцо и его людей въ свой улусъ, Карача со своими остяками перерѣзалъ ихъ всѣхъ.

Эта побѣда подбодрила дикарей.

И противъ русскихъ вдругъ возстали всѣ покоренные туземцы.

XIV.

Было 5 августа 1584 года.

Солнце уже коснулось краемъ горизонта и вечерній сумракъ начиналъ окутывать землю.

Сильный вѣтеръ нагонялъ на небо черныя тучи, которыя застлали почти все небо, оставивъ пока свободный кусочекъ лишь на западной его части.

На берегу Иртыша, покрытаго теперь сердитыми волнами, раскинулся русскій станъ.

Сидя рядомъ съ Мещерякомъ въ палаткѣ, Ермакъ казался погруженнымъ въ глубокія думы.

Какъ-то странно и нехорошо чувствовалъ онъ себя въ этотъ вечеръ.

Невольно мысли его уходили въ прошлое.

Да, не мало пришлось испытать казакамъ со времени гибели Ивана Кольцо съ товарищами.

Ермакъ вспомнилъ, какъ еще въ іюнѣ этого года Карача, съ множествомъ взбунтовавшихся инородцевъ, окружили со всѣхъ сторонъ Искеръ, обложивъ его обозами.

Правда, русскіе не жалѣли пороха и беспощадно били изъ пушекъ и пицалей враговъ, но все это не приводило ни къ чему.

Еще нѣсколько дней, и русскимъ пришлось бы сдаться, такъ какъ провізія вся была на исходѣ.

Но не погибла еще казацкая слава.

12 іюня, темною ночью, вышли казаки подъ начальствомъ Мещеряка изъ города и дружно ударили на враговъ.

Много сонныхъ враговъ перебили они въ эту ночь и, завладѣвъ частью обозовъ, засѣли въ нихъ.

О, это былъ славный бой.

До самаго полудня старался Карача выбить русскихъ изъ обозовъ, пока наконецъ не принужденъ былъ самъ бѣжать и скрыться за рѣку Ишимъ, къ Кучуму.

Много городковъ разгромилъ послѣ этого Ермакъ, снова приведя къ послушанію возставшихъ инородцевъ.

Потомъ все пошло тихо.

Въ Искеръ пріѣзжали бухарскіе купцы съ товарами и русскіе вели съ ними прибыльный торгъ.

Но вотъ недавно Ермакъ узналъ, что Кучумъ не пускаетъ бухарскихъ купцовъ къ русскимъ.

Уже должны были прибыть въ Искеръ купцы, а между тѣмъ ихъ все не было.

И вотъ Ермакъ, взявъ съ собою пятьдесятъ казаковъ, пошелъ навстрѣчу купцамъ.

Однако пробродивъ безъ толку, Ермакъ не нашелъ ни Кучума ни купцовъ и теперь остановился, идя обратно на ночлегъ, на берегу Иртыша.

Еще днемъ поднялась буря.

Время шло, а буря продолжала бушевать, становилось все темнѣе и темнѣе.

Ермакъ поднялъ голову.

— Ну, пожалуй, и спать пора, — проговорилъ онъ.

— Пора, — отозвался Мещерякъ.

И оба товарища, улегшись на землѣ, скоро заснули крѣпкимъ сномъ.

Они и не подозрѣвали, что Кучумъ стоитъ лагеремъ по другую сторону Иртыша и зорко слѣдитъ за ними.

XV.

Уже давно заснулъ русскій лагерь.

Усталые казаки, не принявъ на этотъ разъ необходимыхъ мѣръ предосторожности, спали крѣпкимъ сномъ.

Никто не замѣтилъ человѣка, ползкомъ подкравагся къ русскому лагерю.

Вотъ фигура неслышно подползла къ нѣсколькимъ спящимъ казакамъ, осторожно схватила нѣсколько предметовъ, принадлежащихъ казакамъ, и такъ же тихо исчезла.

Это былъ шпионъ Кучума, котораго Кучумъ послалъ принести доказательство того, что русскіе спятъ.

Вотъ шпионъ тихо скользнулъ къ берегу, вскочилъ въ легкую лодку и скрылся во мракѣ.

Прошло около часа.

Но вотъ, недалеко отъ русскаго лагеря слышался плескъ воды, и воины Кучума, нашедшіе бродъ верхомъ на лошадахъ, одинъ за другимъ стали выѣзжать на берегъ.

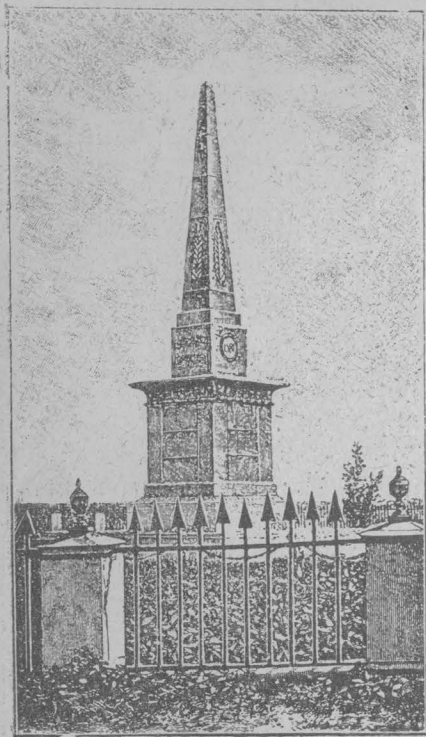
Послышалась команда.

И вдругъ татары быстро устремились къ русскому стану.

Бросившись на сонных казаковъ, они рѣзали и кололи ихъ, не встрѣчая никакого почти сопротивленія.

Шумъ и звонъ оружія разбудилъ осторожнаго Ермака и еще одного казака.

И лишь одному изъ нихъ удалось спастись и принести въ Искеръ печальную вѣсть.

Погибъ ночью 5 августа 1584 года отважный Ермакъ.

Но не погибло его дѣло.

И въ брешь, пробитую имъ въ Сибирь, широкой волной хлынули русскіе.

Схватился было за оружіе Ермакъ, да увидѣлъ, что спасенія нѣтъ.

Рубя направо и налево, кинулся онъ къ рѣкѣ, думая спастись въ лодкѣ, но вѣтеръ угналъ лодки отъ берега.

Сотня враговъ кинулась за нимъ.

Теперь оставалось спастись только вплавь.

И Ермакъ ринулся въ бушующія волны Иртыша.

Но нѣтъ, спасенія теперь не было.

Взмахъ руки, другой, третій и... храбрый Ермакъ, котораго тяжелая кольчуга потянула ко дну, навсегда скрылся подъ волнами.

Всѣхъ казаковъ перерѣзали татары.

По слѣдамъ Ермака.

I.

Была осень 1584-го года, когда къ городу Искеру (бывшей столицѣ сибирскаго царя Кучума, а затѣмъ— столицѣ Ермака), подошелъ худой, изможденный чело-вѣкъ, одѣтый въ рваный зипунъ, съ саблей на поясѣ.

Это былъ казакъ Васька, ушедшій въ началѣ августа съ Ермакомъ искать азіатскихъ купцовъ, которыхъ будто бы не пропускалъ въ Искеръ царь Кучумъ.

Достаточно было одного взгляда, чтобы убѣдиться въ томъ, что Васька испыталъ не мало бѣдъ.

Онъ шелъ, пошатываясь, словно въ безсознательномъ состояніи.

Городъ Искеръ былъ небольшою городокъ, расположен- ный на берегу Иртыша.

Весь городъ состоялъ изъ десятковъ двухъ избъ, об- несенныхъ деревяннымъ тыномъ, за которымъ тянулся ровъ.

Лишь только вошелъ Васька въ городъ, какъ ходившіе между избами казаки сразу замѣтили его.

— Братцы, да это никакъ Васька идетъ!—восклик- нулъ одинъ изъ казаковъ, по имени Силай.

И нѣсколько казаковъ окружили Ваську.

— Откуда?... Что это ты такой?... Товарищи гдѣ? — посыпались на него тревожные вопросы.

— Ёсть... ёсть хочу... — прохрипѣлъ Васька, безсильно опускаясь прямо на землю.

— Эге! — воскликнулъ Силай. — Братцы, никакъ бѣда стряслась!

Нѣсколько человѣкъ бѣгомъ бросились въ первую попавшуюся избу и скоро вернулись назадъ съ кускомъ мяса, хлѣбомъ и чашкой вина.

— Много не ѣшь, — посовѣтовалъ Силай, видя, съ какой жадностью схватилъ Васька принесенную їду.

Голодный казакъ, что называется, пожиралъ пищу, разрывая ее своими зубами и глотая не прожевывая.

— Ишь, сердяга! Знать намаялся! — говорили между собой казаки, глядя на него.

Чашка вина подбодрила Ваську.

Онъ провелъ рукой по лицу, вытеръ усы и какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

— Пропали!... всё пропали! — тихо проговорилъ онъ.

Казаки тревожно переглянулись.

— Кто пропаль?... Ермакъ гдѣ? — слышались нетерпѣливые вопросы.

— Спали мы... на берегу Иртыша... Ну, Кучумъ и напаль, — заговорилъ, приходя въ себя, Васька. — Напали они на насъ и перерѣзали всѣхъ. Я съ Ермакомъ до Иртыша добрались, Ермакъ въ воду бросился и потонулъ, а я вотъ... спасибо ночь темная была, а то и я бы не спасся.

Глухой ропотъ пробѣжалъ по толпѣ.

Люди все прибывали и прибывали, страшная вѣсть о гибели атамана и его товарищей, съ быстротою молніи облетѣла городъ.

И всѣ спѣшили къ тому мѣсту, гдѣ находился Васька.

II.

Прошло нѣсколько дней.

Съ каждымъ днемъ тревога все болѣе и болѣе овладѣвала жителями Искера.

Ежедневно сюда приходили недобрыя вѣсти.

Плѣнные инородцы, которыхъ ежедневно ловили казаки, чтобы добывать отъ нихъ необходимыя свѣдѣнія, говорили, что Кучумъ собираетъ большое войско и посылаетъ съ нимъ сына своего, чтобы взять Искеръ и перерѣзать всѣхъ русскихъ.

Говорили плѣнные, что успѣхъ Кучума заставилъ подняться противъ русскихъ и другіе народы и что Искеръ будетъ окруженъ огромными полчищами разныхъ племенъ.

Тревога все росла и росла въ городѣ.

Росла она и въ сердцѣ дворянина Глухова, присланнаго незадолго передъ этимъ изъ Москвы вмѣстѣ съ воеводой Семеномъ Болховскимъ и пятьюстами стрѣльцами, съ грамотой и дарами Ермаку и его казакамъ отъ царя Ивана Васильевича Грознаго.

Умный и наблюдательный, онъ хорошо понималъ, что оставаться съ такими малыми силами въ Искерѣ невозможно.

— Враги наши теперь осмѣлѣли, а насъ убавилось, — говорилъ онъ. — Придетъ теперь сюда сила несмѣтная и всѣхъ насъ перерѣжетъ.

— Извѣстно, перерѣжутъ! Гдѣ намъ устоять! — соглашались казаки. — Надо уходить по добру по здорову, пока они еще не собрались.

— За Уралъ, за Уралъ! — кричали они.

И Глуховъ, наконецъ, отдалъ приказъ, чтобы всѣ жители Искера приготовились къ выступленію.

Въ два дня все было кончено.

И вотъ, однажды утромъ, длинный обозъ, охраняемый вооруженными казаками и стрѣльцами, вышелъ изъ города.

Хмуρο выходили русскіе изъ города, завоеваннаго съ такимъ трудомъ храбрымъ Ермакомъ.

Словно что-то обрывалось въ ихъ сердцахъ.

Прощай, только что завоеванная Сибирь!

Съ ихъ уходомъ она снова должна была перейти въ руки татаръ и другихъ инородцевъ, и о прежней славѣ русскихъ не должно было оставаться и помину.

Вотъ обозъ уже совершенно вышелъ изъ города, голова его втянулась въ лѣсъ и скоро весь обозъ скрылся изъ виду.

Только пустой городъ, унылый и странно затихшій, остался на прежнемъ мѣстѣ.

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Время было уже за полдень, когда на берегу одной изъ небольшихъ рѣченокъ Западной Сибири показался отрядъ.

Это былъ отрядъ, состоявшій изъ ста человѣкъ стрѣльцовъ.

Впереди отряда, верхомъ на лошади, ѣхалъ крѣпкій, суроваго вида человѣкъ, одѣтый въ дорогіе боевые доспѣхи.

Это былъ воевода Мансуровъ, посланный царемъ Федоромъ Иоанновичемъ на помощь сибирскимъ завоевателямъ.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ этотъ отрядъ вышелъ изъ Москвы, а до мѣста назначенія было еще очень далеко.

Большой вьючный обозъ сопровождалъ отрядъ.

Безъ этого обоза не отважились бы люди итти въ эту чуждую для нихъ страну.

Они везли съ собой муку, соль, крупу, порохъ, свинецъ, топоры, котлы и разныя другія вещи, безъ которыхъ существованіе въ Сибири было бы слишкомъ труднымъ.

Быстро катила свои воды въ неизвѣстную даль серебристая рѣчка и исчезала за поворотомъ въ густомъ непроглядномъ лѣсу.

— А лошади-то знать сильно притомились. Надо бы денька два отдохнуть, благо мѣсто подходящее и трава есть,—проговорилъ воевода, обращаясь къ своему помощнику, приземистому стрѣльцу, по прозвищу Жила.

— И я такъ думаю, воевода,—отвѣтилъ Жила.—Пошто намъ скотину домучивать!

— Ну, значить, и дѣло рѣшеное. Поставь часовыхъ только. Не равень часъ, враги про насъ провѣдуютъ, да врасплохъ нападутъ,—приказалъ воевода.

И съ этими словами онъ первый соскочилъ съ коня на землю.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ на берегу рѣки закипѣла дѣятельная работа.

Одна за другой появились палатки, кони были рассѣдланы, развьючены и пущены на пастбище, въ станѣ задымились костры.

Нѣкоторые стрѣльцы принялись варить пищу, повѣсивъ надъ кострами котлы, другіе занялись рыбной ловлей, третьи просто отдыхали, сидя въ палаткахъ и подъ открытымъ небомъ.

Какъ-то жутко было въ этой глуши, среди невѣдомыхъ мѣстъ, по которымъ велъ отрядъ проводникъ, одинъ изъ казаковъ Ермака.

Незамѣтно наступилъ вечеръ, а за нимъ и ночь.

Лагерь погрузился въ сонъ, и лишь часовые, стоя на своихъ постахъ, напряженно прислушивались къ звукамъ ночи.

IV.

— Воевода! Никакъ наши, русскіе идутъ! — воскликнулъ Жила, быстро подходя къ Мансурову, который въ это время разговаривалъ о чемъ-то со стрѣльцами.

— Гдѣ? Какіе русскіе? — удивленно спросилъ воевода, поворачиваясь къ нему.

— А вонъ, погляди-ка на ту голую горку, что надъ деревьями высится, — отвѣтилъ Жила, указывая на широкую, невысокую горку, возвышавшуюся надъ тайгой.

Всѣ невольно взглянули по указанному направленію.

Да, да, черезъ пригорокъ медленно переваливала вереница какихъ-то людей.

— А ну-ка, Жила, пошли поразвѣдать, — быстро приказалъ воевода.

Жила тотчасъ же отрядилъ нѣсколько стрѣльцовъ, наказавъ имъ не показываться, если они встрѣтятъ враговъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ стали ждать ихъ возвращенія.

На всякій случай всѣ стрѣльцы зарядили пищали и приготовились хорошенько встрѣтить врага.

— Нѣтъ, на татаръ или другихъ дикихъ эти люди что-то не похожи! — проговорилъ Жила, пристально всматриваясь въ шедшихъ по пригорку людей.

— Сдается и мнѣ, что ты правъ, — отвѣтилъ воевода. Прошло съ полчаса.

Но вотъ къ лагерю подошелъ одинъ изъ посланныхъ на развѣдку стрѣльцовъ.

— Наши, наши! — закричалъ онъ еще издали. — Сейчасъ всѣ сюда прійдутъ.

— Наши, наши! — пронеслось по лагерю.

— Откуда же они идутъ? И зачѣмъ?—задумчиво произнесъ воевода.

Этотъ вопросъ интересовалъ всѣхъ, такъ какъ неизвѣстный отрядъ шелъ въ обратную сторону.

Но скоро все выяснилось.

Вотъ показался первый человѣкъ, за нимъ второй, третій, и скоро отрядъ казаковъ, съ Глуховымъ во главѣ, подошелъ къ лагерю.

Воевода сразу узналъ Глухова.

— Глуховъ!—воскликнулъ онъ.—Какъ попалъ ты сюда? Аль бѣда какая стряслась?

— Здравствуй, воевода,—отвѣтилъ печально Глуховъ.— Нешто безъ бѣды ушли бы мы изъ Искера? Сила, говорятъ, несмѣтная тамъ собиралась. Во время ушли, а то бы всѣ перерѣзаны были.

Оба начальника отошли въ сторону, и Глуховъ сталъ подробно рассказывать Мансурову про все, что случилось съ ними.

Только головой покачивалъ воевода, слушая этотъ рассказъ.

— По дорогѣ всѣ припасенки поистратили, голодали и оцыншали. А сегодня уже вотъ сутки, какъ ничего не ѣли,—грустно рассказывалъ Глуховъ.—Прогнѣвили мы видно Господа. Ужъ о смерти сегодня подумывали, да видно смилостивился Онъ надъ нами.

Глуховъ говорилъ правду.

Много бѣдъ перетерпѣли бѣглецы за время своего долгаго пути, всѣ они были оборваны и у многихъ изъ нихъ развилась страшная болѣзнь цынга, отъ которой вспухали десны и ломило все тѣло.

Мансуровъ тотчасъ же приказалъ накормить голодныхъ людей и, поѣвъ самъ вмѣстѣ съ Глуховымъ, снова заговорилъ съ нимъ о будущемъ.

— А я на подмогу вамъ шель, вмѣстѣ теперь назадъ въ Искеръ пойдемъ,—сказалъ между прочимъ Мансуровъ.

— Какъ тебѣ угодно будетъ,—отвѣтилъ Глуховъ.— Только малость передохнуть дай.

— Это ужъ конечно,—согласился воевода.— Значить, сначала по рѣкѣ Турѣ поѣдемъ?

— По Турѣ, воевода,—подтвердилъ Глуховъ.— Потомъ по притоку Туры, Тавдѣ рѣкѣ, изъ Тавды въ рѣку Тоболъ въѣдемъ, а тамъ дорога на Иртышъ прямая.

— Такъ, такъ,—кивалъ головою Мансуровъ, слушая Глухова.— Такъ мнѣ и казакъ присланный рассказывалъ.

Въ это время одинъ изъ стрѣльцовъ отозвалъ зачѣмъ-то Мансурова, и разговоръ начальниковъ прекратился.

V.

Уже второй день плыли русскіе кочи (деревянное большое судно съ мачтой и палубой) по рѣкѣ Тоболу.

Красиво, хотя и угрюмо было въ этихъ мѣстахъ.

Плавно текла, извиваясь въ берегахъ, рѣка, справа и слѣва то тянулась темная, задумчиво-угрюмая тайга, то широкіе луга, покрытые частью сочной травой, частью болотами.

Изрѣдка показывались улусы.

Сидя на палубѣ передняго коча, Мансуровъ и Глуховъ разговаривали между собою.

— Ужъ и до Искера теперь недалеко,—проговорилъ послѣ небольшого молчанія Мансуровъ.— Надо бы языка (плѣнника) достать, да поразвѣдать, что въ Искерѣ дѣлается.

— И то надо бы,—согласился Глуховъ.

И, взглянувъ вдаль, онъ радостно произнесъ:

— Вонъ улусъ стоитъ. Пошли молодцовъ, пусть при-тащутъ кого-нибудь.

Мансуровъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, и русскіе кочи, доѣхавъ до улуса, пристали къ берегу.

Остяки, жившіе въ улусѣ, и не думали защищаться, видя, какъ много русскихъ людей.

Но изъ ихъ показаній русскіе узнали много интереснаго и неожиданнаго.

Узнали они, что послѣ ухода русскихъ къ Искеру пошелъ съ войскомъ сынъ Кучума, Алей, а за нимъ и самъ старикъ отецъ Кучумъ.

Однако Кучуму не удалось долго продержаться въ Искерѣ.

Скоро на него пошелъ войной князь Сейдякъ, ненавидѣвшій слѣпного Кучума, и, побѣдивъ Кучума, занялъ самъ Искеръ.

Все это были свѣдѣнія очень интересныя для русскихъ.

Значить, надо было приготовиться къ бою съ Сейдякомъ, который, вѣроятно, былъ сильнѣе Кучума.

Узнавъ отъ плѣнника все, что ему было нужно, Мансуровъ отпустилъ его на волю, взявъ предварительно съ жителей улуса ясакъ (дань).

И русскіе кочи устремились дальше.

VI.

Вотъ уже пять дней, какъ русскіе начали осаду Искера, въ которомъ заперся и укрѣпился князь Сейдякъ.

Но на всѣ предложенія Мансурова сдаться Сейдякъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

— Ну, погоди жъ ты у меня, невѣрный пестъ! — рычалъ воевода. — Жаль, что у меня силы мало, а то бы я у тебя камня на камнѣ не оставилъ.

И, обернувшись къ Глухову, онъ сказалъ:

— Вели-ка къ тыну дровъ понатаскать да поджечь

ихъ. Впередъ только кольчужниковъ пускай, да и тѣ лица пусть полѣнницами прикрываютъ. Со всѣхъ сторонъ къ тыну разомъ подходить.

— Слушаю, воевода, — отвѣтилъ Глуховъ.

Не прошло и часа, какъ стрѣльцы и казаки со всѣхъ сторонъ двинулись на приступъ, таща съ собою каждый по огромной охапкѣ дровъ.

Дикимъ воемъ встрѣтили ихъ осажденные, и цѣлыя тучи стрѣлъ полетѣли въ штурмующихъ.

— Впередъ, за мной! — кричалъ воевода, идя самъ впереди.

Нѣсколько стрѣлъ со звономъ ударились объ его кольчугу и отскочили отъ нея, не причинивъ воеводѣ никакого вреда.

Все ближе и ближе подвигались штурмующіе къ тыну.

Пока къ тыну подходили съ дровами кольчужники, тѣмъ временемъ остальные русскіе обстрѣливали городъ изъ пищалей.

Но не дремали и осажденные.

Яростно защищались они отъ русскихъ, продолжая по-прежнему осыпать ихъ тучами стрѣлъ.

Ужасенъ былъ этотъ бой.

Едва подошли кольчужники къ тыну, какъ на головы имъ полился кипятокъ и посыпались камни.

Онъ жегъ русскихъ и заливалъ дрова, дѣлая ихъ мокрыми и плохо горящими.

Всѣ усилія употребляли русскіе, чтобы поджечь тынъ. Но напрасно.

Потерявъ нѣсколькихъ человѣкъ, они принуждены были отступить, такъ и не взявъ города.

Сильно досадовалъ воевода Мансуровъ, но горю ничѣмъ не могъ помочь и скоро убѣдился, что городъ Искеръ очень трудно взять и что для этого нужно загубить слишкомъ много жертвъ.

— А вѣдь что ни говори, а надо будетъ это дѣло бросить!—заявилъ онъ на слѣдующій день Глухову.

Глуховъ ничего не отвѣтилъ.

Но вдругъ у него явилась новая мысль.

— А что если мы другой городъ поставимъ тутъ же недалеко, на берегу Оби? — предложилъ онъ. — Мы ихъ тогда въ постоянномъ страхѣ держать будемъ.

Мансуровъ подумалъ.

— Да, видно, такъ и придется сдѣлать, — сказалъ онъ. — А Искеръ изъ нашихъ рукъ не уйдетъ. Надо только ихъ силу ослабить.

О своемъ рѣшеніи Мансуровъ сообщилъ всѣмъ казакамъ и стрѣльцамъ.

И планъ его былъ единогласно одобренъ всѣми.

VII.

Въ русскомъ городѣ было шумно и оживленно.

Это былъ тотъ самый городъ, о которомъ говорили казаки послѣ осады Искера.

Словно грибокъ, быстро и неожиданно выросъ онъ на новомъ мѣстѣ, на самомъ берегу рѣки Оби.

Казаки и стрѣльцы довольно хорошо укрѣпили его.

Городъ, состоявшій изъ десятка съ лишнимъ деревянныхъ избъ, былъ окруженъ землянымъ валомъ съ тыномъ и рвомъ.

По тому времени это была довольно надежная защита.

Итакъ, въ описуемый день въ новомъ городѣ замѣтно было сильное оживленіе.

По городу взадъ и впередъ бѣгали казаки и стрѣльцы, къ башнѣ, на которой стояла пушка, подносили ядра и порохи.

Порохъ въ ящикахъ подтаскивали и къ тыну.

Но если бы кто взглянулъ за тынъ, тотъ сразу понялъ бы, въ чемъ дѣло.

По просторной равнинѣ къ городу медленно придвигалось какое-то войско.

За этимъ войскомъ, въ которомъ можно было насчитать по крайней мѣрѣ тысячи полторы человѣкъ, двигался легкій обозъ.

Это шли на русскихъ остяки, которыхъ совсѣмъ не радовало возвращеніе ихъ старыхъ знакомыхъ, русскихъ.

И остяки, помнившіе пораженіе Ермака, рѣшили употребить всѣ усилія, чтобы только снова выгнать русскихъ обратно.

Казаковъ и вообще защитниковъ въ новомъ городкѣ было около двухсотъ пятидесяти человѣкъ.

Далеко не равны были силы враждующихъ сторонъ.

Но на сторонѣ казаковъ было очень важное преимущество.

Они владѣли «огненнымъ боемъ» (ружьями), тогда какъ остяки дрались только ножами да копьями, а стрѣляли изъ луковъ.

Все ближе и ближе надвигалась на новый городъ остяцкая рать.

Вотъ, подойдя на нѣкоторое разстояніе, остяки вытянулись въ длинную линію и стали окружать городъ съ трехъ сторонъ.

Въ то же время и на рѣкѣ появилось нѣсколько десятковъ остяцкихъ лодокъ, посредствомъ которыхъ остяки какъ бы желали установить блокаду новаго города со стороны рѣки.

— А ну-ка, ну-ка, подходите, родимые! — посмѣивался Мансуровъ, похаживая за тыномъ и подмигивая защитникамъ. — Ужъ тутъ-то они насъ никакъ не возьмутъ.

— Гдѣ же имъ, чурбанщикамъ! — весело отзывались казаки. — Развѣ имъ идолы ихніе помогутъ?

— А ну, а ну, поближе!—продолжалъ говорить Мансуровъ.—Оглядывайтесь, ребята, назадъ, и какъ увидите, что казакъ на моей избѣ знаменемъ махнетъ, такъ разомъ и изъ пищалей и изъ пушки палите.

— Ужъ будь покоенъ, воевода,—отвѣчали казаки.

Въ городѣ за тыномъ даже слышался смѣхъ.

Но вотъ остяки быстро двинулись впередъ, оглашая воздухъ дикимъ воемъ и размахивая въ воздухѣ луками.

— Самые настоящіе черти во время пляски!—смѣялись казаки, держа пищали наготовѣ.

Мансуровъ выжидалъ и не давалъ сигнала, желая подпустить непріятеля поближе, чтобы нанести имъ побольше урона.

Еще издали остяки пустили, вѣроятно ради угрозы, тучу стрѣлъ въ русскихъ, но стрѣлы эти не долетѣли далеко до тына.

Но вотъ наконецъ остяки приблизились на хорошее разстояніе, и на домѣ воеводы взвился флагъ.

По всей линіи обороны затрещали выстрѣлы, съ башни грянула пушка и дымъ окуталъ тынъ.

Остяки въ ужасѣ остановились.

На землѣ валялось до сорока убитыхъ и раненыхъ.

Враги не выдержали и въ безпорядкѣ бросились назадъ, оглашая воздухъ испуганными криками.

Но они раньше знали русскихъ и уже слышали выстрѣлы.

Собравшись съ силами, они снова устремились на новый городъ, но послѣ перваго же залпа снова побѣжали назадъ.

Нѣсколько разъ принимались они штурмовать городъ, но каждый разъ русскіе встрѣчали ихъ залпами и съ хотомъ провожали назадъ.

До вечера длился бой и только къ вечеру утихъ.

Попробовали было остяки напасть на городъ ночью, но зоркіе часовые во-время увидѣли ихъ и отбили нападеніе.

VIII.

Наступило слѣдующее утро.

И русскіе увидѣли вдругъ странное зрѣлище.

Простымъ глазомъ въ непріятельскомъ станѣ можно было видѣть огромного идола, передъ которымъ бѣсновалось нѣсколько человѣкъ.

А вокругъ этихъ бѣснующихся людей стояла толпа остяковъ, размахивая руками.

— Видно, сбѣсились они! Гляди, гляди, пляшутъ! Ахъ, шуты заморскіе, ишь что выкидываютъ! — хохотали казаки.

— Это они своему идолу, Славутею, молятся, — пояснилъ одинъ изъ бывалыхъ казаковъ.

Это была правда.

Остяки молили своего наиболѣе чтимаго идола, Славутея, о дарованіи имъ побѣды надъ русскими.

— Ха-ха-ха! — хохотали казаки.

— А ну-ка ядромъ въ этого идола, — посовѣтовалъ Мансуровъ.

Пушкари бросились къ башнѣ.

— Только цѣлься лучше, — крикнулъ имъ вслѣдъ Мансуровъ.

Прошло нѣсколько минутъ.

И вдругъ съ башни грохнула пушка.

Прошло нѣсколько секундъ.

И вдругъ единодушный крикъ радости пронесся за тыномъ.

Ядро угодило прямо въ идола, разбивъ его вдребезги.

Но затѣмъ надо было видѣть, какой паническій страхъ овладѣлъ при этомъ остальными.

Не помня себя отъ ужаса, они бросились бѣжать во всѣ стороны, оставивъ на мѣстѣ разбитого идола и трехъ убитыхъ.

— Такъ, такъ!—кричали казаки.

Радости не было конца.

— Ну, соколы, а теперь намъ чередъ, открывай ворота, да за мной!—крикнулъ Мансуровъ.

Вмѣстѣ съ казаками онъ бросился къ воротамъ и ударилъ неожиданно на потерявшихъ голову враговъ.

Началось избіеніе.

Долго длилось преслѣдованіе, много въ этотъ разъ погибло остяковъ, и только къ сумеркамъ побѣдители вернулись назадъ.

Но эта громкая побѣда горсти русскихъ удалцовъ надъ впятеро болѣе многочисленнымъ противникомъ имѣла для русскихъ огромное значеніе.

Русскіе такъ напугали остяковъ, что они въ тотъ же день оставили всякую охоту сражаться съ русскими.

Весело было въ этотъ вечеръ въ казацкомъ станѣ.

Русскіе шутили, смѣялись, пѣли пѣсни и вспоминали погананаго идола, котораго тамъ умаливали дикіе остяки.

— Вотъ такъ намолилъ! — хохотали казаки. — Ужъ чего лучше такого бѣса-бога имѣть! Ишь какъ имъ помогъ! Даже кибитки и всю рухлядь пооставляли! А сколько мы ихъ понакрошили.

— Надолго теперь охоту отбили съ нами воевать, — вторили другіе.

IX.

Прошло еще нѣкоторое время.

Русскіе спокойно жили себѣ въ новомъ городѣ, и не подозрѣвая, что къ нимъ спѣшитъ еще помощь изъ Россіи.

И вотъ однажды рано утромъ, когда всѣ въ городкѣ еще спали, со стѣнъ раздались тревожные крики часовыхъ:

— Войско чье-то идетъ!

Эта вѣсть мигомъ облетѣла весь городокъ и поставила на ноги весь гарнизонъ.

Съ пицалами и саблями въ рукахъ, выбѣжали казаки на валъ, таща за собою запасы пороха и пуль.

Пристально вглядывался вдаль Мансуровъ, стараясь разобрать, кто подступаетъ къ городку. Какой-то большой отрядъ подступалъ медленно къ городку, но за дальностью разстоянія невозможно было сказать, кто враги и много ли ихъ.

— Ишь, не долго дали намъ отдохнуть, проклятые! — недовольно ворчалъ Мансуровъ.

— Пороха и свинца у насъ мало осталось, вотъ что, — говорилъ Глуховъ. — Видно, опять осада будетъ.

А неизвѣстный отрядъ приближался все болѣе и болѣе.

— Братцы, да вѣдь это наши! Русскіе! — вдругъ воскликнулъ Мансуровъ, не перестававшій пристально всматриваться вдаль.

— Какъ наши? Откуда наши? Братцы, вѣдь и вѣрно! Наши, наши! — раздались вдругъ обрадованные голоса. — Вѣрно, вѣрно! Теперь совсѣмъ хорошо видно. Вонъ и знамя русское!

— Навстрѣчу! Сыпь за ворота! Пали изъ пицалей!

Радостный гулъ раздавался на валу.

И наконецъ весь гарнизонъ высыпалъ за городъ, стрѣлая изъ пицалей и привѣтствуя подходившій русскій отрядъ.

Наконецъ, новый отрядъ подошелъ къ городку, и ведшій отрядъ воевода Чулковъ подошелъ къ Мансурову, съ которыми онъ былъ знакомъ еще въ Москвѣ.

Радостно встрѣтились пріатели.

Позвавъ Чулкова къ себѣ, Мансуровъ тотчасъ же распорядился объ обѣдѣ, и за обѣдомъ оба воеводы все время разспрашивали другъ друга о разныхъ дѣлахъ.

Мансуровъ разспрашивалъ про Москву и тамошнія дѣла, Чулковъ, наоборотъ, разспрашивалъ о Сибири, о новыхъ земляхъ, о народахъ и о жизни въ городкѣ.

Онъ привелъ съ собою триста двадцать человѣкъ служилыхъ людей, а это, по тѣмъ временамъ, для Сибири была большая сила.

Всѣ люди были вооружены пищалями, у большинства были кольчуги, да кромѣ того Чулковъ привелъ съ собою большой обозъ съ мукой, крупой, порохомъ, свинцомъ, холстами, солью и другими необходимыми припасами.

Новыхъ людей тотчасъ же размѣстили въ городкѣ, и русскіе сразу почувствовали себя гораздо болѣе сильными...

Теперь ужъ имъ не такъ страшны были враги.

Одно только было плохо.

Новый городокъ былъ слишкомъ тѣсенъ для такого большого количества людей.

Чулковъ на слѣдующій же день подробно осмотрѣлъ городокъ.

— Чтой-то не очень нравится мнѣ это мѣсто,—проговорилъ онъ, покачивая головой, послѣ того, какъ осмотръ былъ оконченъ.

И, обернувшись къ Мансурову, онъ спросилъ:

— А какъ князь Сейдякъ?

— Все въ Искерѣ сидитъ,—отвѣтилъ Мансуровъ.

— А выбить его не пробовалъ? — спросилъ Чулковъ.

— Силы у меня мало. А много народу своего не рискну губить,—отвѣтилъ Мансуровъ.—Тутъ у меня каждый человѣкъ на счету.

Чулковъ задумался.

— Ну, я посмотрю. Можетъ быть, мы и иначе справимся съ нимъ,—проговорилъ онъ, наконецъ.

Прошло два дня, въ продолженіе которыхъ Чулковъ успѣлъ осмотрѣть всѣ окрестности вокругъ новаго городка и Искера.

Однажды онъ пришелъ къ Мансурову очень довольный, объявивъ ему, что задумалъ строить новый городъ.

— Гдѣ же ты его задумалъ строить?—поинтересовался Мансуровъ.

— Мѣсто я хорошее выбралъ. Верстахъ въ шестнадцати отъ Искера,—отвѣтилъ Чулковъ.—Тогда Сейдякъ у меня какъ въ ловушкѣ будетъ.

— Что жъ, строй,—улыбнулся Мансуровъ.

И Чулковъ со слѣдующаго же дня приступилъ къ постройкѣ города.

Х.

Городъ Тобольскъ, построенный Чулковымъ, былъ гораздо больше и крѣпче новаго городка Мансурова.

Да и гарнизонъ въ немъ былъ гораздо крѣпче и сильнѣе.

Однако русскіе все же были очень осторожны, и часовые ни днемъ ни ночью не покидали стѣнъ.

Чулковъ всѣми силами старался ладить съ Сейдякомъ.

Но хитрый Сейдякъ только о томъ и думалъ, какъ бы выгнать русскихъ, и только ждалъ подходящаго момента.

Было утро, когда однажды часовые подняли тревогу.

Моментально всѣ защитники кинулись къ тыну.

Нѣсколько сотъ вооруженныхъ людей, пѣшихъ и конныхъ, приближались къ городу.

Впереди всѣхъ ѣхали Сейдякъ и Карача, котораго Сейдякъ пригласилъ вступить съ нимъ въ союзъ противъ русскихъ.

— Ишь, каналы! Ястребовъ для отвода глазъ пускаютъ! Хотѣлъ, чтобы мы подумали, что они на охоту ѣдутъ,—проговорилъ Чулковъ, наблюдавшій пристально за врагами.

И, взглянувъ еще разъ на группу всадниковъ, онъ воскликнулъ:

— Ого! И старый Кучумъ тутъ! Ну, милые, я васъ перехитрю.

Съ этими словами онъ обернулся къ одному изъ казаковъ:

— Ну-ка, возьми нѣсколькихъ человѣкъ, да поѣзжай къ этимъ разбойникамъ. Скажи, что я прошу ихъ сюда пожаловать, чтобы о замиреніи поговорить.

Казакъ съ поклономъ вышелъ.

Собравъ пятьдесятъ казаковъ, Чулковъ расположилъ ихъ въ домѣ, спрятавъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ.

Скоро пріѣхали Сейдякъ съ Карачой и Кучумомъ.

— Къ нашему столу милости просимъ,—пригласилъ ихъ Чулковъ.

Но когда подали обѣдъ и всѣ сѣли за столъ, Чулковъ замѣтилъ, что гости ничего не ѣдятъ.

— Что же вы нашимъ хлѣбомъ-солью брезгуете?—спросилъ ихъ Чулковъ.—Хоть выпейте немного вина.

Гости попробовали было попить, но вдругъ поперхнулись.

— Ага, такъ вы со злымъ умысломъ! Вяжи ихъ!—громко крикнулъ Чулковъ.

Схватились было враги за оружіе, бросились было къ окнамъ, да поздно.

Такъ и полегли они почти всѣ подъ ударами казацкихъ сабель.

Лишь Кучума приказалъ Чулковъ взять живьемъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ свалка была окончена.

Отрубивъ головы Сейдяку и Карачѣ, Чулковъ послалъ ихъ въ непріятельскій лагерь.

И это такъ устратило враговъ, что они тотчасъ же оставили русскихъ въ покоѣ.

А спустя недѣлю слѣпой царь Кучумъ, со всей его семьей, былъ отправленъ Чулковымъ въ Москву.

Только теперь было окончательно покорено Кучумово царство.

Правда, слѣпой Кучумъ бѣжалъ изъ плѣна, и ему удалось убѣжать къ татарамъ, но татары убили его, боясь мести русскихъ.

И русскіе, съ этой поры, стали твердой ногой въ завоеванной Сибири.

На Шилку.

I.

Было утро 15-го іюня 1643-го года.

Уже съ самаго восхода солнца на берегу собрались всѣ жители небольшого городка Якутска.

На водѣ кипѣла спѣшная работа.

Десятка два казаковъ, съ засученными рукавами, работали на нѣсколькихъ большихъ, длинныхъ лодкахъ, оканчивая укрѣпленіе парусовъ; другая партія нагружала на лодки всякіе припасы.

Чего-чего только не приходилось брать съ собою этимъ людямъ, отправляющимся въ далекое и опасное путешествіе.

На лодки нагружались запасы сала, муки и зерна, холстъ для парусовъ, топоры, мѣдные котлы, кремни и запасы огнива и трута, желѣзная пушка, сто полуфунтовыхъ ядеръ къ ней, восемь съ половиной пудовъ пороха и столько же свинцу, кое-что изъ одежды и много другихъ предметовъ.

Самъ Василій Поярковъ, письменный голова Якутска (письменный голова—это было лицо, состоящее при воеводѣ и вѣдающее всѣми письменными дѣлами), одѣтый въ дорогой кафтанъ, шелковыя шаровары и красныя сафьяновые сапоги, медленно похаживалъ по берегу, наблюдая за работами и дѣлая соотвѣтствующія указанія.

Это былъ крѣпкій, приземистый мужчина, съ широ-

кимъ, энергичнымъ лицомъ, длинной бородой и длинными русыми волосами.

Онъ былъ назначенъ воеводой начальникомъ этой экспедиціи, которая сегодня должна была отправиться въ далекій путь, для сысканія новыхъ земель.

Недалеко отъ лодокъ, тоже наблюдая за работой, сидѣлъ пятнадцатилѣтній сынъ Пояркова, Васька, здоровый, крѣпкій мальчикъ, очень похожій на отца.

Въ этотъ походъ отецъ рѣшилъ взять его съ собой, и Васька былъ уже совершенно готовъ.

— Ну, ребята, шевелись! Канатовъ да веревокъ побольше забирайте!—покрикивалъ время отъ времени Поярковъ.—Хлѣбъ печеный и сухари не забыть бы!

— Сухари и хлѣбъ уже уложены,—отозвался съ одной изъ лодокъ казакъ, по прозвищу Вихоръ.

Поярковъ еще разъ обошелъ всѣ лодки и направился къ избѣ, въ которой жилъ.

Васька послѣдовалъ за отцомъ.

— Тятка! А зачѣмъ мы поѣдемъ? — спросилъ онъ, нагнавъ отца и идя съ нимъ рядомъ.

Поярковъ усмѣхнулся.

— Какъ зачѣмъ? — проговорилъ онъ. — Ъдемъ новыя земли сыскать, разные народы подъ высокую царскую руку приводить и ясаками (данью) ихъ въ пользу государя обкладывать.

— А далеко поѣдемъ?—полюбопытствовалъ мальчикъ.

— Да и сами не знаемъ,—задумчиво отвѣтилъ Поярковъ.—Въ руки Господа себя вручаемъ.

И, помолчавъ немного, онъ заговорилъ снова:

— Пять лѣтъ тому назадъ, провѣдалъ Максимка Перфильевъ, что есть рѣка Силькаръ (Шилка). Живутъ тамъ дауры, а у нихъ, дауровъ — два князя: Ладкай и Батога.

— А сильные тѣ князья?—перебилъ Васька.

— А кто их вѣдаетъ? — пожалъ плечами Поярковъ. — Только, сказываютъ, бой у нихъ не токмо лучный, но и огненный есть. И страна тамъ хорошая, пашни есть, разный хлѣбъ и овощъ разводить можно. Говорилъ тоже Максимка Перфильевъ, что есть тамъ рѣка Ура, а въ ней, въ водѣ, серебряная руда лежитъ, а другая серебряная руда недалеко въ горѣ лежитъ.

— Ой ли! — воскликнулъ Васька.

— Да, можетъ, и наврали ему люди, — проговорилъ Поярковъ. — Воевода мнѣ строго наказывалъ о той рудѣ поразвѣдать, а коли найду, такъ донести.

Нѣкоторое время они шли молча.

— А много ли народу съ нами ѣдетъ? — спросилъ снова Васька.

— Не мало, — отвѣтилъ Поярковъ. — Сто двѣнадцать служилыхъ людей, пятнадцать гулящихъ людей (охотниковъ), два цѣловальника, два толмача (переводчика), да два кузнеца. Всего-то выходитъ сто тридцать три человека. По здѣшнимъ краямъ сила немалая.

Поярковъ былъ правъ.

Въ Сибири горсть казаковъ иногда производила чудеса, разбивая наголову въ пятеро и вшестеро болѣе многочисленнаго непріятели.

Русскіе люди, приходившіе въ Сибирь, были люди отчаянные, храбрые, искавшіе приключеній и наживы, не боявшіеся опасностей.

Кромѣ этого они были почти всегда хорошо вооружены, прекрасно владѣли оружіемъ и часто имѣли кольчуги, которыя не пробивали стрѣлы дикарей.

И поэтому силы Пояркова можно было считать болѣе или менѣе значительными.

Войдя въ свою избу, Поярковъ засталъ столъ уже накрытымъ.

Изъ миски со щами валилъ аппетитный паръ, на деревянныхъ блюдахъ лежали большіе куски жареной оленины и дикой кабанины.

Тутъ же стоялъ большой кувшинъ съ брагой.

Одинъ изъ наемнымъ людей прислуживалъ за столомъ.

Помолившись на образа, Поярковъ и Васька принялись за обѣдъ.

II.

— Садись! — прозвучала на берегу команда Пояркова.

Казакъ и служилые люди, совершенно готовые къ отъѣзду, быстро заняли свои мѣста.

Гребцы разобрали весла.

— Съ Богомъ! — произнесъ воевода, вышедшій проводить экспедицію.

— Съ Богомъ! Пошелъ! — повторилъ Поярковъ.

И первая, атаманская, лодка тихо отчалила отъ берега.

Ей въ затылокъ пошла вторая, за второй третья, и наконецъ, вся флотилія лодокъ, вытянувшись въ одну линію, поплыла по рѣкѣ.

Толпа, стоя на берегу, провожала отъѣзжающихъ, махая имъ шапками и руками.

Васька чувствовалъ себя превосходно.

— Наконецъ-то! — радостно думалъ онъ, глядя на все удаляющійся Якутскъ. — Разъ меня тятка взялъ, значитъ, я совсѣмъ большой.

На самомъ дѣлѣ Васька и на самомъ дѣлѣ почти ни въ чемъ не уступалъ взрослымъ людямъ.

Развить онъ былъ умственно и физически не по лѣтамъ, былъ силенъ и ловокъ и могъ выполнять разныя работы почти не хуже взрослыхъ людей.

Можетъ быть, изъ-за этого Василій Поярковъ и взялъ его съ собой.

— Ну, Васька, сердечко не бьется?—улыбаясь, спросилъ сына Поярковъ.

— Спасибо, тятенька, что взялъ съ собой! Мнѣ вотъ какъ хорошо! — воскликнулъ въ отвѣтъ мальчикъ. — Ну, что бы я дома дѣлалъ! А тутъ, тятка, сколько я земель и диковинокъ увижу-то!

Поярковъ задумчиво посмотрѣлъ вдаль.

— Диковинокъ? — хмуро произнесъ онъ, задумчиво глядя вдаль.—Все можетъ быть, все... А можетъ быть, и лютая смерть ждетъ насъ впереди.

Гребцы съ силой налегали на весла.

Лодки все удалялись и удалялись отъ Якутска.

Вотъ сталъ виденъ только высокій тынь, потомъ рѣка сдѣлала поворотъ, и городъ Якутскъ совершенно исчезъ изъ виду.

— Прощай, Якутскъ! — проговорилъ, кивая головой, мальчикъ.

И почему-то улыбнулся.

Справа и слѣва тянулись берега, то покрытые роскошнымъ вѣковымъ лѣсомъ, то мокрыми низменными дугами.

Лодки быстро скользили внизъ по теченію, направляясь къ устью рѣки Алдана.

Отъ устья этой рѣки надо было подыматься вверхъ, до устья рѣки Учуры, а это было не такъ-то легко.

Васька съ удовольствіемъ глядѣлъ на стройныя сосны, на горделивыя кедры и лиственницы, на угрюмыя ели и другія деревья.

Онъ думалъ о будущемъ, о предстоящихъ подвигахъ, о славѣ...

А лодки все плыли, да плыли впередъ.

III.

Цѣлыхъ два дня плыль Поярковъ со своимъ отрядомъ до устья Алдана.

До сихъ поръ путь былъ легокъ, но отсюда предстоялъ очень трудный путь.

У самого устья Алдана, на невысокомъ берегу, раскинулъ Василій Поярковъ свой станъ и сталъ готовиться къ дальнѣйшему пути.

Какъ хорошо было сидѣть здѣсь вечеромъ, при свѣтѣ костра, глядя, какъ трепетное пламя отражается въ сонной рѣкѣ.

Вотъ медленно выплыла изъ-за горизонта луна и стала плавно взбираться вверхъ по небосклону.

Трепещущимъ свѣтомъ озарила она угрюмую тайгу, словно серебря иглы деревьевъ, а тайга тихо что-то шептала, словно деревья о чемъ-то секретничали другъ съ другомъ.

Васька сидѣлъ у костра и прислушивался къ неяснымъ звукамъ ночи.

Чу!

Васька вдругъ вздрогнулъ.

Страшный, грозный ревъ донесся откуда-то издали, изъ глубины тайги.

Поярковъ и казаки, сидѣвшіе около костра, быстро подняли головы и насторожились.

— Эге! — произнесъ Поярковъ. — А ну-ка, ребята, возьмите на всякій случай пищали, да глядите въ оба.

И, обернувшись къ сыну, онъ сказалъ:

— А ну-ка, Васька, давай мою пищаль! Здѣсь въ Сибири тигры нахальные, въ особенности когда они голодны!

— Тигръ! — съ тревогой подумалъ Васька. — А вдругъ да выскочитъ прямо сюда, на насъ!

И онъ невольно отодвинулся отъ костра внутрь лагеря. Ради предосторожности казаки развели костры кругомъ всего лагеря.

Снова повторился страшный ревъ, на этотъ разъ гораздо ближе, чѣмъ въ первый разъ.

Держа пицали въ рукахъ, Поярковъ и нѣсколько охотниковъ ждали, вглядываясь въ непроницаемую тьму, въ ту сторону, откуда доносился страшный ревъ.

Бой съ тигромъ ночью былъ не особенно пріятенъ.

Прошло нѣсколько минутъ, но ревъ больше не повторялся.

Съ полчаса ждали охотники, но напрасно. Очевидно, звѣрь понялъ, что людей слишкомъ много и борьба съ ними черезчуръ опасна.

— Ушелъ! — проговорилъ, наконецъ, Поярковъ, махнувъ рукой и откладывая въ сторону свою пицаль.

Васька и радъ былъ этому и не радъ.

Тигра онъ боялся страшно, но зато ему и ужасно хотѣлось увидѣть этого могучаго звѣря, который считался царемъ тайги.

Принесли ѣду.

Всѣ путники хорошо закусили жаренымъ мясомъ и хлѣбомъ и разошлись по шалашамъ.

На всякій случай кругомъ были разставлены часовые.

Безъ этой предосторожности въ тайгѣ немыслимо было оставаться.

Часовые подбросили въ костры свѣжихъ дровъ.

И скоро весь лагерь погрузился въ крѣпкій сонъ.

Лишь звѣзды продолжали бодрствовать на небѣ, весело подмигивая съ недосыгаемой высоты.

Да тайга тихо шумѣла, щепча вѣтру что-то таинственное, тихое.

IV.

— Гей, ребята, за бечеву! — скомандовалъ Поярковъ на слѣдующее утро, когда люди уже покончили съ ѣдой.

Не шутка было двигаться въ нагруженныхъ лодкахъ противъ теченія.

Вверхъ по теченію этой рѣки нельзя было ни на веслахъ подняться ни на парусахъ.

Приходилось тянуть лодки бечевой, идя по берегу.

И партія двинулась впередъ.

Не взирая на то, что Васька былъ сыномъ предводителя партіи, онъ не шелъ безъ дѣла.

Время отъ времени онъ тоже впрягался въ лямку и наравнѣ съ другими тянулъ бечеву.

— Ишь, какой паренекъ! Хозяйскій сынъ, мальченка, а дѣло наравнѣ съ другими дѣлаетъ, — хвалили его казаки.

Самъ Поярковъ ничего не имѣлъ противъ этого.

— Отъ работы человѣкъ только крѣпче станетъ, — говорилъ онъ. — Работать не вредно.

Одна за другой тянулись на бечевахъ лодки.

Дикая мѣстность окружала путниковъ.

Берега большей частью были покрыты вѣковымъ лѣсомъ и лишь иногда переходили въ луговины.

По временамъ встрѣчались такія топкія мѣста, что ноги вязли въ землѣ выше щиколки и подвигаться можно было лишь съ величайшимъ трудомъ.

Когда наступалъ вечеръ, партія останавливалась, и люди, уставшіе до изнеможенія, засыпали, какъ убитые, едва успѣвъ разбить палатки и кое-чѣмъ перекусить.

Страшно медленно подвигался караванъ.

Бывали дни, когда караванъ за цѣлый день продвигался не болѣе какъ на девять-десять верстъ.

Однажды Поярковъ подозвалъ къ себѣ казака Юшку.

— Какъ бы намъ не сбиться, Юшка, — сказалъ онъ ему, — хотя мы и веземъ съ собою изъ Якутска проводника — тунгуса, да онъ какъ будто не очень-то твердо дорогу знаетъ.

— Я и самъ тебѣ хотѣлъ сказать это. А новаго проводника сыскать не трудно, — отвѣтилъ Юшка. — Надо будетъ остановиться, какъ увидимъ тунгусскій улусъ. Можетъ, кто изъ тунгусовъ и добромъ согласится. А нѣтъ, такъ и силкомъ его взять можно будетъ.

— Это вѣрно, — согласился Поярковъ.

И, завидѣвъ первый попавшійся улусъ, онъ остановилъ свой отрядъ.

За проводникомъ пошелъ Юшка съ двадцатью казаками, захвативъ съ собою и имѣвшагося въ отрядѣ тунгуса — проводника.

Сначала тунгусы было разбѣжались при видѣ русскихъ, но Юшка черезъ своего тунгуса сумѣлъ успокоить ихъ.

Однако желающаго итти въ качествѣ проводника найти было трудно.

И Юшкѣ чуть не пришлось прибѣгнуть къ силѣ.

Но, въ концѣ концовъ, одинъ изъ тунгусовъ, видя, что такъ или иначе кому-нибудь итти придется, взялся провести русскихъ, за нѣкоторое вознагражденіе, до рѣки Гономы.

Поярковъ былъ очень доволенъ.

И отрядъ, отдохнувъ еще немного, тронулся въ дальнѣйшій путь.

Тяжелый путь казался безконечнымъ.

Цѣлыхъ четыре недѣли шли русскіе бечевою, пока не добрались, наконецъ, до устья рѣки Учуры.

Но и по Учурѣ приходилось подыматься все время вверхъ по теченію, а такъ какъ теченіе въ ней было сильное, то пришлось снова тянуть лодки бечевою.

V.

— Тятя, гляди, какъ тутъ хорошо, — произнесъ однажды Васька, обращаясь къ отцу. — Этакая красота! По всей Сибири такой не найдешь, должно быть.

— Красиво, что и говорить, — согласился Поярковъ.

Но на самомъ дѣлѣ онъ очень мало интересовался красотами природы и думалъ совсѣмъ о другомъ.

Онъ думалъ о рѣкѣ Шилкѣ, про которую говорили такъ много чудеснаго, думалъ о богатой серебряной рудѣ, которую, быть можетъ, ему удастся сыскать, о даурскихъ людяхъ и тому подобныхъ вопросахъ.

А природа въ этихъ мѣстахъ была, дѣйствительно, очень хороша, и передъ глазами путниковъ разстилались картины одна красивѣе другой.

Съ каждымъ днемъ пути по рѣкѣ Учурѣ мѣстность становилась все гористѣе и гористѣе.

Каменные хребты все тѣснѣе и тѣснѣе сжимали рѣку.

Живописныя скалы, иногда совершенно оголенные, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были покрыты кустарникомъ и даже лѣсомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со скалъ стремительно падали водопады, и вода, шумя и пѣнясь, бѣшено стремилась внизъ, словно за кѣмъ-то гонясь.

— Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо! — все чаще восклицалъ Васька.

И когда отрядъ останавливался на отдыхъ, онъ по часу и больше глядѣлъ на живописныя горы.

Цѣлыхъ десять дней волокся бичевой отрядъ Пояркова по Учурѣ, пока, наконецъ, не добрался до устья рѣки Гonomy.

Тутъ Поярковъ нашелъ новаго проводника, а взятаго отпустилъ.

— Плохая рѣка, вамъ трудно будетъ подвигаться по ней,—говорилъ черезъ переводчика новый проводникъ.— На этой рѣкѣ сорокъ два порога, да двадцать тиверовъ (мѣсть, съ торчащими изъ-подъ быстрой воды скалами). Ой, ой, какъ трудно будетъ итти.

Онъ оказался правъ.

Путь оказался, дѣйствительно, ужаснымъ, и отрядъ, дойдя до перваго порога, въ недоумѣннн остановился.

Двигаться дальше, повидимому, не представлялось ни малѣйшей возможности.

— Тятя, да какъ же мы лодки-то дальше потащимъ?—спросилъ Васька.—Видно, придется бросить лодки?

Поярковъ улыбнулся.

— Нѣтъ, милый, бросать еще рано. Бросить еще дальше придется,—отвѣтилъ онъ.— А тутъ надо придумать что-нибудь получше.

И, подойдя къ Юшкѣ, Поярковъ сталъ совѣтоваться съ нимъ.

Юшка былъ казакъ бывалый, повидавшій не мало на своемъ вѣку и умѣвшій прекрасно ко всему приспособляться.

Выслушавъ Пояркова, Юшка задумался.

— Э, воевода, мы вотъ что сдѣлаемъ! — проговорилъ онъ, наконецъ.— Вотъ сейчасъ запрудимъ позади лодокъ рѣку, вода подыметъ, мы первый порогъ и пройдемъ. А потомъ эту запруду разберемъ и выше, ко второму порогу, ее перенесемъ. Такъ всѣ пороги и тиверы и пройдемъ.

Эта мысль понравилась Пояркову.

— Пожалуй, по-твоему и выйдетъ хорошо,—проговорилъ онъ.—Давай попробуемъ. Только выдержать ли запруда напоръ воды?

— Коли подпоры крѣпкіе ставить, такъ выдержать,—отвѣтилъ Юшка.—Не впервой намъ этакъ лодки и плоты перегонять.

И съ этого дня казаки принялись за работу.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ основанія порога они начали строить изъ досокъ и бревенъ плотину, вводя лодки за нее.

Казаки работали дружно и постройка подвигалась быстро впередъ.

Наконецъ, плотина, вышиною въ три сажени, была готова.

Шлюзы были закрыты, и вода за плотиною стала быстро прибывать, скрывая подъ собою порогъ.

Наконецъ, вода прибыла настолько, что сравнялась надъ порогомъ совершенно и лодки легко продвинулись вверхъ по теченію до болѣе тихаго и ровнаго мѣста.

Плотина же была быстро разобрана, а матеріаль перетащенъ на каткахъ до второго порога.

Васька очень интересовался этой работой.

— Ну, и хитеръ же Юшка!—говорилъ онъ, покачивая головой.—Много ума у казака.

— Умный и храбрый казакъ,—проговорилъ Поярковъ, услыхавъ слова сына. — Съ нашими людьми куда легче ходить!

Конечно, движеніе впередъ такимъ способомъ шло очень медленно и было сопряжено съ тяжелой работой.

Пороги слѣдовали за порогами, а обходить ихъ по высокимъ, скалистымъ берегамъ не было никакой возможности.

— Ну, не скоро мы дотянемся,—говорилъ Поярковъ, покачивая головой.

— Хоть бы до зимы пороги перейти,—вторилъ Юшка.

Уже перейдено было двадцать три порога, когда одну изъ лодокъ постигло несчастіе.

Доплывъ до двадцать четвертаго порога, казаки укрѣпили возможно основательнѣе лодки на якоряхъ и принялись разбирать внизу запруды.

Вдругъ, подъ напоромъ воды плотина сорвалась и вода съ страшной силой хлынула внизъ.

Трахъ!

Одна изъ лодокъ, въ которой между прочимъ находилась половина свинца, сорвалась съ якоря, перевернулась вверхъ дномъ и стремительно полетѣла внизъ по теченію.

Бросились было казаки за нею, да ничего не вышло; такъ и погибла лодка со всѣмъ грузомъ.

Пробовали было казаки отыскать на днѣ вывалившійся свинецъ, но сколько его не искали, такъ и не смогли найти.

А зима все приближалась и приближалась.

Казаки хотѣли добраться до рѣки Нюемки, но это имъ такъ и не удалось.

Только шесть дней пути оставалось до устья этой рѣчки, когда отрядъ Пояркова долженъ былъ остановиться.

Наступила зима.

— Ничего не подѣлаешь, — проговорилъ Поярковъ, убѣдившись въ томъ, что дальнѣйшее движеніе невозможно.

— Что же, тятя, зимовать тутъ будемъ? — спросилъ Васька.

— Да, прійдется зимовье ставить. А тамъ увидимъ, — отвѣтилъ Поярковъ. — Да и поохотиться не мѣшаетъ. Звѣря тутъ должно быть много, можно будетъ запасъ мяса сдѣлать, а то мы про мясо совсѣмъ ужъ забыли.

Васька обрадовался.

Онъ страшно любилъ охоту и, еще будучи въ Якутскѣ, часто разставлялъ въ лѣсу силки и лозушки.

— Это хорошо! Вотъ это славно! — твердилъ онъ.

VI.

Работа закипѣла.

Въ то время какъ часть казаковъ, вооружившись то-

порами, валила деревья и приготавливала изъ нихъ бревна, обтесывая ихъ и очищая отъ сучьевъ, другая часть строила изъ нихъ просторное зимовье съ плоской крышей и глиняной печью внутри.

Щели между бревнами туго законопачивались мхомъ, котораго въ этихъ мѣстахъ было вполне достаточно.

При дружной работѣ постройка подвигалась довольно быстро.

И не прошло двухъ недѣль, какъ на берегу рѣки, одно за другимъ, появились два зимовья.

Теперь началась охота.

Однажды Васька, вмѣстѣ съ десяткомъ другихъ охотниковъ, отправился на охоту.

Взявъ съ собою нѣсколько капкановъ и силковъ, онъ, по примѣру другихъ, подвязалъ къ ногамъ лыжи, и партія, скользя по довольно глубокому снѣгу, направилась вглубь тайги, время отъ времени дѣлая на деревьяхъ зарубки, чтобы не сбиться съ пути.

Мертвенно - тихо было въ вѣковой тайгѣ и лишь вершины деревьевъ тихо шумѣли подъ дуновѣніемъ легкаго вѣтра.

Разговаривая другъ съ другомъ, охотники подвигались вглубь тайги.

Углубившись на порядочное разстояніе и назначивъ мѣсто сбора, они разошлись во всѣ стороны, отыскивая звѣриныя слѣды и ставя по тропкамъ звѣрей западни.

Васька тоже разставлялъ силки и западни въ подходящихъ мѣстахъ и положилъ всюду приманки.

Эта работа потребовала очень много времени, и Васька, окончивъ ее часамъ къ двумъ дня, возвратился на сборный пунктъ.

Охотники мало-по-малу собирались.

Оставалось подождать лишь одного охотника.

Но вотъ, наконецъ, явился и онъ.

— Олени, олени, цѣлое стадо оленей! Совсѣмъ свѣжіе слѣды!—закричалъ онъ еще издали.

Охотники заволновались.

— Скорѣе, скорѣе, надо непременно нагнать!—раздались голоса.

Быстро зарядили охотники свои пищали и гурьбой устремились въ ту сторону, куда показывалъ послѣдній охотникъ.

Теперь уже было не до разговоровъ.

Охотники быстро подвигались на лыжахъ впередъ, стараясь не производить никакого шума.

— Эхъ, убить бы пятокъ!—думалъ про себя Васька.— Все бы мяса пудовъ тридцать набралось. По крайней мѣрѣ, дней на пять всему отряду хватило бы мяса!

Вотъ охотники добѣжали и до слѣдовъ, судя по количеству которыхъ, здѣсь еще недавно прошло цѣлое стадо оленей.

Охотники повернули по направленію слѣдовъ и побѣжали снова.

Прошелъ часъ, другой, а оленей все еще не было видно.

По всей вѣроятности олени учуяли охотниковъ и все уходили отъ нихъ, по мѣрѣ ихъ приближенія.

Но охотники вовсе не смущались этимъ, надѣясь взять оленей изморомъ.

На лыжахъ каждый охотникъ могъ свободно, почти безъ отдыха, пробѣжать верстъ восемьдесятъ, тогда какъ олени не смогли бы сдѣлать этого.

Всю ночь бѣжали охотники, изрѣдка дѣлая помѣтки на деревьяхъ, а оленей все не было.

Теперь было очевидно, что животныя стараются уйти отъ охотниковъ, но охотники прекрасно понимали, что дистанція между ними и оленями съ каждымъ часомъ сокращается все болѣе и быстрѣе.

— Скоро, скоро! — съ тревогой думалъ Васька. — Теперь они должны быть совсѣмъ близко. Эхъ, не промахнуться бы.

Онъ крѣпко сжималъ въ рукѣ заряженную пищаль.

Прошло еще съ часъ.

Наступилъ разсвѣтъ, и охотники, выскочивъ изъ тайги на прогалину, увидали въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ передъ собою стадо оленей, головъ сорокъ.

Животныя были повидимому совершенно измучены, а одинъ изъ оленей даже не поднялся на ноги когда остальные, напрягая послѣднія усилія, устремились впередъ.

Грянуло нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, и четыре оленя рухнули на снѣгъ, обагривъ его своею кровью.

Одного изъ нихъ удалось убить именно Васькѣ.

Крикъ радости сорвался съ устъ мальчика, когда онъ увидѣлъ свою удачу.

Лежавшаго замученнаго оленя одинъ изъ казаковъ прикончилъ ударомъ кинжала.

Но охотники не удовлетворились этой добычей, охотничьи страсти уже разгорѣлись въ нихъ.

И, не давъ себѣ хорошенько отдохнуть, они устремились впередъ.

На этотъ разъ уцѣлѣвшіе, измученные олени отбѣжали всего на какихъ-нибудь триста шаговъ и снова остановились.

Подбѣжавъ къ нимъ шаговъ на тридцать, охотники открыли стрѣльбу, и еще восемь оленей сдѣлались жертвами охотниковъ.

Больше бить животныхъ было бы безцѣльно.

И тринадцать убитыхъ оленей было далеко не такъ-то легко дотащить до зимовья.

Истреблять же животныхъ зря было не въ привычкахъ охотниковъ.

Очень довольные результатом охоты, охотники подволокли убитых во второй раз оленей къ первымъ и уѣли съ отдыхать.

Двое изъ охотниковъ принялись снимать шкуру съ одного изъ оленей и потрошить его.

На разгребенномъ мѣстѣ ярко запылалъ костеръ и шипя сталъ жариться полупудовой кусокъ мяса.

Проголодавшіеся охотники съ нетерпѣніемъ ждали, пока поспѣетъ горячій вкусный завтракъ.

Но вотъ мясо, наконецъ, поспѣло, и охотники, вынувъ хлѣбъ и соль, принялись утолять свой аппетитъ.

Надо было теперь подумать о томъ, какъ доставить полегче добычу къ зимовью.

— Надо нарты дѣлать,—объявилъ Юшка.—Иначе мы цѣлую недѣлю будемъ волочить за собой нашу добычу.

На сцену появились топоры.

Привыкшіе къ этой работѣ казаки умѣлыми руками смастерили пять нартъ и, взваливъ на нихъ добычу, потащили ихъ къ зимовью, сами впрягшись въ нихъ.

Впрягся и Васька.

Онъ не желалъ отставать отъ другихъ и гордился этимъ.

Онъ впрягся въ ту самую нарту, на которой былъ нагруженъ убитый имъ бѣлый, съ черными пятнами олень.

Этотъ олень казался Васькѣ красивѣе и лучше всѣхъ другихъ, хотя на самомъ дѣлѣ это было совсѣмъ не вѣрно.

Тащиться назадъ съ нагруженными нартами было гораздо тяжелѣе, чѣмъ бѣжать налегкѣ за оленями.

Приходилось часто дѣлать привалы, а на ночь казаки устроили себѣ изъ еловыхъ вѣтвей шалашъ, расчистивъ предварительно на этомъ мѣстѣ снѣгъ.

Снявъ шкуры съ пяти оленей, охотники разостлали ихъ на землѣ и улеглись на нихъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

Кучей спать было теплѣе, да и одежда у охотниковъ была мѣховая, а поэтому ночь прошла вполне благополучно.

Чуть свѣтъ, пожаривъ оленины и плотно закусивъ, охотники снова двинулись въ путь и шли съ отдыхами цѣлый день, заночевавъ и вторую ночь въ тайгѣ.

И лишь на третій день они добрались къ полудню до тѣхъ мѣстъ, гдѣ ставили силки, ловушки и западни.

Обойдя ихъ, они вынули добычу и снова разставили ихъ по мѣстамъ.

Во всѣ силки, капканы и ловушки попали двѣ лисицы, пять хорьковъ, четыре соболя, одинъ горноста, двадцать три куропатки и восемь тетерекъ.

— Ничего... Жить можно! Надо будетъ на птицъ побольше силковъ ставить. Птицы дикой тутъ пропасть, — говорили охотники.

И рѣшено было со слѣдующаго дня увеличить число силковъ по крайней мѣрѣ въ четыре раза.

Окончивъ работу, партія двинулась дальше и къ вечеру добралась до зимовья.

Поярковъ и оставшіеся казаки не ожидали такой удачи.

— Вотъ такъ охота! Видать, что тутъ звѣрья много, — говорили казаки, разгружая нарты. — Одно слово — благодатный край.

— Ну, тутъ бы съ голоду мы не пропали, — соглашался Поярковъ. — Одно плохо — народу тутъ живетъ мало. Не съ кого и ясакъ брать.

И съ этой поры казаки начали вести правильную охоту.

VII.

Но прошло всего лишь двѣ недѣли, и Поярковымъ окончательно овладѣло нетерпѣніе.

Не по сердцу было ему сидѣніе на одномъ мѣстѣ, его

такъ и тянуло впередъ, ему страшно хотѣлось поскорѣе достигнуть намѣченной цѣли.

— Этакъ по дорогѣ гдѣ-нибудь и на вторую зиму застрянешь, — ворчалъ онъ. — Ну, чего мы здѣсь всю зиму сидѣть будемъ.

То же самое думало и большинство казаковъ, съ этимъ былъ согласенъ и Юшка.

— Извѣстно, дѣлать тутъ всю зиму нечего, — отвѣтилъ онъ однажды Пояркову. — Вонъ вчера тунгуса мы изловили, такъ тотъ говорилъ, что Шилка-рѣка совсѣмъ недалеко отсюда будетъ. Пойдемъ, атаманъ, волокомъ. Черезъ Камень перевалимъ (Становой хребетъ), тамъ Шилка недалеко. Тунгусъ сказывалъ, видно, правду.

— И то, Юшка, — согласился Поярковъ. — Оставимъ здѣсь лодки, казну и часть припаса, да десятка три людей, а сами — гайда дальше. Пускай они идутъ весной съ запасами на волокъ, а потомъ пусть отыщутъ рѣку, что Зеей прозывается, и плывутъ по ней къ намъ.

— Вѣстимо, — согласился Юшка.

Поярковъ не любилъ откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Не мѣшкая, онъ приказалъ готовить нартаы, чтобы волокомъ тащить необходимый грузъ за собой.

Закипѣла на зимовьѣ работа.

Въ нѣсколько дней было изготовлено съ десятокъ нартъ.

Девяносто человѣкъ должно было сопровождать Пояркова, остальные же должны были оставаться при судахъ и идти весной туда, куда указывалъ имъ Поярковъ.

Все было готово.

Нарты, предназначенныя въ путь, были уже нагружены, девяносто человѣкъ, во главѣ съ Поярковымъ, стояли возлѣ нихъ.

Васька былъ тутъ же.

Поярковъ сталъ громко читать молитву.

Казаки про себя повторяли молитву и истово крестились.

Что ждало ихъ впереди?

Развѣ не начинались для нихъ только теперь самые тяжелые и опасные дни?

Но вотъ молитва была окончена, отходящіе простились съ остающимися, часть казаковъ впряглась въ ламки, Поярковъ подалъ команду, и весь отрядъ, подвязавъ къ ногамъ лыжи, медленно двинулся въ путь.

Сначала отрядъ подымался по берегу рѣки Нюемки, потомъ пошли прямо по горамъ, взбираясь по крутизнамъ на Камень (Становой хребетъ).

Тяжела была дорога.

По глубокому снѣгу, напрягая всѣ силы, втаскивали казаки за собою нарты.

По мѣрѣ приближенія къ вершинѣ хребта, горы становились все круче и круче.

Иногда путникамъ пересѣкали дорогу овраги и ущелья, которые приходилось обходить, дѣлая большіе крюки.

Бывали случаи, когда люди, несмотря на лыжи, увязали въ снѣгу, иногда кто-нибудь, упавъ, скатывался кубаремъ внизъ и его приходилось выручать, останавливая надолго весь караванъ.

Въ особенности плохо было ночевать въ горахъ.

Холодный вѣтеръ ледянилъ кровь, иногда чуть ни сбивалъ съ ногъ, вздымалъ снѣжную пыль, сквозь которую порою нельзя было ничего разглядѣть.

Много натерпѣлись путники.

Но какъ и всегда, всему бываетъ конецъ.

Послѣ двухнедѣльнаго, почти каторжнаго пути, Поярковъ со своимъ отрядомъ перевалилъ, наконецъ, черезъ Камень и, спустившись внизъ, добрался до рѣки Бранды.

Тутъ онъ рѣшилъ остановиться и строить суда, на которыхъ весной можно было бы продолжать путешествіе. Сказано—сдѣлано.

Выстроивъ кое-какъ нѣсколько зимовокъ и землянокъ, казаки принялись за постройку судовъ.

На берегу рѣки застучали топоры.

Долго ли, коротко ли, но необходимое количество судовъ было приготовлено какъ разъ къ тому времени, какъ наступила весна.

Ударило теплѣе солнышко, сталъ быстро таять снѣгъ и, наконецъ, съ трескомъ вскрылся на рѣкѣ ледъ.

— Ну, теперь можно и въ путь, — сказалъ однажды Поярковъ.

Сѣли казаки на суда, нагрузили на нихъ свои пожитки и поплыли по быстрѣй рѣкѣ.

Васька съ наслажденіемъ посматривалъ по сторонамъ, сидя вмѣстѣ съ отцомъ.

Картины, одна прекраснѣе другой, разстилались теперь передъ нимъ.

Горы и пригорки, то покрытые лѣсами, то зеленой травой, тянулись справа и слѣва, а рѣка капризно извивалась среди нихъ.

Ниже стали попадаться улусы, пашни.

А вотъ и новая рѣка.

Это въ рѣку Зею выплылъ Поярковъ съ своими людьми.

Спустившись немного по этой рѣкѣ, Поярковъ остановилъ свой отрядъ около устья одного изъ притоковъ Зеи и остановился.

— Тутъ мы выстроимъ городокъ, — объявилъ онъ своимъ товарищамъ.

И они стали строить городокъ.

Былъ доволенъ и Вася.

VIII.

— Тятка, посмотри, что за люди идутъ! — воскликнулъ однажды Васька, указывая отцу на группу дикарей, проходившихъ къ острожку.

— Ага, должно быть, это и есть даурскіе люди, — проговорилъ Поярковъ, взглянувъ по указанному направленію.

И онъ тотчасъ же послалъ за толмачемъ.

Пришелъ толмачъ.

Дауры довѣрчиво подошли совсѣмъ близко къ русскимъ и съ любопытствомъ разглядывали ихъ.

— Кто вы такіе? — спросилъ ихъ толмачъ.

— Мы даурскіе люди, — отвѣчали пришельцы. — А вы, вѣрно, черти?

Когда толмачъ перевелъ эти слова, Поярковъ, Васька и всѣ присутствовавшіе громко расхохотались.

Дикіе дауры, дѣйствительно, приняли русскихъ за чертей.

Ихъ поразили длинныя бороды и волосы казаковъ, а также ихъ высокій ростъ.

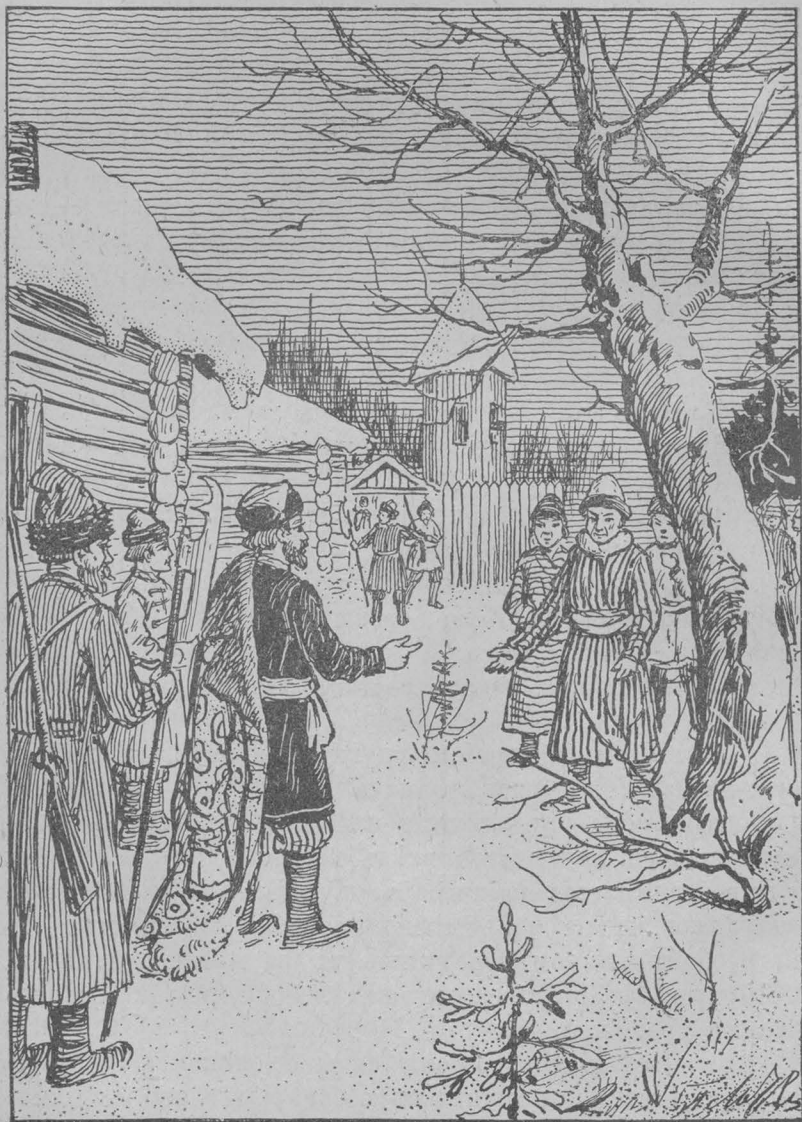
Сами они были низкаго роста и у нихъ не было ни бородъ ни усовъ.

— Нѣтъ, мы не черти, а слуги сильнаго царя Московскаго, — отвѣтилъ черезъ толмача Поярковъ. — И пришли мы сюда, чтобы всѣ здѣшніе народы подъ его высокую руку привести и для него всѣхъ васъ ясакомъ обложить.

Поговоривъ еще немного съ даурскими людьми, Поярковъ узналъ, что не очень далеко отъ этого мѣста есть даурскій городокъ, а въ томъ городѣ живутъ два даурскихъ князька.

По просьбѣ Пояркова даурскіе люди обѣщали снабдить русскихъ провизіей.

Дѣйствительно, скоро они снова появились въ русскомъ острожкѣ, притащивъ съ собою нѣсколько большихъ корзинокъ съ просомъ, пшеницей и другою провизіей.

Первое время русскіе жили съ даурскими въ ладу, а даурскіе люди охотно доставляли имъ разную провизію.

Но жадность и грубость казаковъ, тащившихъ силой что попало, открыли, наконецъ, глаза довѣрчивымъ даурамъ, и они перестали снабжать русскихъ провизіей.

Въ острожкѣ Пояркова появилась нужда.

Надо было что-нибудь придумать и раздобыть гдѣ-нибудь провизію.

И однажды Юшка пришелъ къ Пояркову.

— А что, атаманъ, не пойти ли мнѣ въ тотъ городокъ, про который даурскіе люди говорили, — заговорилъ онъ. — Можно будетъ тѣхъ князьковъ объясачить и припасу у нихъ достать.

— Что-жъ, такъ, пожалуй, лучше будетъ, — согласился Поярковъ. — Оставляю я при себѣ человѣкъ двадцать, а съ остальными можешь итти.

— И я съ Юшкой пойду, — попросился было Васька. Но отецъ категорически ему отказалъ въ этой просьбѣ.

— Старайся съ ними дѣло дѣлать, — совѣтовалъ Поярковъ. — А самихъ князьковъ возьми въ заложники.

— Ладно, — кивнулъ головой Юшка.

И на слѣдующій же день, взявъ съ собою семьдесятъ человѣкъ, онъ тронулся въ путь.

Послѣ двухъ недѣль пути, Юшка, дѣйствительно, дошелъ до даурскаго городка.

Видно, уже заранѣе узнали дауры о приходѣ русскихъ, такъ какъ оба даурскіе князька, по имени Досій и Колна, вышли за цѣлую версту встрѣтить русскихъ.

— Что хотятъ отъ насъ иноземные люди? — спросили князьки Юшку.

— Намъ нужны припасы и вы должны будете заплатить ясакъ, — отвѣтилъ Юшка. — Сами вы сядете въ заложники, и пусть насъ ведутъ въ городъ.

Первые три требованія князьки исполнили охотно.

По ихъ приказу дауры привели русскимъ десять скотинъ и сорокъ кузововъ овсяныхъ крупъ, принесли и ясакъ, а князьки сѣли въ заложники.

Но выполнить четвертое требованіе русскихъ князьки не рѣшались.

— Зачѣмъ вамъ ходить въ городокъ? — уговаривали они Юшку. — А вдругъ вамъ нашъ народъ худо учинить? Тутъ, въ полѣ, вы въ безопасности и у васъ всего будетъ достаточно.

Да не захотѣлъ Юшка послушать добраго совѣта.

И спустя нѣсколько дней, захвативъ съ собою князьковъ, русскіе вошли въ городокъ.

Вотъ тутъ-то и случилась бѣда.

Не успѣли русскіе дойти до половины городка, какъ дауры окружили ихъ со всѣхъ сторонъ.

Стрѣлы и копья полетѣли въ русскихъ.

Едва успѣли русскіе скрыться за юртами.

Завязался отчаянный бой.

Дауровъ было въ десять разъ больше, чѣмъ русскихъ, но зато у русскихъ были пищали, изъ которыхъ они отстрѣливались очень удачно.

— Къ воротамъ надо, къ воротамъ! — командовалъ Юшка.

Но именно пробиться къ воротамъ и было трудно.

Дауры напирали со всѣхъ сторонъ, и русскимъ грозила гибель.

Уже пять человѣкъ казаковъ лежали на землѣ, пронзенные стрѣлами, уже три человѣка были ранены и продолжали еще биться.

Но вотъ Юшка рѣшился во что бы то ни стало пробиться къ воротамъ.

— А ну-ка, ребята, за мной! Разомъ! — громко крикнулъ Юшка. — Стрѣляйте сначала, а потомъ въ шашки.

Казаки дали залпъ, и десятка два даурцевъ покатилося на землю.

Этотъ залпъ смутилъ враговъ, и они въ беспорядкѣ разбѣжались въ стороны.

Этимъ моментомъ и воспользовался Юшка.

Бросившись на даурцевъ всей массой, казаки, наконецъ пробились къ воротамъ, потерявъ еще пятерыхъ убитыми.

Наконецъ, они очутились въ полѣ.

Но, увы, теперь ихъ ждали еще большія бѣдствія.

Страшный голодъ ждалъ ихъ теперь.

Безъ припасовъ, лишившись всего, тронулись русскіе въ обратный путь.

Это были дни, полные ужаса и страданій.

Правда, иногда казакамъ удавалось подстрѣлить какого-нибудь звѣря или нѣсколькихъ птицъ, но это было рѣдко.

Почти одной сосновой корой да кореньями приходилось казакамъ поддерживать свое существованіе.

Одинъ за другимъ гибли люди.

Изголодавшіеся и обезсиленные, казаки падали по пути, и никто не былъ въ состояніи помочь имъ.

Каждый самъ съ минуты на минуту ждалъ смерти, и люди, лишь отворачиваясь, проходили мимо, оставляя товарищей на произволъ судьбы.

IX.

— Что это какъ долго Юшка не возвращается? — недоумѣвалъ Васька. — Ужъ не случилось ли съ нашими чего-нибудь.

— Вотъ и я объ этомъ думаю, — отвѣтилъ задумчиво Поярковъ. — По моему расчету они должны были вернуться назадъ уже съ недѣлю тому назадъ.

— Ну да!—подтвердилъ Васька.

Всѣ русскіе съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія товарищей.

Припасы почти уже совершенно оистощились, и вся надежда была на Юшку и его товарищей.

Каковъ же ужасъ охватилъ русскихъ, когда они увидели возвратившихся товарищей, изможденныхъ, еле державшихся на ногахъ отъ голода.

— Тятка, тятка, гляди-ка! — закричалъ Васька, бѣгая въ отцовскую язбу. — Наши пришли. Еле идутъ! Словно мертвецы!

Поярковъ выскочилъ наружу и только ахнулъ.

Тотчасъ же измученныхъ людей чѣть-чуть подкормили, затѣмъ дали немного отдохнуть и только послѣ этого приступили къ разспросамъ.

Печальна была повѣсть Юшки, и казаки только головами покачивали, слушая его рассказы.

Итакъ, въ русскомъ острожкѣ не прибавилось припасовъ, зато прибавилось тридцать голодныхъ людей.

Юшка потерялъ всего сорокъ человѣкъ.

Разспрашивая даурскихъ людей, Юшка узналъ, что они ведутъ торговлю и платятъ ясакъ хану Борбою, а Борбой платитъ ясакъ манчжурскому хану, у котораго много войска, пушекъ и ружей.

Нѣсколько недѣль бѣдствовали еще русскіе въ своемъ острожкѣ.

Но, наконецъ, къ нимъ подошли остальные люди съ перваго зимовья, и положеніе стало гораздо лучшимъ.

— Ну, теперь и въ путь можно. Теперь мы всѣ въ сборѣ,—объявилъ однажды Поярковъ.

Быстро собрались въ путь казаки, и скоро казацкая флотилія быстро понеслась внизъ по теченію Зеи.

Сидя на лодкѣ, Васька любовался берегами.

Тутъ было совсѣмъ не то, какъ гдѣ-нибудь на Ленѣ или Енисеѣ.

По берегамъ виднѣлись вспаханныя земли и луга, на которыхъ бродили гурты скота, часто попадались улусы, отдѣльныя хижины и острожки, населеніе тутъ было гораздо гуще.

— Да тутъ рай земной!—воскликнули казаки.

Но вотъ изъ Зеи выплыли на какую-то широкую рѣку.

— Вотъ это-то и есть, вѣроятно, Шилка, — рѣшилъ Поярковъ.

Но онъ ошибся.

Это была рѣка Амуръ, величайшая рѣка Сибири.

Еще лучше было здѣсь, чѣмъ на Зеѣ.

Тутъ было больше пашень и луговъ, населеніе было еще гуще, и русскіе безъ труда доставали себѣ пищу и кое-гдѣ брали ясакъ.

Попадались тутъ и сады, и рощи, и непроходимые лѣса.

— Тятя, тятя, гляди, — грушевое дерево. Тятка, гляди — яблони! Смотри, тятка — дома глинобитныя, а вмѣсто стеколъ просаленная бумага!—то и дѣло восклицалъ Васька.—Экій благодатный край!

— Рай земной! Лучше и не надо!—вторили казаки.

Да, тутъ и, дѣйствительно, было хорошо.

Х.

— Ага, вотъ и знаменитыя щеки! Э, да вѣдь мы Амуромъ идемъ!—воскликнулъ однажды Поярковъ. — Про него-то и говорили дауры.

Русскіе, дѣйствительно, подѣзжали къ знаменитымъ щекамъ.

Щеками назывались крутые, большей частью отвѣсныя

каменные берега, въ которыхъ сжать былъ великолѣпный Амуръ.

Царственно красивы были эти скалы и сжатый между ними Амуръ, теченіе котораго въ щекахъ было гораздо быстрее.

Версть двѣсти тянулись эти щеки, и, наконецъ, русскіе снова выплыли на просторъ.

Послѣ трехъ недѣль плаванія, они доплыли до устья рѣки Шунгала (Сунгари).

И тутъ Поярковъ снова остановилъ свой отрядъ.

— Ужъ, конечно, Амуръ въ море впадаетъ,—сказалъ однажды Поярковъ Юшкѣ. — Надо послать людей провѣдать.

Двадцать пять человѣкъ было послано на развѣдку.

Но прошло съ мѣсяцъ и изъ всѣхъ этихъ людей до стана съ трудомъ добрались лишь два человѣка.

Свирѣпыя дучеры (пріамурское племя) перебили всѣхъ остальныхъ во время ночевки на обратномъ пути.

Такимъ образомъ все болѣе и болѣе рѣдѣли русскіе ряды.

XI.

Но это не испугало храбраго Пояркова.

И онъ, вмѣстѣ со своими людьми все же поплылъ дальше внизъ по Амуру.

По дорогѣ встрѣтили народъ —ношековъ, а потомъ и гиляковъ.

Гиляки до тѣхъ поръ никому не платили ясака, и Поярковъ, разбивъ ихъ безъ всякаго труда, обложилъ ихъ ясакомъ.

Широкъ и великолѣпенъ былъ Амуръ въ устьѣ.

Всюду виднѣлись острова, то песчаные, то покрытые кустарникомъ и сочной травой.

Рѣка была полна рыбы.

Но зато снова исчезли пашни и луга, и лишь глухая тайга слѣва и чистая равнина справа обрамляли рѣку.

Зима заставила Пояркова остановиться.

Плохо было тутъ зимой.

Хлѣба не было, у гиляковъ можно было добывать лишь сушеную и вяленую рыбу, овощей тоже не было, а запасы русскихъ вышли очень скоро.

Впрочемъ они немного поддерживали себя охотой, и такъ какъ голодъ заставлялъ быть неразборчивымъ, то они ѣли не только съѣдобную дичь, но и мясо соболей, лисицъ, волковъ и другихъ звѣрей.

Нудно и тихо тянулась долгая зима.

Пора было подумать и о возвращеніи назадъ, но Пояркову вовсе не хотѣлось возвращаться старымъ путемъ.

Его интересовалъ тотъ путь, котораго онъ еще не зналъ, то есть морской путь.

И вотъ, лишь только растаялъ ледъ, русскіе, построивъ новые кочи (суда), поплыли по Охотскому морю.

Дологъ и труденъ былъ этотъ путь.

Только такіе отчаянные люди, какъ Поярковъ, могли рѣшиться на него.

Долго трепало ихъ въ Ледовитомъ океанѣ, нѣсколько разъ чуть не затирало плавучими льдинами, пока, наконецъ, смѣльчаки не потерпѣли крушеніе.

Сильный вѣтеръ погналъ вдругъ кочи на каменистый берегъ, и скоро отъ кочей остались только щепки.

Наступила зима.

Подвязавъ лыжи, Поярковъ съ людьми устремился дальше.

Вотъ и Камень.

Партія перевалила черезъ хребетъ и вышла къ истоку рѣки Майи.

Началась весна.

Пройдя еще двѣ недѣли, Поярковъ остановился на берегу рѣки, выстроилъ новыя суда и поѣхалъ дальше.

Теперь путь былъ знакомый.

И. вотъ, наконецъ, послѣ трехлѣтняго странствованія, отрядъ Пояркова вернулся въ Якутскъ.

Облегченно вздохнулъ Васька, впервые улегшись въ свою мягкую кровать.

Но все же, несмотря на перенесенныя лишенія, онъ былъ очень доволенъ путешествіемъ и часто съ удовольствіемъ вспоминалъ про него.

Въ поискахъ Хабарова.

I.

Въ небольшомъ лагерѣ царило оживленіе.

Около самаго берега, на водѣ, тихо колыхалось деревянное судно съ мачтой и парусомъ.

Около нѣсколькихъ разбитыхъ на берегу кибитокъ горѣли треща костры, около которыхъ сидѣли и ходили люди.

День подходилъ уже къ концу, и казаки готовили себѣ ужинъ, поджаривая на желѣзныхъ вертелахъ большіе куски мяса.

Часа два тому назадъ одному изъ нихъ удалось убить большого, великолѣпнаго лося, съ красивыми, широкими рогами, и теперь казаки намѣревались полакомиться частью его мяса.

Такая крупная и вкусная добыча попадалась далеко не часто.

Около одной изъ кибитокъ, вокругъ пылающаго костра, расположилась небольшая группа казаковъ.

— И кто ихъ знаетъ, гдѣ ихъ искать? — проговорилъ, разводя руками, одинъ изъ казаковъ, Иванъ Нагиба, предводитель всей партіи.

— Говорятъ — на Амурѣ. Да нѣчто Амуръ малъ! — отозвался другой казакъ. — Какъ тутъ всѣ рукава обыщешь?

— Тренкѣ Чичегину легко сказать: ищи! Самъ бы и искалъ, — подхватилъ третій казакъ. — Воевода изъ Якутска его послалъ, а онъ на насъ свалилъ. А самъ, небось, съѣлъ теперь гдѣ-нибудь, да ясакъ собираетъ.

— Извѣстно.

— А что ни говори: отыскать нужно, — задумчиво перебилъ собесѣдниковъ Иванъ Нагиба. — Хабаровъ храбрый человѣкъ, хоть и жестокій.

— А ужъ лютъ, что и говорить! Не то что съ иновѣрцами, а и со своими лютъ, — вставилъ одинъ изъ казаковъ.

— Да и людей съ нимъ много, — продолжалъ Нагиба. — Больше ста человѣкъ съ нимъ на поиски пошло, да вотъ скоро три года, какъ ни о комъ изъ нихъ ни слуха ни духа нѣтъ.

— Не пропадетъ, — убѣжденно перебилъ второй казакъ. Нагиба пожалъ плечами.

— Кто его знаетъ! — проговорилъ онъ. — Отъ враговъ отобьются — съ голоду могутъ пропасть, а то и заблудиться могутъ. Не онъ первый, не онъ и послѣдній. Невѣдомыхъ земель-то здѣсь много.

Нагиба умолкъ и задумчиво посмотрѣлъ на рѣку.

Широкій красавецъ Амуръ, на берегу котораго раскинутъ былъ казачій лагерь, плавно катилъ свои волны, исчезая за поворотомъ.

Заходящее солнце косыми лучами освѣщало его чистую воду и, отражаясь въ ней, лучи заражали ее мягкимъ розовымъ блескомъ.

Низкіе, въ этомъ мѣстѣ, берега были покрыты сочной, высокой травой, вдали виднѣлись лѣса, темные и таинственные, въ чащѣ которыхъ скрывались всевозможные дикіе звѣри.

Воздухъ былъ свѣжъ, но не прохладный, хотя дневной зной уже спалъ.

Кругомъ не было видно ни жилищъ людей ни пашень, и только казаки нарушали торжественную тишину этихъ мѣстъ.

Привольемъ и широкимъ просторомъ вѣяло здѣсь.

Но казаки какъ-то не замѣчали всей этой прелести и совершенно равнодушно глядѣли на чудную картину, разстилавшуюся передъ ними.

Они давно уже привыкли къ подобнымъ видамъ, они давно уже какъ бы сжились и срослись съ угрюмой Сибирью, ея тайгой, рѣками и горами.

Ихъ больше интересовали походы, скитанія по невѣдомымъ землямъ, битвы съ инородцами и добыча.

Вотъ и теперь, сидя у костровъ, они не обращали на дивный видъ никакого вниманія, занятые больше ожиданіемъ той минуты, когда, наконецъ, прожарятся хорошенько большіе куски лосинаго мяса.

Нагиба попрежнему сидѣлъ у костра, думая о Хабаровѣ.

Еще почти три года тому назадъ, то-есть весной 1649-го года, Ерофей Павловъ Хабаровъ, собравъ семьдесятъ человѣкъ охотниковъ, двинулся по рѣкѣ Олекмѣ, а затѣмъ по ея притоку Тугару.

Дальше онъ долженъ былъ перевалить черезъ Становой хребетъ и найти рѣку Шилку, а изъ нея выйти въ Амуръ и, отыскавъ царя Лавкая, смирить его и заставить платить дань русскому царю.

Хабаровъ удачно дошелъ до Амура.

Онъ выгналъ Лавкая изъ его улуса и взялъ безъ боя пять городовъ, но весной 1650-го года вернулся въ Якутскъ, привезя много добычи.

Его рассказы про богатые даурскія земли, про пашни и луга, про множество дорогихъ звѣрей и вообще про богатства пріамурскихъ земель и ихъ обитателей заставили многихъ присоединиться къ нему.

Больше полутораста человекъ изъявило желаніе итти съ нимъ.

А воевода прибавилъ ему еще двадцать казаковъ, да три пушки, свинца и пороха.

Осенью 1650-го года, Хабаровъ со своей дружиной пустился въ дальнѣйшій путь и снова возвратился на Амуръ, въ первый взятый городокъ, въ которомъ онъ, уѣзжая въ Якутскъ, оставилъ небольшой отрядъ.

Нѣсколько разъ присылалъ Хабаровъ о себѣ вѣсти.

Но послѣ послѣдняго письма, полученнаго воеводой въ августѣ 1652-го года, въ которомъ Хабаровъ просилъ помощи, Хабаровъ словно исчезъ.

Ни одной вѣсточки не приходило отъ него.

Въ Якутскѣ забеспокоились.

И, наконецъ, воевода выслалъ на помощь Хабарову небольшой отрядъ, подъ командой Тренки Чичегина.

Но дойдя до Амура, Тренка Чичегинъ остановился и въ свою очередь выслалъ отъ себя для поисковъ Хабарова около тридцати человекъ казаковъ, подъ командою Ивана Нагибы, наказавъ ему искать Хабарова по рѣкѣ Амуру.

Этотъ-то именно отрядъ мы и застали отдыхающимъ на берегу великой рѣки.

II.

Солнце уже коснулось краемъ горизонта, и небо на горизонтѣ вдругъ зажглось пурпурнымъ свѣтомъ.

Молодой, двадцатилѣтній казакъ, Ивашка, сидя у костра, затанулъ заунывную казацкую пѣсню.

Его поддержалъ другой казакъ, потомъ третій, четвертый, и хоръ крѣпкихъ, здоровыхъ голосовъ всколыхнулъ тихій воздухъ.

Могучіе звуки русской пѣсни понеслись широкими вол-

нами надъ начинавшей дремать рѣкой и, тая вдаль, уносились далеко-далеко за луга и лѣса.

Нагиба задумчиво слушалъ это пѣніе, и губы его едва замѣтно улыбались.

Любилъ онъ эти родныя, казацкія пѣсни, въ которыхъ было столько удали и широты.

Въ особенности торжественно звучала эта русская пѣсня тутъ, въ этой дикой, невѣдомой мѣстности, гдѣ со всѣхъ сторонъ русскихъ окружали лишь враждебно настроенныя противъ нихъ племена инородцевъ.

Удалю и безшабашностью вѣяло отъ этой могучей пѣсни.

— Готово, — произнесъ одинъ изъ казаковъ, снимая съ огня прожарившійся кусокъ лосинаго мяса.

— Гей, братцы, ѣсть пора! — крикнулъ Нагиба.

Пѣсня смолкла.

Сжарились куски и на другихъ кострахъ.

Изъ палатокъ принесли хлѣбъ и соль, казаки вооружились ножами и принялись за ужинъ.

Проголодавшись за день, казаки ѣли съ большимъ аппетитомъ.

И скоро отъ всего жаркого остались лишь косточки.

Послѣ ужина Нагиба назначилъ на ночь часовыхъ, и казаки малу-по-малу разошлись по своимъ палаткамъ.

И скоро весь лагерь погрузился въ крѣпкій сонъ.

А надъ землею спустилась темная ночь.

Одинъ за другимъ зажглись на небѣ хороводы звѣздъ, и все небо покрылось яркими горящими точками, весело мигавшими въ недосыгаемой вышинѣ.

А вотъ и молодой мѣсяцъ выглянулъ изъ-за горизонта.

Сначала онъ трусливо посмотрѣлъ на землю, потомъ вдругъ расхрабрился и сталъ все быстрѣе и быстрѣе взбираться по небосклону.

Лагерь спалъ.

И лишь часовые неподвижно стояли на своихъ постахъ, зорко всматриваясь въ темную даль.

III.

Чуть возшло солнышко, какъ лагерь зашевелился.

Позѣвывая и потягиваясь, вылѣзали одинъ за другимъ казаки изъ своихъ палатокъ.

Утро было ясное, свѣтлое.

Костры, въ которые казаки подкинули новыя охапки дровъ, весело трещали, и густой дымъ поднимался отъ нихъ къ небу и таялъ въ вышинѣ.

— Не половить ли намъ рыбы? — спросилъ одинъ изъ казаковъ, подходя къ Нагибѣ.

— Я и самъ про это думалъ, — отвѣтилъ тотъ. — Мясо-то лучше просолить, да прибережъ. Для охоты у насъ времени немного, а на рыбную ловлю много времени не уйдетъ. Утро проловимъ, поѣдимъ, да и въ путь.

— За сѣти, за сѣти! — раздались голоса.

Появилась большая сѣть, и нѣсколько казаковъ, усѣвшись въ два челна, привязанныхъ къ судну, выплыли на рѣку.

Товарищи, сидя на берегу, слѣдили за ловомъ, разговаривая между собой.

Вотъ сѣть упала въ воду, челноки разбѣхались и стали медленно приближаться къ низкому песчанному берегу.

Нѣсколько человѣкъ разувшись подошли къ водѣ, чтобы принять съ лодокъ концы сѣти и вытянуть ее на берегъ.

Едва-едва приближались челны къ берегу.

Двѣ веревки вылетѣли изъ челноковъ на берегъ.

— Дружно! Тяни!—раздалась команда, и стоявшіе на берегу казаки быстро вытянули сѣть.

Блестя серебристой чешуей, въ ней трепыхалось нѣсколько крупныхъ окуней и десятка два мелкой рыбы.

Рыбаки выбросили въ ведро пойманную рыбу, вытрясли сѣть и снова выѣхали на середину рѣки.

Три раза закидывали казаки сѣть и каждый разъ вынимали изъ нее окуней, плотву, ершей, щукъ и другихъ рыбъ.

Уже въ четвертый разъ принялись казаки вытягивать сѣть, когда въ водѣ между сѣтью и берегомъ что-то сильно затрепыхалось.

— Эге, ужъ не сомъ ли! Тяни скорѣе, пока не ушелъ! Налягъ, ребята!—раздались голоса.

Казаки быстро вытянули на берегъ сѣть, въ которой металось что-то большое и сильное.

Того и гляди порвется сѣть!

— Ого! Да это, братцы, осетръ! Вотъ такъ рыбина!—обрадовались казаки.—Ну, славная у насъ будетъ сегодня уха!

Осетръ дѣйствительно былъ на славу и вѣсилъ по меньшей мѣрѣ пуда полтора. Имъ однимъ могъ насытиться весь отрядъ.

Кромѣ него въ сѣть попало и нѣсколько болѣе мелкихъ рыбъ.

Рыбы наловлено было дня на два и можно было кончить ловъ.

Выпотрошивъ и вычистивъ рыбу, казаки разложили ее въ два котла и поставили варить уху.

Только осетра они засолили, оставивъ его къ слѣдующему дню, такъ какъ на слѣдующій день рѣшено было не дѣлать остановокъ.

IV.

Прошло больше недѣли.

Изо дня въ день плыли казаки внизъ по теченію Амура, тщетно отыскивая Хабаровова и его отрядъ, дѣлая только остановки для ночлега и лишь въ три дня разъ занимаясь рыбной ловлей.

Все лучше и лучше становились мѣста.

Въ этихъ мѣстахъ жили дучеры и натки, инородцы осѣдлые, занимавшіеся хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и рыбной ловлей.

То и дѣло попадались ихъ улусы, около которыхъ виднѣлись пашни и пасущійся скотъ.

Конечно, если бы казаки не злоупотребляли своей силой, эти люди снабжали бы ихъ всѣмъ необходимымъ.

Но казаки были народъ невѣжественный и грубый и часто отнимали у дикарей силой разные припасы, тѣмъ самымъ возстановляя ихъ противъ себя.

И тамъ, гдѣ инородцевъ было много, они выходили на встрѣчу казакамъ, давая имъ отпоръ съ оружіемъ въ рукахъ.

Казаковъ же было такъ мало, что вступать въ сраженіе было очень рискованно.

Плывутъ казаки внизъ по Амуру, а слава объ нихъ ихъ опережаетъ.

Однажды утромъ, русскіе по обыкновенію выѣхали, послѣ ночлега на берегу, на рѣку и поплыли внизъ по теченію.

Утро было тихое, но туманное, сырое, и казацкое судно медленно двигалось по рѣкѣ, спускаясь все ниже и ниже.

Казаки плыли по самой серединѣ рѣки.

Но чѣмъ болѣе приближалось время къ полудню, тѣмъ болѣе разсѣивался туманъ.

Вотъ впереди, слѣва показался какой-то островъ, наполовину покрытый лѣсомъ.

Казацкое судно пошло по срединѣ рѣки, между островомъ и берегомъ.

Ни Нагиба ни его товарищи не ожидали никакого нападенія и совершенно не думали о томъ, что дучеры и натки уже давно готовятся отомстить имъ.

Вдругъ изъ острова быстро вынесся стругъ (лодка), въ которомъ сидѣло человѣкъ сорокъ вооруженныхъ луками и копьями людей.

— Эге, никакъ это дучеры! — воскликнулъ Нагиба, сразу замѣтивъ появленіе струга.

Не успѣлъ онъ проговорить это, какъ за первымъ стругомъ изъ-за острова выскочилъ второй стругъ, третій, четвертый...

Выплывая изъ-за острова, струги становились у праваго берега острова, вытягиваясь въ сплоченную линію.

Вотъ ихъ появилось пять, потомъ еще пять, еще и еще.

Цѣлыхъ двадцать струговъ выплыло изъ-за острова, преградивъ казакамъ доступъ къ острову.

Было очевидно, что дучеры и натки намѣрены вступить въ бой съ казаками.

— Плохо дѣло! — проговорилъ Нагиба, глядя на эту флотилію.

Да, дѣло казаковъ дѣйствительно было плохо. Что могла сдѣлать маленькая горсть казаковъ, хотя и хорошо вооруженныхъ, противъ восьмисотъ враговъ?

Лица казаковъ стали хмурыми.

Быстро разобрали они пищали и, зарядивъ ихъ, приготовились къ отчаянному бою.

— Къ берегу! — скомандовалъ Нагиба. — На берегу лучше укрѣпимся, да и отступить есть куда.

Судно повернуло направо и стало приближаться къ правому берегу Амура.

Вдругъ крикъ ярости вырвался изъ устъ Нагибы, и онъ злобно сжалъ кулаки.

Да, дѣло принимало совсѣмъ плохой оборотъ.

Не успѣло казацкое судно приблизиться къ берегу на пятьдесятъ сажень, какъ на берегу показалась группа всадниковъ.

Ихъ было не менѣе двухсотъ человѣкъ и всѣ они были вооружены луками и саблями и имѣли щиты.

— Ну, видно, пропадемъ теперь!—проговорилъ одинъ изъ казаковъ.

— Плохо,—поддакнулъ другой.

— И къ берегу теперь не подойти, — произнесъ Нагиба. — Стрѣлами засыпать, когда высаживаться начнемъ.

Слѣва взадъ и впередъ плавали вдоль берега острова непріятельскіе струги, справа, на берегу рѣки, стоялъ конный отрядъ.

Нагиба и казаки въ первое время растерялись.

Но такъ или иначе, а что-нибудь предпринять было необходимо.

Начало было рѣшиться на что-нибудь смѣлое, чтобы огорошить враговъ и этимъ спасти себя.

Нагиба первый оправился отъ замѣшательства.

— Да что намъ впервые съ даурскими людьми (дучеры) дѣло имѣть!—крикнулъ онъ, гордо подымая голову. — Гей, рулевой, веди судно по самой серединѣ, между островомъ и берегомъ. А тамъ видно будетъ!

Голосъ и слова начальника ободрили казаковъ.

— А коли придется умирать, такъ и умремъ какъ казаки, а не какъ бабы,—продолжалъ Нагиба. — Живьемъ на поруганіе не дадимъ себя въ руки!

— Не дадимъ! Правду говоришь! Веди насъ!—раздались голоса.

— Гей! залѣвайте пѣсню!—приказалъ Нагиба.

Управляемое рулевымъ судно повернуло назадъ и, дойдя до середины воды, поплыло внизъ по теченію.

И вдругъ надъ рѣкой грянулъ хоръ.

Сидя на суднѣ, съ заряженными пищалями въ рукахъ, казаки хоромъ пѣли свою казацкую пѣсню, словно они плыли не среди враговъ, а среди самыхъ обыкновенныхъ слушателей. Хитрый Нагиба пустился на отчаянную хитрость.

Онъ рассчитывалъ своимъ хладнокровіемъ поразить враговъ и заставить ихъ думать, что русскіе считаютъ ихъ силу ни во что.

И его предположеніе оправдалось.

Услыхавъ стройное, спокойное пѣніе и видя, что судно казаковъ продолжаетъ какъ ни въ чемъ не бывало двигаться впередъ, дикари пришли въ полное недоумѣніе.

Дауры (дучеры) и натки рѣшили, что русскіе обладаютъ какимъ-то очень важнымъ секретомъ, въ силу котораго они не боятся даже такой огромной силы.

Казацкое судно продолжало плыть внизъ по теченію рѣки.

Непріятельскіе струги слѣдовали за нимъ на почтительномъ разстояніи, а всадники слѣдовали по берегу, но ни съ одной изъ сторонъ не дѣлалось никакихъ попытокъ къ нападенію.

Подулъ довольно сильный попутный вѣтеръ.

Туго надулся парусъ, и судно понеслось по рѣкѣ.

Струги начали отставать все больше и больше и, наконецъ, отстали совершенно.

Нагиба приказалъ держаться поближе къ лѣвому берегу.

Поняли теперь всадники свою ошибку, стали было стрѣлять изъ луковъ, да было уже поздно.

Амуръ былъ въ этомъ мѣстѣ черезчуръ широкъ, и стѣлы не долетали теперь до русскихъ, падая, не причиняя никому вреда, въ воду.

— Го-го-го, опоздали, голубчики! — хохотали казаки.

— Молодецъ Нагиба!

— Мастеръ на выдумки!

Радости казаковъ не было конца.

Но радость эта была преждевременна.

Дауры только и ждали случая, какъ бы погубить казаковъ.

Даурскіе гонцы летѣли изъ улуса въ улусъ, изъ острожка въ острожекъ, оповѣщая соплеменниковъ о томъ, что казаки плывутъ внизъ по Амуру.

Правда, дауры не могли больше выставить противъ русскихъ столько вооруженныхъ людей, но все же они дѣлали имъ много зла.

V.

Былъ вечеръ, когда русское судно остановилось около берега и казаки, высадившись на землю, принялись разбивать для ночлега палатки.

— Сдается мнѣ, что я лай собачій слышалъ, — проговорилъ Нагиба, молча слѣдившій до сего времени за работою казаковъ.

— Вотъ и мнѣ тоже показалось, — отвѣтилъ стоявшій съ нимъ рядомъ казакъ Ивашка.

— Я кругомъ глядѣлъ и съ рѣки смотрѣлъ, ни жилья, ни улуса нигдѣ не было видно, — заговорилъ Нагиба. — Коли улусъ близко, такъ это не очень хорошо. Вишь, какъ слѣдить за нами принялись!

— Не надо быть тутъ улусу. Виденъ былъ бы, — задумчиво отвѣтилъ Ивашка. — Можетъ быть, гдѣ по близости пастухъ стадо пасетъ, ну, и собаки у него. Вотъ и лаютъ.

Пока казаки разбивали палатки, смерклось совершенно.

Въ вечерней тишинѣ лишь потрескивали костры, да изрѣдка перебрасывались словомъ — другимъ между собою казаки.

Вдругъ до слуха казаковъ явственно донесся отдаленный собачій лай.

Нѣсколько казаковъ насторожились.

— Собаки... — произнесъ кто-то.

— Собаки, — повторилъ Нагиба. — Поблизости отъ насъ есть люди.

— Да вѣрнѣе всего, что пастухи со стадомъ гдѣ-нибудь поблизости остановились, — проговорилъ Ивашка.

— Все же часовыхъ на всякій случай надо будетъ выставить, — сказалъ Нагиба. — Гей вы, кому придется стоять на часахъ — смотри въ оба.

Но въ общемъ онъ и самъ былъ вполне увѣренъ въ томъ, что слышитъ лай пастушескихъ собакъ.

Если бы русское судно сдѣлало еще хотя бы одинъ поворотъ по Амуру, Нагиба и его товарищи увидѣли бы даурскій городокъ, обнесенный рвомъ и тыномъ.

Но Нагиба не доплылъ до этого мѣста и не подозрѣвалъ о томъ, что находится совсѣмъ близко отъ своихъ враговъ.

Не зналъ Нагиба о близости дауровъ.

Но зато дауры прекрасно знали о близости казаковъ.

Незамѣтно, черезъ своихъ лазутчиковъ, они слѣдили все время за движеніемъ русскаго отряда.

Вотъ и теперь: не успѣлъ стать лагеремъ отрядъ Нагибы, какъ въ даурскомъ городкѣ уже стало извѣстнымъ все относительно него.

И дауры зашевелились.

Городокъ былъ невеликъ и силы у даурскихъ людей было немного, но все же ихъ было числомъ въ четыре раза больше, чѣмъ у русскихъ.

И дауры рѣшили ночью напасть на лагерь.

Уже уснули уставшіе за день казаки и стихъ русскій лагерь.

Лишь не спали часовые, лѣнливо посматривавшіе въ темноту.

Они тоже были вполне увѣрены въ томъ, что враговъ поблизости нѣтъ и опасаться некого.

Лѣнливо посматривалъ передъ собою и казакъ Ивашка, который въ эту ночь стоялъ на часахъ.

Ивашкѣ хотѣлось спать, и онъ собирался уже лечь на землю и вздремнуть, какъ вдругъ подозрительный шумъ заставилъ его вздрогнуть и пристально взглядѣться въ темноту.

Вотъ шумъ повторился еще явственнѣе.

Словно много какихъ-то существъ тихо ползло по травѣ.

Ивашка машинально поднялъ ружье.

Чья-то фигура вдругъ поднялась съ земли, шагахъ въ пятнадцати отъ него, и рядомъ съ этой фигурой тотчасъ же выросла другая фигура.

Ивашка сразу понялъ опасность и, быстро вскинувъ въ плечо пицаль, выстрѣлилъ.

Грянулъ выстрѣлъ, и тотчасъ же спереди Ивашки раздался оглушительный вой, а сзади—тревожные крики казаковъ.

Съ гикомъ кинулись дауры на русскій лагерь, убивъ двухъ часовыхъ казаковъ и надѣясь перебить всѣхъ.

Но и казаки были народъ привычный ко всякимъ неожиданностямъ.

Лишь только грянулъ выстрѣлъ, какъ всѣ казаки

какъ одинъ вскочили на ноги, быстро перепоясались саблями и, схвативъ заряженные пищали, выскочили изъ палатокъ.

— Бей, стрѣлай! Ко мнѣ, въ кучу!—гремѣлъ лѣгolosъ Нагибы.

Моментально всѣ казаки сбились въ кучу, стали спинами другъ къ другу и загрехотали изъ пищалей.

Дауры не ожидали отпора.

Да и громъ ружейныхъ выстрѣловъ ошеломилъ ихъ.

Съ десятокъ дауровъ, убитые наповалъ, покатались на землю.

Не выдержали дауры и обратились въ беспорядочное бѣгство.

— Бей, коли, руби!—кричалъ Нагиба.

Казаки, съ шашками въ рукахъ, бросились за убѣгающими, убивая ихъ одного за другимъ.

Наконецъ, бой кончился.

Правда, дауры потеряли двадцать шесть человѣкъ, а казаки всего четверыхъ, но для казаковъ и потеря въ четыре человѣка была очень тяжела.

И безъ того маленькій отрядъ ихъ уменьшился теперь еще больше и сталъ еще слабѣе.

Тревожно провели казаки остатокъ ночи, ожидая повторенія нападенія, но удрученные неудачей дауры и не думали дѣлать новую попытку.

Это до того ободрило Нагибу, что онъ, вмѣсто того, чтобы поскорѣе уѣхать утромъ дальше, рѣшилъ потребовать отъ дауровъ ясакъ.

— Попытаемъ,—весело сказалъ онъ.—А на лучный выстрѣлъ подходить не будемъ.

И онъ, со своимъ небольшимъ отрядомъ, найдя городокъ, подступилъ къ нему.

Дауры сильно перепугались, увидавъ передъ собой казаковъ.

Узнавъ, что Нагиба требуетъ припасовъ и ясакъ, они охотно вынесли то и другое.

И казаки, удовлетворенные этимъ, возвратились къ своему судну, не рискнувъ войти въ городокъ, гдѣ ихъ могли бы измѣннически перебить очень легко.

На берегу Нагиба принялся допрашивать двухъ плѣнныхъ о Хабаровѣ.

Неизвѣстно — нарочно или нѣтъ, но плѣнные показали, что Хабаровъ уплылъ со своими людьми въ гиляцкую землю, внизъ по Амуру, и назадъ не возвращался.

И Нагиба, сѣвъ на свое судно, пустился дальше внизъ по теченію Амура.

VI.

Прошло еще три недѣли.

А судно казаковъ все плыло и плыло внизъ по Амуру, все приближаясь къ его устью.

Теперь справа и слѣва тянулись ужъ гиляцкія земли.

Совсѣмъ не то было тутъ, совсѣмъ другимъ казался этотъ край, глухой и угрюмый.

Исчезли пашни и луга, исчезли гурты скота.

Почти всюду берега были покрыты вѣковой тайгой и топами и лишь кое-гдѣ, на сухихъ мѣстахъ, попадались жалкіе улусы и отдѣльныя хижины гиляковъ, главную пищу которыхъ составляла рыба.

Когда рѣка не была скована льдомъ, гиляки питались свѣжей рыбой, на зиму же дѣлали запасы сушеной и вяленой рыбы.

Зимой гиляки промышляли и охотой и перекочевывали съ Амура вглубь тайги, гдѣ и оставались до весны.

Враждебно встрѣтили гиляки русскихъ.

Раньше ихъ тоже навѣщали русскіе и порядочно оби-

рали ихъ, требуя не только ясака, но и всякаго продовольствія.

Поэтому лишь только Нагиба появился въ предѣлахъ гиляцкой земли, какъ гиляки взялись за оружіе.

Но трусливые гиляки сначала долго не рѣшались нападать на казаковъ.

Они только собирались большими партіями и издали провожали ихъ до ближняго улуса, гдѣ ихъ смѣняла другая партія.

Эти гиляки были вооружены луками, стрѣлами, ножами и щитами.

Въ свою очередь Нагиба, не зная, насколько храбры гиляки, не рѣшался нападать на нихъ, видя ихъ большое численное превосходство.

— Вишь, подъ какимъ конвоемъ ѣдемъ,—шутили казаки, поглядывая на слѣдовавшіе за ними издали гиляцкіе челноки.

Гиляки ѣхали на небольшихъ рыбацкихъ челнокахъ, человѣка по три—четыре въ каждомъ.

— Гуляйте, гуляйте!—смѣялись казаки.

— Больше устанутъ,—вторили другіе.

И съ каждымъ днемъ русское судно все больше и больше приближалось къ восточному морю.

Сначала все шло хорошо.

Но вотъ, однажды въ полночь, Нагиба замѣтилъ впереди огромную флотилію гиляцкихъ челновъ.

Раздѣленные на двѣ части, эти челны стояли вдоль обоихъ береговъ Амура, словно что-то поджидая.

— Ну, видно, тутъ намъ невынырнуть!—проговорилъ, глядя на эти челны, Нагиба.

— Да ихъ тутъ сотни четыре гиляковъ будетъ,—подхватилъ Ивашка.

— Сейчасъ посмотримъ, что они замышляютъ,—про-

изнесъ Нагиба.—А пока не надо показывать и вида, что мы ихъ боимся. Все равно, если мы повернемъ назадъ, они насъ легко догонять на своихъ челнахъ. Такъ лучше ужъ прямо итти.

— Въ прошлый разъ только этимъ и взяли,—замѣтилъ Ивашка.

Но на всякій случай казаки все же самымъ тщательнымъ образомъ приготовились къ бою.

Судно все продолжало, какъ ни въ чемъ не бывало, подвигаться впередъ.

Нагиба и его товарищи зорко слѣдили за каждымъ движеніемъ гиляковъ.

Сначала всѣ лодки стояли неподвижно.

Неподвижно сидѣли на нихъ и гиляки, словно какія-то неодоушевленные существа.

Но лишь только русское судно очутилось между двумя линіями этихъ челноковъ, какъ вдругъ крайніе челны, сзади и спереди, быстро понеслись на середину рѣки.

— Обкладываютъ!—воскликнулъ Нагиба.

Дѣйствительно, не прошло и двадцати минутъ, какъ русское судно очутилось окруженнымъ со всѣхъ сторонъ гиляцкими челнами.

Однако гиляцкіе челны были отъ русскаго судна на порядочномъ разстояніи.

Теперь было очевидно, что намѣренія гиляковъ далеко не мирныя.

Прорваться?

Но нѣтъ, это было немыслимо, такъ какъ число гиляцкихъ челновъ было слишкомъ велико и если бы они всѣ напали со всѣхъ сторонъ на русское судно, гибель было бы неизбѣжна.

— Бросай якорь! Спускай парусъ! — скомандовалъ Нагиба.

Приказаніе мигомъ было исполнено, и судно стало неподвижно посреди рѣки, преобразившись въ нѣчто въ родѣ пловучей крѣпости, окруженной кольцомъ непріятельскихъ челновъ.

Лишь только стало неподвижно русское судно, какъ стали неподвижно и гиляцкіе челны.

Вокругъ казаковъ образовался неподвижный кругъ челновъ, въ которыхъ сидѣли вооруженные люди.

Съ минуты на минуту ждали казаки нападенія, приготовившись къ самооборонѣ.

Но проходили не только минуты, но и часы, а гиляки не двигались съ мѣста и ничѣмъ не выдавали своихъ намѣреній.

— Ночью! они ждутъ ночи, чтобы напасть на насъ врасплохъ,—говорили между собой казаки.—Вотъ, какъ тогда даурскіе люди. Плохо будетъ, если они вздумаютъ напасть ночью.

Чѣмъ больше приближался вечеръ, тѣмъ большая тревога овладѣвала казаками.

Никто изъ нихъ не сомнѣвался въ томъ, что гиляки произведутъ нападеніе ночью.

Когда стемнѣло, Нагиба поставилъ на палубѣ четырехъ часовыхъ, позволивъ остальнымъ лечь спать, не раздѣваясь и не снимая сабель, и приказавъ каждому положить писталь около себя.

Тревоженъ былъ сонъ казаковъ въ эту ночь.

Но странно... Наступило утро, и все, какъ оказалось, осталось по-старому.

Гиляки и ночью не рѣшались на нападеніе и, оглянувшись утромъ, Нагиба увидалъ, что ихъ челны находятся тамъ же, гдѣ были и наканунѣ.

Замѣтилъ онъ также и нѣсколько другихъ челновъ, пришедшихъ съ берега и объѣзжавшихъ стоявшіе на якоряхъ челны.

Это гилякамъ, стоявшимъ на рѣкѣ, подвозили съ берега провизию.

Прошелъ еще томительный день и еще ночь, а все оставалось по-старому.

Посреди рѣки неподвижно стояло русское судно, а вокругъ него, такъ же неподвижно, стояла цѣлая флотилія гиляцкихъ челновъ.

Смущеніе все больше и больше овладѣвало казаками.

— Что же это такое? Долго ли такъ будемъ? Что они хотятъ дѣлать? Почему не нападаютъ на насъ?—спрашивали они другъ друга.

Но отвѣтить на это никто не былъ въ состояніи.

VII.

Прошло цѣлыхъ двѣ недѣли.

И несмотря на это, все оставалось по-старому.

Казацкое судно продолжало неподвижно стоять посреди рѣки, а вокругъ него, въ томъ же положеніи, продолжали стоять гиляцкіе челны.

Повидимому гиляки хотѣли взять казаковъ изморомъ, будучи вполнѣ увѣрены, что тѣ не рискнутъ прорваться сквозь эту блокаду.

Они почти достигли своего.

Если бы они могли посмотрѣть на то, что дѣлается на русскомъ суднѣ, они были бы очень рады.

Уныло и понуро бродили казаки по судну.

Вотъ уже сутки, какъ съѣденъ былъ послѣдній кусокъ, и казаки изнывали отъ голода.

Уже давно была уменьшена ежедневная порція, уже давно жили казаки впроголодь.

Уже подымался между казаками недовольный ропотъ.

— Что же, долго ли мы будемъ такъ сидѣть!—вор-

чали они.— Не умирать же намъ всёмъ голодной смертью, лучше въ бою, разомъ, умереть!

Но вотъ вышелъ послѣдній кусокъ, и цѣлыя сутки казаки не имѣли во рту ни кусочка.

Страшный голодъ терзалъ ихъ.

Полуголодные и прежде, они теперь готовы на все, лишь бы поѣсть хоть чего-нибудь.

Мрачно смотрѣли они кругомъ себя.

Ихъ ропотъ становился все громче и громче, и Нагиба часто подмѣчалъ злобные взгляды, которые бросали на него казаки.

На суднѣ того и гляди готовъ былъ вспыхнуть бунтъ.

— До гибели насъ довелъ!— громко говорили казаки.— И чего мы на мѣстѣ стоимъ? Чего мы дожидались?

— Развѣ не лучше попробовать пробиться! Лучше, чѣмъ голодной смертью умирать,— кричали другіе. — Черезъ день тамъ обезсилѣемъ, что и драться не сможемъ.

Нагиба становился все серьезнѣе и серьезнѣе.

— И правда,— думалъ онъ.— Только и остается пробиться или умереть. Лучше смерть въ бою, чѣмъ отъ голода.

И онъ жаднымъ взоромъ смотрѣлъ на гилацкій улусъ, виднѣвшійся на лѣвомъ берегу.

Тамъ, въ улусѣ, должна была быть ѣда.

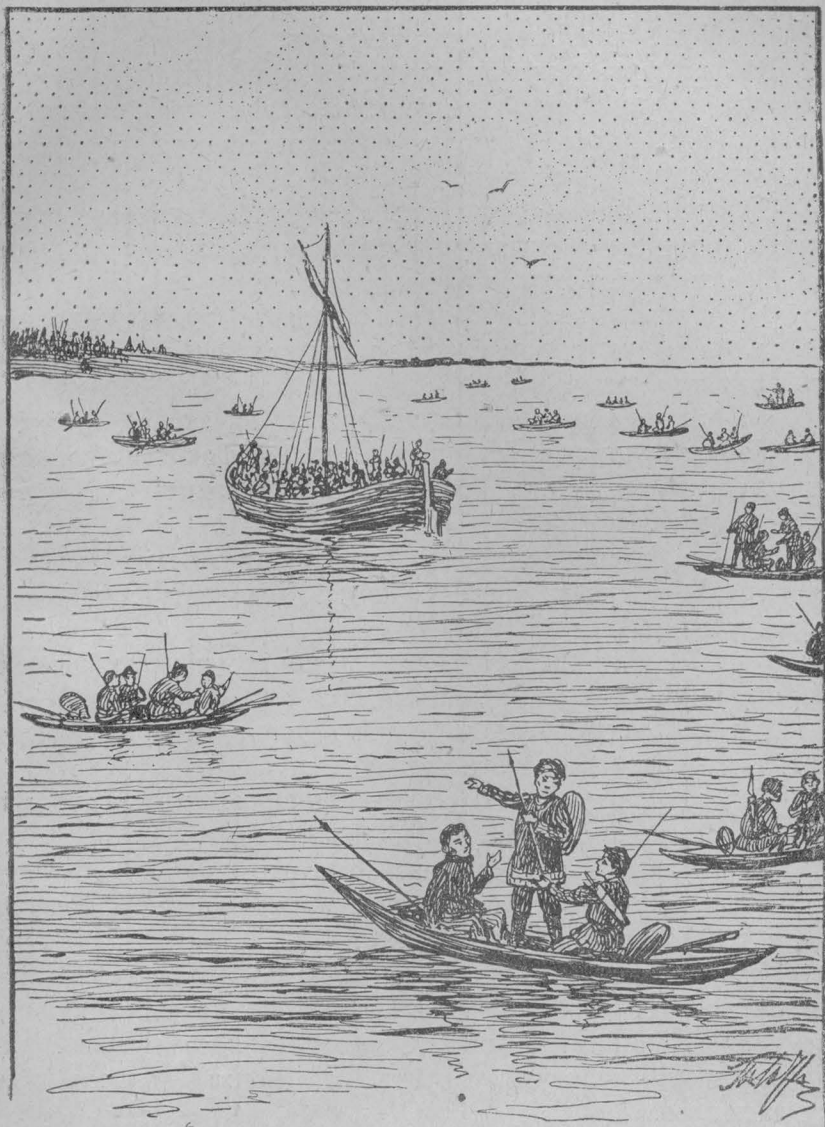
Рѣшеніе вдругъ овладѣло имъ.

— Ну, братцы, сегодня попробуемъ прорваться и захватить тотъ улусъ,— проговорилъ онъ громко.— Либо славная смерть, либо славная побѣда.

— Правильно! Веди насъ! Нечего намъ здѣсь долго сидѣть!— раздались въ отвѣтъ радостные голоса.

Въ эту минуту люди больше думали о ѣдѣ, чѣмъ о смерти, и ради ѣды они готовы были на все.

Голодъ превратилъ ихъ въ свирѣпыхъ тигровъ, для которыхъ переставала существовать опасность.

На суднѣ начались приготовленія.

Въ разныхъ концахъ, вдоль бортовъ судна были разложены кучки пороха и пули, чтобы всѣ казаки имѣли заряды подъ рукой, пищали были пересмотрѣны, казаки надѣли на себя кольчуги.

Гиляки, ничего не подозрѣвая, сидѣли въ своихъ челнахъ, почти не обращая вниманія на русское судно.

Незамѣтно поднялся якорь судна.

Сразу распустился большой парусъ, рулевой налегъ на руль, и судно понеслось къ лѣвому берегу, прямо на цѣпь гиляцкихъ челновъ.

Гиляки никакъ не ожидали такой внезапной атаки.

Увидавъ идущее судно, они стали спѣшно вытягивать якоря и сбиваться въ кучу, чтобы преградить путь русскому судну.

Но на помощь тѣмъ челнамъ, къ которымъ стремилося казачье судно, могло во время подоспѣть лишь челновъ тридцать.

Туча стрѣлъ полетѣла въ русскихъ, но стрѣлы не причинили никому никакого вреда.

Громкій залпъ изъ болѣе чѣмъ двадцати ружей былъ отвѣтомъ со стороны русскихъ.

Человѣкъ пятнадцать гиляковъ, пораженные пулями, упали замертво на дно челновъ и въ воду.

Среди гиляковъ поднялась суматоха.

Тѣмъ временемъ казаки быстро перезарядили пищали, и новый залпъ потрясъ воздухъ.

Дымъ, громъ выстрѣловъ, стоны раненыхъ и идущее смѣло впередъ судно, — все это, наконецъ, довело гиляковъ до полной паники, и они, не помня себя отъ ужаса, кинулись безъ оглядки удирать на своихъ челнахъ кто куда попало.

Пять челновъ съ самыми храбрыми гиляками, правда,

попробовали было вскочить на самое судно, но попытка не удалась.

Что могли сдѣлать пятнадцать человѣкъ съ освирѣпѣвшими казаками.

Одна за другой попадали гиляцкія головы въ рѣку.

Остальные гиляки видѣли это, и ими овладѣлъ еще большій страхъ.

Путь къ берегу былъ теперь свободенъ.

Съ радостными криками, опьяненные побѣдой, неслись казаки къ гиляцкому улусу, въ которомъ оставались лишь женщины, дѣти и дряхлые старики.

Но и тѣ, увидавъ приближающееся русское судно, поспѣшно покинули улусъ съ громкими криками, исчезли въ лѣсу.

Вотъ судно остановилось у берега, половина казаковъ выскочила на берегъ и бросилась къ улусу, тогда какъ другая половина осталась на суднѣ, съ пищалями наготовѣ, готовая дать отпоръ гилякамъ, если бы тѣ вздумали напасть снова на судно.

Словно ураганъ ворвались казаки въ улусъ и прежде всего накинудись на запасы вяленой рыбы.

Раза три возвращались они на судно, таская большія охапки вяленой рыбы.

Муки у гиляковъ нашлось лишь очень незначительный запасъ.

Набравъ большое количество рыбы и соли, казаки забрали и найденные въ улусѣ мѣха и, наконецъ, возвратились на судно.

На суднѣ началось настоящее пиршество.

Побѣда спасла людямъ жизнь и избавила ихъ отъ голодной смерти.

VIII.

Гдѣ же былъ самъ Хабаровъ и что дѣлалъ онъ?

Приѣхавъ на Амуръ во второй разъ, осенью 1650-го года, Хабаровъ двинулся дальше.

Около городка Албазина, онъ встрѣтилъ даурскихъ людей и разбилъ ихъ.

Тутъ же узналъ онъ, что по Амуру живетъ девять владѣльцевъ, которые всѣ платятъ ясакъ китайску шамшахану Богдою, который, въ свою очередь, платитъ ясакъ еще болѣе могущественному хану.

Узналъ онъ, что у Богдоя есть каменные и деревянные города, пушки и ружья, много жемчуга, серебра, золота и всякаго добра.

Обо всемъ этомъ Хабаровъ писалъ воеводѣ, прося у него помощи и увѣряя, что надо прислать большую рать и подвести Богдою подъ высокую царскую руку.

Эти вѣсти дошли до Москвы, и изъ Москвы было послано на помощь Хабарову 132 человѣка, съ порохомъ и свинцомъ, а къ шамшахану было отправлено посольство, но посольство это было перебито даурскими людьми.

Между тѣмъ лѣтомъ 1651-го года Хабаровъ, со своими людьми, снова двинулся внизъ по Амуру.

Разгромивъ по пути городокъ даурскаго князя Гуйгудара и перебивъ болѣе шестисотъ дауровъ, Хабаровъ на полтора мѣсяца остался въ этомъ городкѣ, найдя въ немъ много хлѣбныхъ запасовъ.

У Хабарова въ этомъ бою убили четырехъ казаковъ, да около полусотни ранили.

Простоявъ Хабаровъ въ этомъ городкѣ полтора мѣсяца и двинулся дальше.

У устья Зеи, впадавшей въ Амуръ, онъ нашелъ еще даурскій городокъ и, взявъ его, сжегъ половину городка.

Во время пожара въ городѣ сгорѣли почти всѣ припасы, и поэтому зимовать въ немъ было невозможно.

И Хабаровъ двинулся дальше, то и дѣло сталкиваясь съ даурскими людьми.

Доплывъ до устья Шунгала (Сунгари), казаки поплыли дальше.

За даурскими людьми пошли ачаны, народъ хитрый и лукавый.

Добравшись до одного крупнаго селенія, гдѣ можно было надѣяться прокормиться зиму, Хабаровъ построилъ наскоро небольшой городокъ.

Хотѣли было ачаны выбить изъ него русскихъ, воспользовавшись тѣмъ, что половина ихъ уѣхала пограбить рыбы и припасовъ, да не повезло ачанамъ.

На голову разбили ихъ русскіе, а ихъ селеніе было ограблено и сожжено.

Городокъ же свой Хабаровъ прозвалъ Ачанскимъ городкомъ.

Не могли справиться ачаны съ русскими и стали просить помощи у шамшахана.

Осердился на русскихъ шамшаханъ и велѣлъ подвластному ему князю Исинею итти на русскихъ съ двумя тысячами конныхъ людей, шестью пушками и тридцатью многоствольными ружьями.

Наступила весна 1652-го года.

И вотъ однажды, русскіе, засѣвшіе въ Ачанскомъ городкѣ, были разбужены страшнымъ громомъ.

Это манчжурское войско подступило къ городку и манчжуры пушкари палили изъ пушекъ.

Страшный переполохъ поднялся среди русскихъ, и долгое время казаки не знали что дѣлать.

Наступило утро.

Самъ Хабаровъ вышелъ къ своимъ людямъ.

Помолившись Нерукотворенному Спасу, онъ торжественно заговорилъ:

— Умремъ мы, братцы, за вѣру православную и постоимъ за русскую землю! Порадѣмъ мы, казаки, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Россіи и помремъ мы, казаки, всѣ за одинъ человѣкъ противъ государева недруга, а живы мы, казаки, имъ въ руки богдойскихъ людей не дадимся.

Громкіе крики одобренія раздались въ отвѣтъ на эти слова.

Въ это время загрохотали богдойскія пушки.

Какъ ни плохо стрѣляли враги, но вскорѣ имъ удалось пробить въ стѣнѣ брешь.

Гибель русскихъ была очевидна.

Толпы манчжуръ хлынули къ пробитой бреши.

Но въ это время появился Хабаровъ.

— Пушку сюда! Пали въ проломъ!—раздалась его команда.

И русскіе стали пускать ядро за ядромъ въ брешь, въ которую врывались манчжуры.

Враги падали десятками.

Скоро среди нихъ поднялся переполохъ, и они отступили.

Находчивый Хабаровъ воспользовался удобнымъ моментомъ.

— За мной!—раздался его голосъ.

И сто пятьдесятъ казаковъ, одѣтыхъ въ кольчуги, выскочивъ изъ городка, ринулись сзади на враговъ, рубя ихъ направо и налево.

Двѣ желѣзныя пушки манчжуръ сразу попали въ руки казаковъ.

Переполохъ среди манчжуръ усиливался съ каждой минутой и, наконецъ, перешелъ въ панику.

Устилая землю трупами, непріятельское войско обратилось въ безпорядочное бѣгство.

Враги вообразили, что русскихъ — несмѣтная сила, и не захватили съ собой даже обозовъ, оставивъ все въ рукахъ побѣдителей.

Побѣда осталась за русскими.

Но скоро Хабарову донесли, что шамшаханъ снова собираетъ противъ него еще большую силу.

Оставаться дольше въ Ачанскомъ городкѣ было болѣе чѣмъ рисковано.

И Хабаровъ, забравъ все имущество, двинулся, спустя мѣсяцъ послѣ осады, со своимъ отрядомъ вверхъ по Амуру.

Много на Амурѣ рукавовъ и острововъ.

И не удивительно поэтому, что отрядъ Хабарова разошелся съ отрядомъ Нагибы, который шелъ на поиски его.

IX.

Тѣмъ временемъ Нагиба со своими казаками выплылъ въ Охотское море.

Хабарова не было нигдѣ, и надо было возвращаться назадъ.

Но какъ идти назадъ?

На обратномъ пути ихъ, конечно, теперь ждали еще болѣе многочисленные враги, которые, какъ предполагалъ Нагиба, могли соединиться теперь вмѣстѣ.

— Попробуемъ пробраться моремъ, — рѣшилъ однажды Нагиба.

Его товарищи были вполне согласны съ нимъ.

И тутъ же они начали строить судно для далекаго морского путешествія.

Но вотъ гребное судно было готово.

И неустрашимые казаки пустились по морю на веслахъ, везя съ собою свое имущество.

Много дней ѣхали казаки счастливо.

Было утро, когда однажды впереди казацкаго судна показались чудесныя ледяныя горы и ледяное поле.

Съ недоумѣніемъ глядѣли казаки на чудовищныя льдины.

— Ну, пропали!—нахмутивъ брови, проговорилъ Нагиба.—Гей, ребята, налегай на весла! Круто влѣво!

Судно повернуло и быстро полетѣло влѣво, стараясь уйти отъ надвигавшейся огромной ледяной горы.

Нагиба скомандовалъ во-время.

Едва-едва успѣли уйти казаки отъ вѣрной смерти.

Но новое горе ждало ихъ впереди.

Оглянулся Нагиба, и крикъ ярости вырвался изъ его груди, при видѣ другого ледяного поля, надвигавшагося на судно сзади.

Казацкое судно такимъ образомъ очутилось между двумя огромными льдинами.

Для самихъ казаковъ это еще не означало вѣрной смерти, но льдины грозили раздавить самое судно.

Уйти не было никакой возможности.

Съ тоской глядѣли казаки то на одну, то на другую льдину, которыя все сближались.

Вотъ пройдетъ еще нѣсколько минутъ, полчася и... все будетъ кончено.

Все ближе и ближе придвигалась задняя льдина къ судну, которое уже касалось бортомъ передней льдины.

Вотъ задняя льдина уже приблизилась на аршинъ.

Сердца казаковъ замерли.

Минута... и страшный трескъ раздался въ воздухѣ.

Словно картонную коробку раздавило льдомъ крѣпкое казацкое судно, превративъ его въ щепы.

Полуживые отъ страха, падая и спотыкаясь, выско-
чили казаки на ледъ.

Все имущество казаковъ уничтожилъ ледъ.

И казаки, стоя на льдинѣ, съ горестью смотрѣли, какъ
ледъ доламываетъ остатки ихъ судна.

Х.

Почти немислимо описать того, что было потомъ.

Лишенные припасовъ, пороха и свинца, казаки едва
добрались до берега, къ которому пригнало льдину, и по-
брели дальше.

Это было ужасное путешествіе.

Разъ какъ-то нашли они выброшенную на берегъ
мертвую нерпу, другой разъ моржа, а третій разъ дохлаго
лося.

Въ эти дни они наѣдались досыта мясомъ дохлыхъ
звѣрей и это мясо спасло имъ жизнь.

Всячески ободрялъ товарищей Нагиба, и его примѣръ,
дѣйствительно, хорошо дѣйствовалъ на казаковъ.

Пять дней шли бѣдные люди этой ужасной дорогой,
пока, наконецъ, не добрались до какой-то рѣчки, берега
которой были покрыты лѣсомъ.

Но тутъ Нагиба снова остановился.

Снова, по его приказанію, построили казаки судно и
опять пустились въ путь моремъ.

— До Ульи-рѣчки добраться бы,—говорилъ Нагиба.

На этотъ разъ погода благопріятствовала казакамъ, и
они, наконецъ, добрались до какой-то неизвѣстной имъ
рѣки.

Голодные, изорванные и обросшіе волосами, они мало
походили на людей, скорѣе напоминая лѣсныхъ людей.

Едва успѣлъ Нагиба со своими людьми высадиться

около устья рѣки, какъ казаки замѣтили невдалекѣ тунгусскій улусъ.

— Ёда! Тунгусы! Идемъ на нихъ!—раздались крики перемерзшихъ, голодныхъ казаковъ.

И казаки, съ саблями и незаряженными пищалями въ рукахъ, устремились къ тунгусскому улусу.

Увидавъ чужеземцевъ, тунгусы было вышли навстрѣчу казакамъ.

Но видъ у казаковъ былъ такой страшный и сами они такъ мало походили на людей, что тунгусы въ ужасѣ пустились бѣжать, бросивъ весь свой улусъ на произволъ судьбы.

Это только и нужно было казакамъ.

— Ну, и безъ боя взяли,—разсмѣялся Нагиба, входя съ казаками въ улусъ.

Въ улусѣ казаки нашли порядочное количество вяленой рыбы, сала и рыбаго жира.

Не вкусна была ёда, да все же лучше, чѣмъ ничего.

И нѣсколько дней послѣ этого казаки ѣли досыта.

Когда запасъ сталъ подходить къ концу, казаки отправились отыскивать другой улусъ и скоро нашли таковой.

Тутъ повторилась та же исторія.

Перепуганные видомъ казаковъ, тунгусы разбѣжались во всѣ стороны, и казаки безъ боя завладѣли ихъ запасами.

Такъ прошла осень.

Но вотъ, наконецъ, выпалъ снѣгъ, и казаки, надѣлавъ нартъ, двинулись дальше.

Длиненъ и труденъ былъ путь.

Но всему есть конецъ, и казаки достигли, наконецъ, Станового хребта.

Отдыхая и охотясь, нападая на туземцевъ, беря у нихъ припасы и ясакъ, казаки перевалили кое-какъ черезъ хребетъ и спустились къ истоку одной изъ рѣкъ.

Тутъ снова построены были ими лодки, и, когда ударила весна, Нагиба поплылъ съ товарищами внизъ по рѣкѣ.

И только выплывъ на рѣку Мену, казаки вздохнули свободно.

— Благодарю Тебя, Господи!—проговорилъ Нагиба, снимая шалку и истово крестясь.

Всѣ послѣдовали его примѣру.

И помолившись, Нагиба произнесъ:

— Ну, братцы, теперь мы ужъ почти дома! А ну-ка, налегайте на весла!

Весело налегли казаки на весла, и лодки еще быстрѣе понеслись по рѣкѣ.

Трудное, опасное путешествіе было окончено.

И Нагиба вернулся назадъ, такъ и не отыскавъ Хабарова.

XI.

Что же дѣлалъ тѣмъ временемъ Хабаровъ?

Подымаясь по Амуру и пройдя щеки, встрѣтилъ онъ Чичегина съ подмогой.

Не велика была эта подмога, всего горсть казаковъ, да одна пушка.

Между тѣмъ отъ туземцевъ онъ узналъ, что у устья Шунгала ихъ ждетъ шеститысячное войско Шамшахана.

Говорили, что Шамшаханъ собираетъ сорокъ тысячъ воиновъ, чтобы совершенно вытѣснить всѣхъ казаковъ изъ своей земли.

Осторожно приближалась казацкая флотилія къ устью Шунгала.

Вонъ и лагерь непріятельскій показался на берегу.

Призадумался Хабаровъ.

А что если враги начнутъ стрѣлять по судамъ изъ пушекъ?

Онъ остановилъ свою флотилію.

Между тѣмъ попутный вѣтеръ съ каждой минутой все усиливался.

— Поднимай паруса! Тащи якоря!—скомандовалъ Хабаровъ.—Держись середины.

И казачкія суда быстро понеслись мимо непріятелей, по самой срединѣ рѣки.

Суда неслись такъ быстро, что поздно замѣтившіе ихъ враги не успѣли даже подтащить во-время пушки къ берегу и открыть по казакамъ огонь.

И казачья флотилія, какъ ни въ чемъ не бывало, пронеслась мимо враговъ, избѣгнувъ страшной опасности.

Было 1-е августа 1652-го года, когда Хабаровъ, наконецъ, остановился на берегу Зеи, около ея устья.

XII.

Между тѣмъ къ Хабарову пріѣхалъ скоро на Зею московскій посланецъ, дворянинъ Зиновьевъ.

Много горя пришлось перенести старику Хабарову отъ Зиновьева, пришлось принять даже битье.

Заподозрилъ Зиновьевъ Хабарова въ утайкѣ государственной казны, и пришлось Хабарову ѣхать на судъ въ Москву.

Только зимою 1655-го года добрался Хабаровъ до Москвы.

Но послѣ суда Хабаровъ былъ оправданъ.

Государь даже пожаловалъ его «саномъ боярскимъ» и сдѣлалъ его «государевымъ приказчикомъ» надъ населеніямъ по Ленѣ.

Но на Амуръ Хабарову не суждено было больше вернуться.

И умеръ онъ, по одной версіи—въ Верхне-Илимскѣ, а по другой — въ Хабаровскѣ, на Ленѣ, недалеко отъ городка Киренскаго.

За Становымъ хребтомъ.

I.

Въ небольшой кибиткѣ изъ оленьихъ шкуръ было темно и пахло копотью.

Только когда кто-нибудь открывалъ оленью шкуру, служившую дверью, внутрь кибитки проникалъ дневной свѣтъ и освѣщалъ ее больше.

Обыкновенно же она освѣщалась лишь благодаря небольшому отверстию посреди конусообразной крыши, сдѣланному для выхода изъ кибитки дыма.

Два казака, стоя съ двухъ сторонъ кибитки, не спускали съ нея глазъ.

Это были часовые, которымъ было строго приказано крѣпко-на-крѣпко сторожить заложника (аманата) Ангара.

Ангаръ былъ однимъ изъ вліятельныхъ чукчей, и казакъ Семенъ Дежневъ взялъ его въ заложники для того, чтобы быть обезпеченнымъ въ томъ, что чукчи улуса Ангара исправно уплатятъ ясакъ (дань).

Посреди кибитки, на разостланномъ войлокѣ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ Ангаръ.

Это былъ пожилой чукча, съ некрасивымъ, плоскимъ, безусымъ и безбородымъ лицомъ и раскосыми, монгольскими глазами.

Онъ казался совершенно спокойнымъ, и на его безстрастномъ лицѣ нельзя было прочесть ровно ничего.

Но вотъ чукча вдругъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на дверь.

Извнѣ до него донеслись знакомые голоса и слышались приближающіеся шаги.

А еще спустя минуту, оленья шкура, прикрывавшая входъ, отворилась, и въ кибитку вошли два казака.

Это были Семень Дежневъ и Никита Семеновъ.

При первомъ же взглядѣ на этихъ людей можно было безошибочно сказать, что въ своей жизни они испытали не мало.

Загорѣлыя, обвѣтренныя лица, покрытыя мозолями руки и смѣлый, холодный взглядъ,—все это лишь подтверждало вышесказанное.

Оба казака были одѣты въ широкія, цвѣтного сукна, шаровары и суконные кафтаны, отороченные позументомъ, на ногахъ у нихъ были сафьяновые сапоги, а на головахъ высокія, барашковые шапки.

Оба они были высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія.

Слѣдомъ за ними въ кибитку вошелъ и толмачъ (переводчикъ).

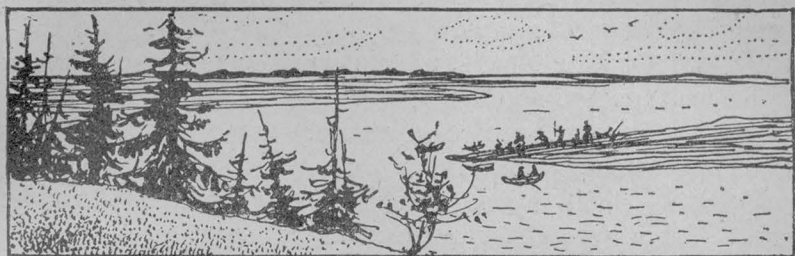
— Здравствуй, Ангаръ!—проговорилъ Дежневъ, войдя къ плѣннику.

Аманатъ нѣсколько разъ кивнулъ головой и улыбнулся.

— Хорошо ли тебя кормятъ? Доволенъ ли ты?—спросилъ Дежневъ черезъ переводчика.

— Хорошо, господинъ. Мнѣ даютъ много рыбы и жареной оленины,—отвѣтилъ чукча.

Дежневъ вынулъ изъ-за пазухи что-то въ родѣ рога съ загнутымъ концомъ, длиною въ полъ-аршина.

Эту вещь ему недавно принесъ одинъ изъ казаковъ, ходившій собирать ясакъ.

Но это былъ не рогъ, а вещь, выточенная изъ какой-то большой кости.

— Ты знаешь, что это такое? — спросилъ Дежневъ, показывая аманату костяную вещь.

— Это — рыбій зубъ, — хладнокровно отвѣтилъ заложникъ. — Когда великій духъ сотворилъ воду, огонь и землю, звѣрей, рыбъ и птицъ, онъ сотворилъ и такую большую рыбу, которая однимъ разомъ могла проглотить цѣлый улусъ (поселокъ кочевниковъ). И каждый зубъ у этой рыбы былъ такъ великъ, что поднять его могло не менѣе трехъ человекъ. Но эта рыба стала поѣдать столько чукчей, выѣзжавшихъ на рыбный ловъ въ море, что великій духъ, наконецъ, разсердился. Къ тому же эта рыба сильно расплодилась и людямъ совсѣмъ не стало житья отъ нихъ. Тогда великій духъ напустилъ на нихъ моръ, и всѣ онѣ перемерли. А кости отъ нихъ остались.

Дежневъ кивнулъ головой.

Этотъ рассказъ показался ему довольно правдоподобнымъ.

— Ну да, наши тоже говорятъ, что это рыбій зубъ, — проговорилъ онъ. — Этотъ кусокъ былъ наконецникомъ полоза на нартѣ.

— Да, да, мы часто дѣлаемъ концы полозьевъ изъ рыбьяго зуба, — отвѣтилъ Ангаръ.

— Вотъ изъ Москвы къ намъ въ Якутскъ грамоту прислали, а въ той грамотѣ наказано намъ, холопьямъ государевымъ, тотъ дорогой рыбій зубъ сыскивать и имъ ясакъ, какъ мѣхами, брать, — продолжалъ Дежневъ.

Дежневъ слегка помолчалъ и спросилъ:

— Говори: знаешь ли ты мѣсто, гдѣ много такого рыбьяго зуба?

Ангаръ задумался.

— Я тамъ не былъ,—заговорилъ онъ, наконецъ.— А только говорили мнѣ, что за каменнымъ поясомъ (за хребтомъ Становыхъ горъ) есть рѣка Анадырь. А течетъ та рѣка въ море, а тамъ, гдѣ она втекаетъ въ море, люди много рыбаго зуба находятъ.

— А есть ли на Анадырь-рѣкѣ звѣрь цѣнный и какой народъ живетъ?—спросилъ Дежневъ.

— Вверху народъ Анаульскій живетъ и звѣря тамъ много,—отвѣтилъ Ангаръ.

И онъ подробно сталъ рассказывать, что самъ слышалъ отъ другихъ людей про Анадырь-рѣку и про рыбій зубъ.

Дежневъ и Семеновъ внимательно слушали его.

Уже давно жаждали они отыскать мѣсто, гдѣ есть много рыбаго зуба.

Этотъ зубъ цѣнился очень дорого.

Одинъ казакъ, которому разъ посчастливилось отобрать у одного изъ дикарей такой зубъ вѣсомъ въ пять пудовъ тридцать два фунта, продалъ его за двѣсти двадцать шесть рублей.

А по тогдашнему времени, это были очень большія деньги.

И не удивительно поэтому, что Дежневъ, какъ и каждый искатель, страстно хотѣлъ найти мѣсто, гдѣ можно было бы найти много драгоценнаго зуба.

Что же за рыбій зубъ былъ на самомъ дѣлѣ?

Не только невѣжественные казаки, но и бояре, считали эти огромные клыки за зубы какой-то гигантской рыбы.

А между тѣмъ эти огромные клыки на самомъ дѣлѣ принадлежали вовсе не рыбѣ.

Это были клыки огромныхъ допотопныхъ животныхъ, мамонтовъ, изъ породы слоновъ, но только во много разъ большихъ слоновъ.

Уже давно не стало на землѣ этихъ страшныхъ животныхъ, и лишь кости ихъ уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Кости мамонта не имѣли особой цѣны, но зато клыки мамонтовъ и его зубы цѣнились, да и теперь цѣнятся очень высоко.

И вотъ за этими-то клыками давно уже надумывалъ идти на поиски Семенъ Дежневъ.

Пробывъ въ кибиткѣ у атамана нѣкоторое время и подробно выспросивъ у него все, что тотъ зналъ, Дежневъ и Семеновъ вышли изъ кибитки и направились домой.

II.

Наступило 20-ое іюня 1648-го года.

Уже нѣсколько дней передъ этимъ на берегу рѣки, около Якутска, кипѣла дѣятельная работа.

Стучали топоры, визжали пилы, дымились огромные чаны съ растопленной смолой.

Но вотъ, наконецъ, работы были кончены, и теперь на рѣкѣ плавно колыхалось шесть кочей.

Кочи представляли изъ себя довольно большія деревянные суда, съ крытыми палубами, на каждомъ изъ нихъ было по высокой мачтѣ для парусовъ.

Эти суда могли ходить какъ на веслахъ, такъ и подъ парусами, и на нихъ казаки плавали не только по рѣкамъ, но и выходили въ открытое море.

Итакъ, все было готово.

Запасы муки, соли, сухарей, свинцу, пороху и другихъ припасовъ были поровну распределены по кочамъ, и девяносто человекъ казаковъ, стоя на берегу, лишь ждали команды, чтобы разсѣсться по мѣстамъ и двинуться въ путь.

Наконецъ, показался и Дежневъ съ воеводой.

— Такъ смотри же, помни мой наказъ, — говорилъ на ходу воевода. — Коли земли новыя сыщешь и народы разные, ясакъ бери не жестокостью, а лаской. А коли нужна (нужда) будетъ, мнѣ отписывай.

— Понялъ, воевода, — отвѣтилъ Дежневъ, кивая головой.

Они подошли къ берегу.

— Ну, помолимся Господу Богу и Николаю Чудотворцу, да и въ дорогу, — проговорилъ Дежневъ.

Явился священникъ.

Набожно молились казаки, слушая слова службы.

Каждый изъ нихъ понималъ, что путь будетъ дологъ и опасенъ, что, можетъ быть, многимъ на этомъ пути придется сложить свои буйныя головы.

Но такова уже была жизнь тогдашнихъ сибирскихъ казаковъ.

Въ поискахъ наживы, казаки готовы были итти куда угодно, и немало лихихъ молодцовъ гибло въ дикихъ дебряхъ Сибири.

Кончилась служба.

— По кочамъ! На весла! Ставь паруса! — раздалась команда Дежнева.

Люди быстро усѣлись на мѣста, размѣстившись по пятнадцати человекъ на каждомъ кочѣ, вздулись большіе паруса, весла опустились въ воду, и кочи, вытянувшись одинъ за другимъ, быстро поплыли внизъ по теченію рѣки.

— Эхъ, что-то Богъ подастъ! — думалъ каждый изъ казаковъ.

Все дальше и дальше отплывали кочи отъ Якутска.

Вотъ городокъ сталъ уже чуть виднымъ, вотъ рѣка сдѣлала поворотъ, и, наконецъ, все скрылось изъ виду.

Прощай, родной городъ, прощай, тихая, мирная жизнь.

III.

Все дальше и дальше подвигались кочи Дежнева на сѣверъ, скользя внизъ по теченію рѣки.

Все это время казаки чувствовали себя прекрасно, провизіи было достаточно, а во время стоянокъ казаки довольно удачно охотились, благодаря чему у нихъ не было недостатка въ мясѣ.

Били оленей, дикихъ козъ, лосей, два раза убили по медвѣдю, словомъ, удача сопровождала храбрыхъ казаковъ.

Да и мѣстность сначала была веселая.

Вдоль береговъ тянулись лѣса, изобиловавшіе дичью, казаки на стоянкахъ охотились, погода стояла хорошая, словомъ—все шло хорошо.

Но чѣмъ больше подвигались кочи на сѣверъ, тѣмъ больше мѣнялась и самая природа.

Сначала лѣса становились все рѣже и рѣже, звѣря и дикихъ птицъ стало попадаться все меньше и меньше.

Потомъ лѣсъ смѣнился жалкимъ кустарникомъ и, наконецъ, исчезъ совершенно.

Пошла сплошная тундра.

Куда ни падалъ взоръ, тянулось ровное пространство, болотистое и топкое, покрытое мхами и лишаями, по которому можно было ходить только зимой, когда топкая почва крѣпко промерзала.

Иногда на десять—пятнадцать верстъ не встрѣчалось ни одного кустика ни одного деревца, звѣри почти исчезли.

Правда, иногда они попадались, но на открытой мѣстности ихъ можно было видѣть только издалека, и они уходили прочь, лишь только появлялись люди.

Приходилось довольствоваться рыбной ловлей.

Казаки по утрамъ закидывали сѣти и, такъ какъ въ

рѣкъ было довольно много рыбы, то кое-какъ и пробавлялись ею.

Хорошо было еще то, что у Дежнева былъ большой запасъ муки, хлѣба и сухарей, благодаря которому казаки не чувствовали голода.

Съ каждымъ днемъ мѣстность становилась все пустыннѣе.

Сначала казакамъ еще попадались улусы кочевниковъ, но затѣмъ и они исчезли.

Сплошная тундра, голая и невзрачная, потянулась теперь справа и слѣва вдоль береговъ.

Прошло немало времени, прежде чѣмъ Дежневъ со своимъ отрядомъ добрался, наконецъ, до моря.

Сѣверный Ледовитый океанъ разстилался теперь передъ ними.

Суровой строгостью вѣяло отъ него.

Но теперь было лѣто, и онъ былъ не такъ страшенъ, какъ осенью и весной, когда по немъ плавали огромныя ледяныя горы и цѣлыя ледяныя поля.

Дежневъ выбралъ небольшую, закрытую высокими берегами, бухту въ самомъ устьѣ рѣки и остановился въ ней, чтобы хорошенько передохнуть и сдѣлать кое-какую починку.

Уныло и тоскливо было тутъ.

Тутъ не было даже топлива, и за нимъ приходилось ѣздить вверхъ по теченію.

Поэтому долго оставаться тутъ не было никакой возможности.

И Дежневъ, пробывъ въ устьѣ нѣсколько дней, двинулся дальше, выйдя въ открытое море.

IV.

— Быть бѣдѣ! Напрасно такъ далеко отъ берега ушли, — проговорилъ Дежневъ, вглядываясь въ небо, которое сплошь было покрыто густыми, черными облаками, не предвѣщавшими ничего хорошаго.

Вотъ уже два мѣсяца прошло съ той поры, какъ флотилія Дежнева шла вдоль береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Уже недалеко оставалось и до длинной косы, называемой Каменнымъ Носомъ, которая глубоко врѣзалась въ океанъ.

Справа чуть виднѣлись скалистые, высокіе берега, пустынные и мрачные, лишенные почти всякой растительности, покрытые жалкимъ мхомъ и лишаями.

Изрѣдка на берегу можно было увидѣть кочевья дикарей, перекочевавшихъ сюда до зимы, ради рыбной ловли и охоты на моржей.

— Быть бѣдѣ! — снова повторилъ Дежневъ. — Ишь, какъ вѣтеръ мѣняться и крѣпнуть сталъ!

Погода за послѣдній день, дѣйствительно, сильно измѣнилась.

Раньше кочи шли при легкомъ попутномъ вѣтрѣ.

Но съ ночи попутный вѣтеръ вдругъ исчезъ и подулъ сильный вѣтеръ со стороны материка, а небо укуталось темными, мрачными тучами, изъ которыхъ сначала шелъ мелкій, нудный дождь.

Казаки тревожно посматривали на небо.

Лучше всего было бы зайти въ какую-нибудь укромную бухточку и тамъ переждать, но на горе казаковъ нигдѣ не было видно ни одной подходящей бухточки.

Вездѣ берегъ ниспадалъ къ океану высокими крутыми

скалами, среди которыхъ не было видно ни одного укромнаго уголка.

А вѣтеръ между тѣмъ крѣпчалъ съ каждой минутой.

Изъ темно-синяго океанъ превратился въ сѣро-стальной, и его поверхность теперь была покрыта пѣнистыми волнами, на вершинахъ которыхъ пѣнились бѣлые гребни.

Сильный вѣтеръ срывалъ эти гребни, превращая ихъ въ водяную пыль, и гналъ эту пыль, надъ разбушевавшимися волнами.

Накренившись на бокъ, кочи подъ парусами шли полнымъ ходомъ.

— Эхъ, хотъ бы подходящую бухточку найти! — вздыхалъ Дежневъ, зорко вглядываясь въ далекій берегъ.

— Не сегодня—завтра до Большого Каменнаго Носа доберемся, тамъ и передохнуть можно будетъ, — отвѣтилъ одинъ изъ казаковъ.

— Доберемся! — проворчалъ Дежневъ. — Надо еще добратся.

Да, объ этомъ надо было серьезно подумать.

Все сильнѣе и сильнѣе становились порывы вѣтра, все дальше и дальше относило отъ берега суда, которыя почти перестали слушаться руля.

— Спустить паруса! — скомандовалъ Дежневъ.

Мигомъ были спущены паруса, и казаки взялись за весла, стараясь подвести кочи поближе къ берегу.

Вѣтеръ рвалъ и металъ, словно горы вздымались тяжеловѣсныя волны и съ шумомъ рушились внизъ, разсыпаясь мелкими брызгами.

Словно гигантская грудь въ предсмертной агоніи, колыбалась поверхность океана.

Словно щепки подбрасывало кочи вверхъ и бросало внизъ.

Того и гляди, готовы были кочи опрокинуться, того и

гляди, волны были готовы захлестнуть ихъ, и навсегда похоронить въ бездонной глубинѣ.

Вѣтеръ вылъ и стоналъ въ туго натянутыхъ снастяхъ, водяная пыль была настолько густа, что походила на туманъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать.

Вонъ впереди справа показалось неясное очертаніе чего-то громоздкаго, большого.

Это крайнія скалы Каменнаго Носа, о которыя съ шумомъ ударялись бѣшенныя волны, силившіяся уничтожить ненавистную твердыню.

— Лѣвѣй, лѣвѣй!—загремѣлъ голосъ Дежнева.

Атаманскій кочъ круто повернулъ и обогнулъ высокую скалу, чуть не разбившись о нее.

Но куда же дѣвались три коча?

Тщетно отыскивалъ глазами ихъ Дежневъ.

Три коча изъ шести совершенно исчезли и нигдѣ на поверхности океана не было видно ихъ.

Изо всѣхъ силъ налегали на весла казаки.

Штормъ, угнавшій въ невѣдомую даль три коча, грозилъ ежеминутно уничтожить и остальные три судна.

И борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Горсть храбрыхъ людей боролась съ грознымъ, расходившимся холоднымъ океаномъ, отстаивая свою жизнь.

— Смѣлѣе! Не бойся! Налегай посильнѣе!—то и дѣло покрикивалъ Дежневъ, стараясь ободрить начинавшихъ терять мужество людей.

Эти окрики придавали казакамъ силу.

— Еще, еще! Разомъ—разъ!

Черная высокая скала показалась впереди, чуть правѣе коча Дежнева, справа отъ котораго шелъ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ кочей.

— Пропалъ кочъ, пропалъ!—невольно пронеслась мысль въ головѣ Дежнева.

Еще минута... другая... третья...

Кочь Дежнева благополучно миновалъ крайнюю скалу Большого Каменнаго Носа, когда справа вдругъ раздался страшный трескъ.

Невольно всѣ казаки повернули въ ту сторону головы, и губы ихъ зашептали молитвы.

Страшное зрѣлище представилось ихъ глазамъ.

Шедшій справа отъ нихъ кочь не успѣлъ обогнуть скалу и, съ размаха налетѣвъ на нее, весь превратился въ щепы.

Ревъ бури покрылъ крики отчаянія, и скоро все, и кочь и бывшіе на немъ люди, скрылись въ разсвирѣпѣвшихъ волнахъ.

— Гребите тише! — скомандовалъ Дежневъ.

Команда была исполнена, и кочь почти не трогался теперь съ мѣста, едва держась и танцуя на волнахъ.

— Гляди на воду!

Вонъ что-то близко метнулось въ водѣ, изъ-подъ пѣны елокочущей воды показалась голова и рука боровшагося со смертью человѣка, вонъ показался въ волнахъ и другой, и третій, и четвертый человѣкъ.

Въ воздухѣ свиснули веревки съ деревянными поплавами, съ борта къ водѣ протянулись руки.

Правда, далеко не всѣхъ удалось спасти Дежневу, но все же девять человѣкъ погибавшихъ казаковъ съ огромнымъ трудомъ было извлечено изъ воды.

Теперь въ кочѣ Дежнева сидѣло, считая вмѣстѣ съ нимъ самимъ, двадцать пять человѣкъ.

Но не велика была радость.

Волны ежеминутно грозили опрокинуть злополучный кочь и затопить находившихся въ немъ людей, уже совершенно почти потерявшихъ всякую надежду на спасеніе.

Изрѣдка Дежневъ бросалъ взгляды налѣво, гдѣ боролся съ волнами еще одинъ кочь.

Сначала онъ былъ виденъ хорошо, потомъ показался какъ бы въ туманѣ и, наконецъ, внезапно исчезъ совершенно.

Что стало съ нимъ—никто не смогъ бы сказать.

Отбило ли его въ сторону или онъ погибъ подъ волнами?

Вѣрнѣе всего, что онъ, какъ и остальные кочи, погибъ, потому что ни Дежневъ никто изъ его казаковъ никогда впослѣдствіи ничего не слыхали о нихъ и никогда не встрѣчали товарищей, находившихся въ нихъ.

— Господи, пріими ихъ души!—прошепталъ Дежневъ, замѣтивъ исчезновеніе пятого коча.

Но раздумывать о судьбѣ товарищей было не время.

Малѣйшее невѣрное движеніе руля, и злая участь постигла бы и послѣдній кочъ.

И земля и скалы давно уже исчезли изъ вида.

Кругомъ оставшихся въ живыхъ ревѣло, бѣсновалось и судорожно металось пѣнистое море, которое, казалось, не знало удержа.

Куда несло вѣтромъ несчастный кочъ?

На это никто изъ казаковъ не смогъ бы дать отвѣта.

Ни одинъ казакъ не смогъ бы даже сказать, въ какую сторону несетъ ихъ вѣтромъ, такъ какъ казаки не имѣли даже понятія о компасѣ, а солнца и звѣздъ не было видно.

Наступилъ вечеръ, а затѣмъ и темная ночь, на океанѣ стало еще болѣе жутко, а буря все еще не успокаивалась.

Бѣдные казаки почти совершенно выбились изъ силъ, гребя изо всѣхъ силъ въ двѣ очереди.

Усталость была такъ велика, что тѣ, которые смѣнялись съ гребли, бросались на дно коча и засыпали какъ убитые, забывая про близость смерти.

Но вотъ, съ наступленіемъ разсвѣта, буря стала замѣтно стихать.

Все мягче и мягче становились порывы вѣтра, все

меньше становились громоздкія волны, на поверхности океана стало меньше пѣнистыхъ гребней.

Надежда снова воскресла въ сердцахъ казаковъ.

Прошло часа два, и наступило свѣтлое утро.

Вѣтеръ почти окончательно стихъ, облако прорвалось, и на грудь могучаго, только что начинавшаго успокаиваться океана, брызнулъ солнечный свѣтъ.

Крикъ радости вырвался изъ устъ настрадавшихся казаковъ.

Далеко справа синеватой полоской тянулся берегъ.

Что это былъ за берегъ и куда занесло бурей казаковъ, этого никто изъ нихъ не зналъ, но все же это была твердая земля, на которой можно было отдохнуть, на которой можно было найти людей и ѣду, а также и прѣсную воду.

По командѣ Дежнева, кочъ описалъ полукругъ, на мачтѣ снова распустились паруса, и судно подъ боковымъ вѣтромъ пошло по направленію къ берегу.

Скоро берегъ сталъ виденъ совсѣмъ ясно.

Это былъ скалистый, высокій берегъ, лишенный не только деревьевъ, но даже и кустовъ.

Но все же онъ былъ безопаснѣе океана.

Вотъ виднѣется небольшая долина.

По ней стремительно бѣжить къ океану небольшая рѣчка.

Какое счастье, вѣдь въ этой рѣчкѣ—прѣсная вода, которая уже болѣе полусутокъ окончательно вышла у казаковъ.

Скудная травка видна по берегамъ рѣчки.

А вонъ видна и небольшая бухточка.

Кочъ, сильно накренивъ, подошелъ къ берегу и, сдѣлавъ крутой поворотъ, вошелъ въ бухточку.

Облегченно вздохнули измученные казаки.

Улыбаясь, начали они поздравлять другъ друга съ спасеніемъ, но радость ихъ мгновенно пропала, когда они вспомнили о погибшихъ товарищахъ.

Довольно сильный вначалѣ отрядъ теперь превратился въ маленькую горсть людей.

Лишь двадцать пять человѣкъ уцѣлѣло изъ девяноста.

V.

Прошло почти десять недѣль.

Время было уже за полдень, когда на берегу океана, изъ-за небольшого пригорка, вышла партія людей.

Это были Дежневъ и его двадцать четыре уцѣлѣвшихъ спутника.

Вотъ уже почти десять недѣль, какъ они шли вдоль берега океана, направляясь на западъ.

Видъ у всѣхъ былъ ужасный.

Одежда у всѣхъ была изодрана и кое-какъ заплата, лица были блѣдны и изможденны, и всѣ они едва передвигали ноги отъ усталости, волоча за собою нарты съ остатками боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ и оружіемъ.

Всѣ они шли наугадъ, надѣясь какъ-нибудь добраться до какой-нибудь знакомой рѣки, чтобы по ней вернуться домой.

Понуро и хмуро, почти не разговаривая другъ съ другомъ, шли казаки, таща за собою поклажу.

Уже наступила холодная, полярная зима, и бѣлый пушистый снѣгъ уже покрылъ бѣлымъ саваномъ непривѣтливую землю.

Холодный, сѣверный вѣтеръ пронизывалъ до костей и ледянилъ кровь.

Всѣ люди были на лыжахъ.

Но вотъ, наконецъ, Дежневъ, шедшій впереди всѣхъ,

остановился, спустившись въ небольшую лощину, защищенную бугромъ съ сѣверной стороны.

— Ну, пора и отдохнуть, — проговорилъ онъ. — Разведите-ка, ребята, костеръ.

Нарты были выстроены въ рядъ, и съ одной изъ нихъ казаки сняли нѣсколько сухихъ дровинъ.

Казаки каждый разъ во время похода запасались сухими дровами, когда имъ на пути попадались жалкіе лѣски.

Несмотря на тяжесть дровъ, ихъ все-таки тащили за собой, чтобы была возможность въ крайнемъ случаѣ погрѣться или сварить пищу.

Не прошло и четверти часа, какъ небольшое пространство на землѣ было очищено отъ снѣга, и на этомъ мѣстѣ весело затрещалъ огонь.

Усѣвшись вокругъ огня, казаки жадно наслаждались тепломъ, протягивая къ огню окоченѣвшія руки и подставляя къ пламени лица.

Надъ огнемъ появился котелъ съ водою, въ которую была брошена горсть китайскаго чая.

— Что же, вѣдь эдакъ мы не скоро дойдемъ. Уже и припасы на исходѣ, — проговорилъ одинъ изъ казаковъ, нарушая молчаніе.

— Теперь должно немного оставаться, — отвѣтилъ, подымая голову, Дежневъ.

— Не далеко! — презрительно фыркнулъ казакъ Фомка. — Ужъ сколько разъ ты это говорилъ, а что толку, Вишь, какой край нашли! Живой души нѣтъ, даже звѣря не видно. Лучше ужъ въ морѣ тогда погибли бы, чѣмъ такую нужду терпѣть.

— Богъ дастъ, перетерпимъ, — со вздохомъ произнесъ Дежневъ.

Но по тону его голоса было видно, что онъ и самъ

мало надѣется на благополучный исходъ этого ужаснаго путешествія.

Онъ и самъ напрягалъ всѣ силы къ тому, чтобы возможно больше подбадривать товарищей и не допускать, чтобы они упали духомъ.

Вода въ котлѣ вскипѣла.

Вынувъ оловянные кружки, казаки съ жадностью напали на чай, которымъ было такъ пріятно согрѣть замерзшее тѣло.

Вмѣсто котла теперь надъ костромъ появился большой кусокъ моржеваго мяса.

Дня три тому назадъ казакамъ посчастливилось убить выльзшаго изъ трещины на льдину моржа.

Правда, мясо его было очень невкусно и пахло рыбой, но голодъ дѣлалъ людей неразборчивыми, и люди готовы были ѣсть что угодно, лишь бы это была ѣда.

На другую добычу, кромѣ моржей, тюленей и нерпъ, въ этихъ мѣстахъ рассчитывать было нельзя.

Отъ самаго берега океана, въ невѣдомую даль, на югъ, тянулась пустынная, мертвая тундра, которую въ эти времена не посѣщали даже звѣри и птицы.

Но вотъ покончили съ чаемъ, покончили съ мясомъ моржа, погрызли по два-три сухаря.

И снова, уложивъ на нарты остатки, Дежневъ съ казаками пустились въ дальнѣйшій путь.

VI.

— Рѣка, рѣка!

Эти возгласы раздались изъ устъ казаковъ, когда, поднявшись однажды на плоскую возвышенность, они увидали у ногъ своихъ довольно широкую долину.

Посрединѣ долины дѣйствительно видна была скованная льдомъ и покрытая снѣгомъ широкая рѣка.

— Не иначе какъ рѣка Пагычъ, — рѣшилъ Дежневъ.

Еще до отхода въ путь Дежневу говорили о какой-то рѣкѣ Пагычи, и онъ былъ теперь вполнѣ увѣренъ въ томъ, что нашелъ именно эту рѣку.

На самомъ же дѣлѣ онъ пришелъ къ устью рѣки Анадырь, къ которой и стремился.

Видъ рѣки подбодрилъ всѣхъ.

Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что, подымаясь вверхъ по теченію, казаки встрѣтятъ людей, а, слѣдовательно, найдутъ и пищу.

— Ну, тутъ мы сначала хорошенько отдохнемъ, а потомъ и въ путь двинемся, — рѣшилъ Дежневъ.

Казаки подыскали подходящее мѣсто и раскинули кибитки.

Неуютно было здѣсь.

Куда ни погляди, всюду тянулась лишь безконечная, унылая тундра, нигдѣ не было видно лѣсовъ и деревьевъ, и лишь кое-гдѣ попадался на пригоркахъ жидкій кустарникъ.

Его-то и приходилось собирать по прутіку для топлива.

Дежневъ рѣшилъ переждать здѣсь зиму.

Онъ надѣялся на то, что здѣсь можно будетъ половить рыбу или поохотиться на моржей.

Но скоро онъ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что надеждамъ этимъ не суждено сбыться.

Ледъ былъ слишкомъ толстъ, проруби быстро замерзали, а рыба не шла на приманки.

И казаки стали все болѣе и болѣе ощущать голодъ.

Между казаками поднялся ропотъ, они все время совѣщались между собою, мало вниманія обращая на своего начальника.

И вотъ однажды двѣнадцать человѣкъ, подойдя къ Дежневу, объявили ему, что не желаютъ болѣе сидѣть на мѣстѣ и отправляются вверхъ по теченію рѣки.

Дежневъ только плечами пожалъ, выслушавъ ихъ.

— Не могу я держать васъ,—проговорилъ онъ.—Только глядите: не попасть бы вамъ въ неминуемую бѣду. Рѣка невѣдомая, да и васъ мало. А много припасовъ дать вамъ не могу, потому что и у самого мало.

Казаки только разсмѣялись, услышавъ эти слова.

— Сами добудемъ. А вотъ вы тутъ съ голоду пропадете,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

И въ тотъ же день двѣнадцать казаковъ и промышленныхъ людей, взявъ съ собой небольшой запасъ провизіи, ушли изъ общаго лагеря, направившись вверхъ по теченію неизвѣстной рѣки.

VII.

Прошло двадцать дней.

Двадцать ужасныхъ, томительныхъ дней, въ продолженіе которыхъ двѣнадцать отдѣлившихся отъ товарищей людей тщетно искали въ невѣдомой странѣ людей или хотя бы отдѣльное кочевье.

Сколько ни шли они вверхъ по теченію рѣки, сколько ни вглядывались въ берега—нигдѣ не видно было ни малѣйшихъ слѣдовъ жилья.

Унылая тундра, лишенная даже лѣса, тянулась по-прежнему по обѣ стороны рѣки, и казалось, ей не будетъ конца.

Да что говорить!

Въ этой пустынной мѣстности не было видно не только слѣдовъ человѣческаго жилья, но не было видно даже звѣриныхъ слѣдовъ.

Это была настоящая пустыня, въ которой людямъ не сегодня-завтра грозила ужасная, голодная смерть.

Все пасмурнѣе и пасмурнѣе дѣлались съ каждымъ днемъ лица казаковъ.

Жуть и страхъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе овладѣвали казаками.

— Эхъ, братцы, не дѣло задумали мы, что ушли отъ товарищей,—сказаль однажды промышленный человѣкъ, по имени Фомка Пермьакъ.—Не надо намъ было кидать товарищей.

— Извѣстно, не надо,—поддержаль его товарищъ, Сидорка.—Всѣ погибнемъ мы тутъ.

— И не лучше ли намъ вернуться обратно?—продолжалъ Фомка.

Никто не возражалъ, всѣ теперь ясно сознавали, что сдѣлали большую ошибку.

И вотъ, истомленные и полуголодные, эти люди двинулись въ обратный путь.

Недостатокъ соли и питанія вызваль среди путниковъ страшную болѣзнь—цынгу.

Отъ этой болѣзни у людей распухали десны и изъ нихъ сочились кровь, тѣло покрывалось язвами, а всѣ кости ломило такъ сильно, что больные съ большимъ трудомъ передвигали ноги.

Они съ трудомъ двигались на лыжахъ, несмотря на то, что теперь дорога шла подъ гору.

Да, прошло цѣлыхъ двадцать дней съ той поры, какъ эти люди покинули своихъ товарищей.

Только трехдневный путь отдѣлялъ ихъ теперь отъ товарищей, но люди были такъ измучены и голодны, что о дальнѣйшемъ пути нечего было и думать.

Партія остановилась.

Напрасно уговариваль товарищей Фомка.

— До нашихъ теперь недалеко,—убѣждалъ онъ.— Съ послѣдними силами соберитесь, да пойдѣмте, не то будетъ вамъ худо. Пропадете вы въ этой пустынѣ отъ голода, либо замерзнете.

Но никто, кромѣ Сидорки, не хотѣлъ слушать его, потому что никто не въ состояніи былъ двигаться отъ голода дальше.

Какая-то странная апатія вдругъ напала на измученныхъ казаковъ.

— Иди, коли сможешь, — сказалъ Фомкѣ одинъ изъ казаковъ. — Коли сможешь добраться до стана, то попроси прислать намъ ѣды какой-нибудь, одежки теплой старой, да одѣяль. А мы тутъ ямы въ снѣгу выроемъ, можетъ, и продержимся.

Какъ ни уговаривалъ товарищей Фомка, ничего не вышло.

Слишкомъ слабы и изнурены были они голодомъ, усталостью и болѣзнью.

Фомка, наконецъ, махнулъ рукой, рѣшивъ итти вдвоемъ съ Сидоркой.

Ихъ крѣпкія натуры еще позволяли имъ продолжать борьбу.

И они, не мѣшкая долго, пустились въ дальнѣйшій путь.

Стоитъ ли говорить о томъ, въ какомъ видѣ явились они, наконецъ, на третьи сутки въ станъ.

Двое сутокъ они не ѣли буквально ничего, глотая лишь куски снѣга, пока, наконецъ, совершенно обезсиленные добрались до стана.

Только головами покачивали товарищи, глядя на нихъ.

Первымъ дѣломъ ихъ напоили горячимъ чаемъ и немного накормили, потомъ стали спрашивать.

Дежневъ тотчасъ же приказалъ нагрузить одну нарту провизіей и теплой одеждой, отдавъ даже послѣднее свое одѣяло.

И на слѣдующее утро Сидорка съ четырьмя казаками двинулись выручать товарищей, таща поочередно нарты.

Люди двигались быстро, зная, что каждый часъ промедленія можетъ стоить ихъ товарищамъ жизни.

Въ Сибири люди не жалѣли силы, когда приходилось выручать товарищей.

Каждый изъ нихъ могъ ежедневно попасть самъ въ бѣду.

Отдохнувшіе казаки подвигались на лыжахъ довольно быстро, волоча за собой нарты.

Въ началѣ третьяго дня, Сидорка еще издали указаль на выступъ на берегу рѣки, за которымъ должны были находиться товарищи.

Но, что это?

Сидорка зашелъ за выступъ и смущенный остановился.

Нигдѣ не было видно ни людей ни слѣдовъ ихъ мѣстопробыванія.

Бросивъ нарты, казаки рассыпались въ разныя стороны, надѣясь напасть хотя бы на слѣдъ товарищей.

Но, спустя нѣкоторое время, они вернулись назадъ, не найдя ни товарищей ни слѣдовъ отъ нихъ.

Лишь снѣжный покровъ, сравненный вѣтромъ, разстилался всюду передъ ними.

Вѣроятно, снѣгъ засыпаль измученныхъ и голодныхъ людей, которымъ не по силамъ было бороться со смертью.

Жутко и тихо было кругомъ, снѣжная пелена молча хранила тайну, погребенную подъ нею.

Сидорка нѣсколько разъ перекрестился.

— Пропали, — хрипло произнесъ онъ. — Вотъ она, наша жизнь! И вѣдь говорилъ я имъ, такъ нѣтъ же!

Остальные казаки тоже сняли шапки и крестились.

Ихъ всѣхъ могла ожидать точно такая же участь, никто изъ нихъ навѣрняка не зналъ, останется ли онъ въ живыхъ или тоже погибнетъ, какъ погибли подъ снѣгомъ десять человекъ.

Убѣдившись въ бесплодности поисковъ, Сидорка съ товарищами снова подхватили нарту и тронулись въ обратный путь.

Большой отрядъ, состоявшій когда-то изъ девяноста человѣкъ, теперь превратился въ маленькую горсть, всего въ пятнадцать человѣкъ.

VIII.

Наконецъ, наступила и весна.

Мало-по-малу стаялъ снѣгъ, вскрылись рѣки и журча понеслись къ холодному океану, по которому теперь плавали огромныя ледяныя поля и ледяныя горы.

Дежневъ, у котораго провизія почти совершенно вышла, сталъ мало-по-малу готовиться въ путь, собираясь итти пѣшкомъ по берегу до перваго попавшагося лѣса, гдѣ можно было построить для дальнѣйшаго пути лодки.

Почти все было уже готово, когда однажды въ станъ прибѣжалъ Сидорка, ходившій верстъ на пять по берегу океана для развѣдки.

Увидавъ его издали, Дежневъ сразу понялъ, что Сидорка несетъ какое-нибудь важное извѣстie.

— Что случилось? Откуда?—быстро спросилъ онъ подбѣжавшаго къ нему Сидорку.

— Моржи... тамъ, на отмели! Тысячи лежатъ!—заговорилъ, задыхаясь, Сидорка.—Да тутъ моржеваго зуба сколько хочешь набрать можно.

Это извѣстie сразу подняло на ноги всѣхъ казаковъ.

— Бери пицали и топоры! За мной!—раздался громкій голосъ Дежнева.

Не прошло и десяти минутъ, какъ всѣ казаки, вооружившись топорами и пицалами, вышли изъ стана, слѣдуя за Сидоркой.

Пройдя берегомъ океана верстъ пять, казаки вдругъ остановились.

Великолѣпное зрѣлище открылось теперь передъ ними. На длинной широкой песчанной береговой отмели лежало, грѣясь на солнцѣ, нѣсколько тысячъ моржей.

Животныя сплошь покрывали отмель.

Казаки сразу просіяли.

Теперь они свободно могли сдѣлать не только запасъ моржеваго мяса и жира, но и набрать много драгоцѣнныхъ моржевыхъ клыковъ.

Разсыпавшись цѣпью, охотники, съ топорами въ рукахъ, кинулись къ мѣсту моржевой лежки.

Ловкіе въ водѣ, моржи были неповоротливы и почти беззащитны на сухой землѣ.

Замѣтивъ ихъ, моржи кинулись къ водѣ, толкая другъ друга и сбиваясь въ кучи.

Началось безпощадное избіеніе.

Десятками падали моржи подъ ударами топоровъ, которыми казаки били ихъ по головамъ.

Когда, наконецъ, охота кончилась, то оказалось, что охотники перебили около трехсотъ моржей.

Прежде всего, конечно, были вырѣзаны лучшіе куски мяса и, когда оно поджарилось на сухихъ вѣтвяхъ кустарника, казаки досыта наѣлись этимъ невкуснымъ мясомъ.

Затѣмъ стали отбирать моржевые клыки.

Около семи пудовъ моржевыхъ клыковъ собрали охотники.

Забравъ эти клыки и захвативъ съ собою пуда три моржеваго мяса и жира, они двинулись къ стану, какъ вдругъ громкій крикъ Фомки заставилъ всѣхъ остановиться.

— Рыбій зубъ, рыбій зубъ!—кричалъ онъ.

Всѣ бросились къ нему на возвышенный берегъ и

скоро увидѣли, что Фомка стоитъ около двухъ огромныхъ клыковъ, каждый изъ которыхъ вѣсилъ пудовъ по шести.

Это была драгоцѣнная находка.

— Ужъ не на Аладырѣ ли рѣку мы попали? — невольно подумалъ Дежневъ.

Найденные клыки потащили волокомъ.

Какъ ни хотѣлъ Дежневъ скорѣе уйти изъ этихъ пустынныхъ мѣстъ, но жажда наживы взяла верхъ, и онъ рѣшилъ заняться еще нѣкоторое время поисками драгоцѣннаго рыбаго зуба.

Спрятавъ принесенные моржевые клыки и клыки мамонта на высокомъ берегу около стана и прикрывъ ихъ землей, Дежневъ и его люди принялись за новые поиски.

Въ промежуткахъ они ловили рыбу, въ которой тутъ весной недостатка не было.

Больше всего ловилась рыба кета, которая для метанія икры входила огромными стаями съ моря въ рѣку.

Соль казаки выпаривали изъ морской воды, и хотя хлѣбъ окончательно уже вышелъ у казаковъ, однако они были сыты.

Повезло Дежневу и съ «рыбимъ зубомъ».

За двѣ недѣли поисковъ охотникамъ удалось найти еще три клыка мамонтовъ, и запасъ моржевыхъ клыковъ достигъ до восемнадцати пудовъ.

Конечно, о томъ, чтобы тащить этотъ запасъ за собою, нечего было и думать.

И Дежневъ, припряталъ хорошенько добычу и рѣшивъ вернуться за ней, направился со своимъ отрядомъ по берегу, вверхъ по теченію рѣки.

Оставивъ у устья Аладыря и все наиболѣе громоздкое, каждый понесъ на спинѣ лишь по пуду груза, состоявшаго изъ самыхъ необходимыхъ предметовъ и припасовъ.

IX.

Долго шли охотники по берегу рѣки.

Но вотъ, наконецъ, мѣстность вокругъ нихъ стала по-немногу мѣняться.

Сначала стали попадаться кусты, потомъ жидкіе лѣсочки и, наконецъ, стали попадаться и большіе лѣса.

Тутъ можно было стрѣлять и ловить въ силки куро-патокъ, тетеревовъ и рябчиковъ, стали попадаться олени и другіе звѣри.

Большою радостью было для казаковъ, когда имъ однажды удалось убить дикаго оленя.

Давно уже не ѣли они хорошаго мяса и теперь съ жадностью набросились на него.

Но еще большей радостью было для нихъ, когда они увидѣли на берегу улусъ, состоявшій изъ пяти кибитокъ дикарей-анауловъ.

Съ луками и щитами въ рукахъ, высыпали навстрѣчу казакамъ анаульскіе люди.

— Эхъ, хоть до людей добрались,—радостно проговорилъ Дежневъ.

Десятка четыре стрѣлъ полетѣло въ казаковъ, и между ними и анаулами завязался отчаянный бой.

Дружно бились казаки.

Правда, анаулы ранили одного казака въ переносицу, другого въ лобъ, а нѣсколькихъ человѣкъ поранили кольями въ рукопашномъ бою, послѣ того какъ побросали свои луки, но казаки дали неожиданно залпъ и этимъ выиграли сраженіе.

Взявъ съ анаулей небольшой ясакъ мѣхами и отобравъ у побѣжденныхъ сушеной рыбы и немного муки, Дежневъ со своими молодцами двинулся дальше.

Наконецъ, русскіе добрались до хорошаго, строевого лѣса и, выстроивъ три лодки, поплыли на нихъ дальше, вверхъ по теченію, таща лодки на слишкомъ быстрыхъ мѣстахъ бечевою.

Однажды подъ вечеръ лодки по обыкновенію плыли вверхъ по теченію, подгоняемая попутнымъ вѣтромъ и веслами, какъ вдругъ Дежневъ рѣзко крикнулъ:

— Стопъ! Кто-то плыветъ навстрѣчу!

Всѣ взоры обратились впередъ, откуда изъ-за поворота выплыли двѣ лодки.

— Ого! Да вѣдь это наши! — воскликнулъ снова Дежневъ.

Скоро лодки приблизились однѣ къ другимъ.

Во встрѣчныхъ лодкахъ сидѣли тоже казаки, которыми, какъ оказалось, командовалъ товарищъ Дежнева, Семень Мотора.

Оказалось, что Семень Мотора добрался до Анадыря сухимъ путемъ и теперь плылъ по рѣкѣ, собирая ясакъ.

Радостно встрѣтились товарищи.

И тутъ же, соединивъ вмѣстѣ свои маленькіе отряды, поплыли вмѣстѣ.

На этотъ разъ плаванье ихъ было удачно.

Только казакъ Стадухинъ, шедшій со своей партией слѣдомъ за ними, сильно портилъ имъ дѣло.

Жадный и грубый, онъ обиралъ дикарей, вооружая ихъ такимъ образомъ противъ русскихъ, беря съ нихъ вторично ясакъ въ свою пользу.

— Уйти надо отъ него, — говорилъ часто Дежневъ Моторѣ.

И однажды, простившись съ нимъ, онъ снова отправился со своими молодцами на новые поиски.

На этотъ разъ ему хотѣлось отыскать рѣку Пенжину. Но напрасно искалъ онъ ее.

Проплутавъ цѣлыхъ три недѣли, онъ снова вернулся на рѣку Анадырь.

Построивъ кочъ, онъ приплылъ къ устью этой рѣки, забралъ спрятанную тамъ добычу и моремъ благополучно вернулся назадъ.

Не мало настрадался Дежневъ.

Но зато и заслуга его была велика.

Онъ первый открылъ широкія ворота за Становой хребтъ, первый открылъ и проливъ (нынѣ Беринговъ), отдѣлявшій Америку отъ Азіи, хотя самъ онъ и не обратилъ на это никакого вниманія, первый прочно утвердилъ русское владычество и на рѣкѣ Анадырь.

Въ 1664-мъ году, онъ былъ вызванъ въ Москву, гдѣ его обвинили было въ утайкѣ казны, но ему удалось оправдаться.

И одинъ только Богъ вѣдаетъ, гдѣ кончилъ свою бурную жизнь этотъ отважный человѣкъ.

На Камчаткѣ.

I.

Въ небольшой избѣ, построенной посреди Анадырскаго острога, за небольшимъ, некрашеннымъ столомъ, покрытымъ китайчатой скатертью, сидѣло двое мужчинъ.

Одинъ изъ нихъ былъ сильный, среднихъ лѣтъ, довольно красивый казакъ, съ пушистой бородой и сурово сдвинутыми бровями.

Это былъ пятидесятникъ Владиміръ Васильевъ Атласовъ, приказчикъ глухого Анадырскаго острога.

Его собесѣдникъ былъ тоже казакъ, по имени Лука Морозко, человѣкъ тоже среднихъ лѣтъ, но гораздо слабѣе на видъ своего начальника.

Оба собесѣдника вели очень оживленную бесѣду.

— Да, — заговорилъ снова Атласовъ, послѣ небольшой паузы. — Страна эта есть.

— Какъ не быть, — отвѣтилъ Морозко. — Еще въ 1654-омъ году какая-то баба-ясырка про эту самую Камчатку Семену Дежневу говорила. Говорила она, что страна та лежитъ недалеко отъ рѣки Колымы, а въ странѣ той соболя и всякаго звѣря много.

— Дежневъ говорилъ, что первый побывалъ тамъ гость (купецъ) Федотъ Алексѣевъ, — перебилъ Атласовъ. — Говорятъ, его бурей занесло на тотъ берегъ. А плылъ

онъ изъ устья Колымы на семи кочахъ. И сказываютъ юкагиры, что у тамошняго народа огненного боя (ружей) нѣтъ и того огненного боя они хуже смерти боятся.

— Слыхалъ и я про это, — кивнулъ головой Морозко. — Старые казаки сказываютъ, что русскимъ людямъ сначала тамъ хорошо жилось и камчадалы, ихъ боясь, исправно ясакъ платили, до только вышла у казаковъ между собой драка и въ той дракѣ одного казака убили. А до той поры камчадалы думали, что русскіе люди безсмертны. Потому ни стрѣлы ихъ ни копыя куяки (кольчуга) русскихихъ не могли пробить.

— Такъ, такъ, — проговорилъ Атласовъ.

— Ну, а какъ увидѣли камчадалы убитаго русскаго, такъ и осмѣлѣли, — продолжалъ Морозко. — Собрались они большимъ скопомъ и напали на Федота Алексѣева у рѣчки Тагилѣ. Такъ всѣхъ русскихихъ и перерѣзали.

— А вѣдь, должно быть, знатный край, — задумчиво проговорилъ Атласовъ. — Зря такихъ словъ люди не говорили бы. Вотъ уже сколько времени пыталъ я юкагировъ и коряковъ объ этомъ краѣ, и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что край тотъ богатъ, что много въ немъ и звѣря и рыбы.

— Всѣ говорятъ, — подтвердилъ Морозко. — А почему бы и намъ туда не пробраться?

— Ужъ давно думаю объ этомъ, — отвѣтилъ Атласовъ. — Надо кого-нибудь сначала на развѣдку послать.

— Вѣстимо, сначала кого-нибудь впередъ послать, — согласился Морозко. — Вотъ хоть меня пошли. Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать.

— Дѣло говоришь, — проговорилъ Атласовъ. — И правда, возьми человѣкъ пятнадцать, отбери людей похрабрѣе, да и ступай. Далеко не заходи. Разузнай хорошенько и вернись.

Оба казака заговорили о мелкихъ подробностяхъ будущаго путешествія, о томъ, чего и сколько нужно взять съ собой.

И лишь проговоривъ по меньшей мѣрѣ цѣлый часъ, Морозко ушелъ отъ Атласова, заявивъ, что со слѣдующаго утра начнетъ собираться въ походъ.

Атласовъ остался одинъ.

Сидя за столомъ, онъ воспоминалъ свой недавній разговоръ съ Морозко.

Да, давно думалъ онъ о Камчаткѣ, о которой ходило столько заманчивыхъ слуховъ.

Вдругъ мысли Атласова перескочили далеко назадъ.

Почему-то ему вдругъ вспомнились давно прошедшія времена, прежняя нужда.

Вспомнился далекій городъ Устюгъ, гдѣ жила его семья, вѣчно нуждавшаяся и не доѣдавшая.

Потомъ онъ, Атласовъ, вмѣстѣ съ наиболѣе бѣдными крестьянскими семьями, переселился за Уральскія горы.

Всѣ свои молодые годы Владиміръ Атласовъ провелъ въ перекочевкахъ по Западной Сибири, потомъ добрался и до Восточной.

Наконецъ, онъ записался въ якутскіе казаки и сталъ справлять государеву службу.

Надоѣла Атласову бѣдность, и теперь онъ искалъ работы поприбыльнѣе.

Не приходилось въ тѣ времена русскимъ переселенцамъ отъ дѣла лытать (лытать—отвиливать).

А дѣла было не мало.

Расторопный, смѣлый и умный Атласовъ быстро выдвинулся на службѣ и скоро дошелъ до званія пятидесятника.

А годъ тому назадъ, то есть въ 1695-омъ году, его назначили приказчикомъ въ анадырскій острожекъ, куда

онъ и прибылъ въ томъ же году съ тринадцатю казаками, посланными съ нимъ.

Труденъ былъ путь отъ Якутска въ захребетный анадырскій край.

Цѣлыхъ пятнадцать недѣль пробирался Атласовъ со своими людьми по лѣсамъ, болотамъ и каменнымъ горамъ, идя то пѣшкомъ, то путешествуя на лошадяхъ, оленяхъ, то плывя водой.

Только въ концѣ лѣта достигли, наконецъ, путники далекаго анадырскаго острожка.

Но чего-чего только не перенесетъ русскій человѣкъ. А казаки того времени были особенно выносливы.

Вынесли они и этотъ тяжелый путь и въ концѣ лѣта 1695-го года добрались, наконецъ, до Анадырскаго острожка.

И съ той поры Атласовъ жилъ въ немъ, собирая старательно ясакъ съ жившихъ кругомъ дикарей.

Все это вспомнилъ, сидя за столомъ, Атласовъ.

Да, тутъ, въ далекомъ Анадырскомъ острожкѣ, онъ чувствовалъ себя великолѣпно.

До Якутска было далеко, а до Москвы еще дальше, и поэтому Атласовъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ далекаго края.

Житъе тутъ было выгодное, подъ бокомъ, по слухамъ, была богатая, незнакомая земля Камчатка.

Можно было и царю порадовать и себя не забыть.

Атласовъ улыбнулся.

Ему уже мерещились груды собольихъ мѣховъ, чернубурыя лисицы и бобры, обладателемъ которыхъ онъ будетъ очень скоро.

Жадный Атласовъ не столько, конечно, думалъ о пользѣ казнѣ, чѣмъ о собственной выгодѣ.

Атласовъ медленно поднялся съ мѣста, надѣлъ на голову дорожную соболью шапку и вышелъ изъ избы.

II.

Прошелъ почти годъ.

Время близилось уже къ вечеру, и небольшой Анадырскій острожекъ уже притихъ.

Этотъ острожекъ, закинутый въ далекій, захребетный край, состоялъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ и трехъ большихъ избъ, окруженныхъ землянымъ валомъ, на вершинѣ котораго былъ поставленъ высокій тынъ.

За валомъ, снаружи шелъ ровъ.

Атласовъ медленно шелъ домой, возвращаясь отъ прѣзжаго гостя (купца), когда до его слуха дошелъ крикъ:

— Идутъ, идутъ!

— Идутъ, идутъ!—повторило крикъ нѣсколько голосовъ.

И видно было, какъ нѣсколько казаковъ быстро свернули направо и скрылись за одной изъ избъ.

— Что тамъ такое? Ужъ не Морозко ли вернулся?—подумалъ Атласовъ, поворачиваясь и направляясь туда, куда шли казаки.

Но лишь только онъ завернулъ за уголъ избы, какъ улыбка освѣтила его лицо.

Шагахъ въ пятидесяти онъ увидалъ Морозко и его казаковъ, идущихъ по направленію къ Атласову.

За возвратившимися казаками шло нѣсколько нагруженныхъ оленей.

Радостно встрѣтилъ Атласовъ своего подчиненнаго и тотчасъ же повелъ его къ себѣ въ избу, сгорая отъ нетерпѣнія узнать скорѣе подробности путешествія.

Остальные казаки разбрелись по другимъ избамъ, а грузъ съ оленей былъ перенесенъ въ избу Атласова.

Баба-ясырка поставила на столъ миску съ горячими щами, горшокъ съ кашей и жареную говядину.

Потомъ принесла хлѣбъ, жбанъ съ квасомъ и соль. И проголодавшійся Морозко съ жадностью накинулся на ѣду.

— Ого! Давно такъ вкусно не ѣлъ!—проговорилъ Морозко, улыбаясь.—А впрочемъ и голодать почти не голодали.

— Не голодали, говоришь?—спросилъ Атласовъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ, хлебая щи, Морозко.—Богатый край. И звѣрья, и птицы, и рыбы много, не пропадешь. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Морозко съ аппетитомъ уписывалъ за обѣ щеки масляную кашу и жареное мясо.

Но вотъ онъ наѣлся, наконецъ, досыта, выпилъ полъ-жбана квасу и тяжело вздохнулъ.

— Ухъ, и наѣлся же я!—проговорилъ онъ.—Пожалуй, и изъ-за стола не встать! Ох-хо-хохъ!

— На здоровье! — улыбаясь, сказалъ Атласовъ. — Поѣлъ, а теперь рассказывай, гдѣ были и что видѣли.

— Ходили далеко, дальше чѣмъ ты наказывалъ,—заговорилъ Морозко.—И все, что про тотъ край говорили, все правда.

— Правда?—перебилъ Атласовъ.

Глаза его даже заблестѣли отъ удовольствія.

— Истинная правда,—заговорилъ Морозко.—Пришли мы на Камчатку, сначала черезъ горы перевалили. Пришли на Тагиль-рѣку. По рѣкѣ той коряки живутъ и острожекъ у нихъ есть. Вздумали было коряки съ нами драться, да не выдержали. Взяли мы тотъ коряцкій острожекъ и объясачили коряковъ...

— Такъ, такъ,—похвалилъ Атласовъ.

— Объясачили и дальше пошли,—продолжалъ Морозко.—По дорогѣ нѣсколько улусовъ объясачили. На Камчаткѣ народъ и рыбу ловить, и на звѣря охотится,

и оленей имѣть. Ни въ чемъ, кромѣ хлѣба, недостатка нѣтъ.

Атласовъ былъ въ восторгѣ.

— Ну, ну, — нетерпѣливо произнесъ онъ.

— Слыхали мы, что дальше есть рѣка Камчатка, которая въ море бѣжитъ, да только мы до той рѣки не дошли, — продолжалъ Морозко. — Сказываютъ, что много въ той рѣкѣ рыбы кеты, осетровъ и зубатки. Повернули мы и назадъ пришли. Въ коряцкомъ острожкѣ я бумагу какую-то нашель, только не по-нашему на ней что-то писано.

Съ этими словами Морозко вынулъ изъ-за пазухи какую-то бумагу и положилъ ее на столъ.

Большой листъ бумаги былъ дѣйствительно весь исписанъ какими-то непонятными письменами, смысла которыхъ никто не могъ понять.

По всей вѣроятности на Камчаткѣ былъ какой-нибудь иностранный путешественникъ, послѣ котораго и осталась эта бумага.

— А вотъ тебѣ и ясакъ для государевой казны, — проговорилъ Морозко, подымаясь съ мѣста.

Съ этими словами онъ подошелъ къ лежавшимъ въ углу вьюкамъ и быстро сталъ раскупоривать ихъ.

Атласовъ съ улыбкой слѣдилъ за работой Морозко.

Вотъ Морозко вытряхнулъ изъ тюковъ большую кучку различныхъ мѣховъ.

— Привезъ я пять сороковъ (200 штукъ) соболей, да лисъ красныхъ тридцать штукъ, да лоскутьевъ бобровыхъ восемь и сиводушекъ пятокъ, — проговорилъ Морозко.

— А себѣ и казакамъ сколько подѣлил? спросилъ Атласовъ.

— Себѣ и казакамъ два сорока соболей подѣлил, да

лисъ красныхъ двадцать, да бобровыхъ лоскутьевъ четыре, — чистосердечно отвѣтилъ Морозко.

Атласовъ кивнулъ головой.

Правда, въ душѣ онъ жалѣлъ, что не вся добыча попала къ нему въ руки, но съ другой стороны онъ не могъ не сознавать, что и людямъ надо было получить что-нибудь за ихъ труды.

Долго еще спрашивалъ онъ Морозку о Камчаткѣ и, чѣмъ больше слушалъ онъ эти рассказы, тѣмъ неудержимѣе тянуло его на эту Камчатку.

— Эта страна, какъ и анадырскій край, будетъ моя. Я буду въ ней полнымъ господиномъ, — думалъ онъ про себя.

И онъ рѣшилъ возможно скорѣе отправиться туда.

— Если Морозко съ пятнадцатью человѣками не пропасть тамъ, такъ, значить, если собрать побольше людей, можно будетъ покорить всю Камчатку, — думалъ онъ, слушая рассказы своего подчиненнаго.

III.

Наступила весна 1697-го года.

Сто двадцать человѣкъ уже были совершенно готовы къ далекому путешествію и лишь не было Атласова, который въ послѣдній разъ осматривалъ вьючный обозъ.

Половина этого отряда состояла изъ казаковъ, а половина изъ юкагировъ, пожелавшихъ добровольно идти съ Атласовымъ.

Однако лишь одни казаки были вооружены пищалями.

Юкагиры же, хотя и имѣли куяки (панцыри), но вооружены были лишь луками, копьями и ножами.

Давать имъ ружья и учить стрѣлять Атласовъ боялся.

Но вотъ, наконецъ, осмотръ обоза былъ оконченъ.

Атласовъ вскочилъ на коня, махнулъ рукой и отрядъ, вытянувшись длинной вереницей, направился къ воротамъ Анадырскаго острожка.

Морозко тоже шелъ съ этимъ отрядомъ.

Сто двадцать хорошо вооруженныхъ и одѣтыхъ въ куяки людей было большой силой для Камчатки и съ ними Атласовъ надѣялся надѣлать чудесь.

Рядомъ съ Морозкой ѣхалъ онъ впереди своего отряда, разговаривая со своимъ подчиненнымъ о Камчаткѣ и о томъ, какъ они покорятъ ее и приведутъ подъ высокую руку молодого царя Петра Алексѣевича.

Весело было у нихъ на душѣ, и Атласовъ видѣлъ ужъ себя богачомъ.

Бодро шли и остальные казаки и юкагиры, которые тоже надѣялись на хорошую наживу въ незнакомой странѣ.

Давно уже исчезъ изъ виду Анадырскій острожекъ, съ каждымъ часомъ мѣстность, по которой шли казаки, становилась все болѣе гористой.

Вечеромъ остановились и разбили лагерь.

А утромъ снова двинулись въ путь.

Цѣлыми днями шли впереди казаки и юкагиры, оставливаясь только для ѣды и ночлега.

Съ каждымъ днемъ горы становились все круче.

Сначала онѣ были покрыты дѣвственнымъ лѣсомъ, потомъ лѣса постепенно исчезли, и голыя скалы смѣнили ихъ.

Но вотъ, наконецъ, отрядъ перевалилъ черезъ горный хребетъ и сталъ спускаться внизъ.

Вонъ впереди показался коряцкій поселокъ.

Увидавъ шедшій отрядъ, дикари высыпали изъ своихъ юртъ, но не проявили никакихъ враждебныхъ намѣреній.

Подошелъ къ нимъ съ своими людьми Атласовъ, потребовалъ ясакъ.

Коряки безпрекословно дали ясакъ и нѣсколькихъ оле-

ней для убога, и русскіе, не тронувъ ихъ и немного отдохнувъ, двинулись дальше.

Три коряцкихъ селенія объясачилъ Атласовъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, пока, наконецъ, не добрался до рѣчки Канучи.

По берегамъ этой рѣчки жили камчадалы.

Старые камчадалы еще хорошо помнили Федота Алексѣева, этого казака, побывавшаго еще ранѣе Атласова въ ихъ странѣ, и ненавидѣли русскихъ всей душой.

Одинъ изъ рыбаковъ камчадаловъ, увидавъ издали отрядъ, тотчасъ же далъ знать о пришествіи русскихъ своимъ, и камчадалы стали быстро собираться со всѣхъ сторонъ.

Скоро ихъ собралось нѣсколько сотъ человѣкъ.

И когда русскіе съ юкагирами дошли до селенія камчадаловъ, ихъ встрѣтила огромная толпа вооруженныхъ дикарей.

IV.

Было утро, когда камчадалы двинулись съ двухъ сторонъ на отрядъ Атласова.

Построивши свой отрядъ въ боевой порядокъ, Атласовъ ждалъ.

Съ крикомъ и воемъ, размахивая косями, надвигались камчадалы, заранѣе торжествуя побѣду.

Вотъ градъ стрѣлъ полетѣли въ русскихъ, но стрѣлы не долетѣли до цѣли и лишь падали безъ всякаго вреда въ землю.

— Пали изъ пищалей! — скомандовалъ Атласовъ.

Раздался дружный залпъ, русскіе ряды окутались дымомъ, и человѣкъ двадцать камчадаловъ свалилось на землю.

Въ рядахъ камчадаловъ поднялся переполохъ, и враги сразу шарахнулись назадъ.

Но скоро они оправились.

Они снова собрались въ огромную кучу и съ удвоенной энергіей двинулись на русскихъ.

Снова грянулъ залпъ, снова около двухъ десятковъ камчадаловъ свалилось на землю, но на этотъ разъ часть камчадаловъ выдержала.

Въ то время какъ часть изъ нихъ бросилась назадъ, другая часть храбро кинулась впередъ на отрядъ Атласова.

Завязался отчаянный бой.

Камчадалы падали одинъ за другимъ, но не отступали.

Долго длилась отчаянная рукопашная битва, уже пало сраженными пять казаковъ, но бой не переставалъ.

Но вотъ, наконецъ, казаки сдѣлали отчаянное усиліе.

Камчадалы не выдержали и обратились въ беспорядочное бѣгство.

Русскіе бросились преслѣдовать ихъ, и скоро все поле битвы оказалось усыпаннымъ трупами и тѣлами раненыхъ камчадаловъ.

Громко отпраздновали эту побѣду Атласовъ и его люди, прекрасно понимая, что эта побѣда имѣетъ для нихъ огромное значеніе.

Послѣ этой битвы камчадалы поняли, что имъ нельзя бороться съ пришельцами, и когда Атласовъ потребовалъ отъ нихъ ясакъ и провизіи, камчадалы безпрекословно исполнили его требованіе.

Хорошенько отдохнувъ послѣ боя, взявъ ясакъ и пополнивъ запасы провизіи, Атласовъ двинулся дальше.

Но еще до отхода, онъ поставилъ на мѣстѣ боя большой деревянный крестъ съ надписью:

«7205-ый годъ отъ сотворенія міра, или 1697-ой годъ по Рож. Христовомъ, Іюля 13 го дня поставилъ сей крестъ пятидесятникъ Володимеръ Отласовъ съ товарищи 53 человекъ».

Очевидно, что Атласовъ считалъ въ этомъ количествѣ только русскихъ, безъ юкагировъ.

И вотъ Атласовъ двинулся дальше.

Своихъ людей онъ раздѣлилъ на два отряда, первый изъ которыхъ повелъ самъ, а надъ другимъ назначилъ начальникомъ Морозко.

Горы шли серединой Камчатскаго полуострова, и идя по одну сторону горъ, невозможно было видѣть, что дѣлается по другую сторону этихъ горъ.

Поэтому осторожный Атласовъ повелъ свой отрядъ вдоль Пенжинскаго залива, а Морозко повелъ свой отрядъ вдоль берега Восточнаго моря.

Все шло сначала хорошо.

Но напрасно Атласовъ не обращалъ должнаго вниманія на своихъ юкагировъ.

А между тѣмъ, если бы онъ внимательнѣе присматривался къ нимъ, онъ замѣтилъ бы, что между ними происходитъ что-то неладное.

Часто они шептались о чемъ-то другъ съ другомъ, бросали на русскихъ и на самого Атласова злобные взгляды.

Русскіе сами были виноваты въ этомъ, такъ какъ часто смѣялись надъ юкагирами, грубо обращались съ ними и часто отнимали отъ нихъ добычу.

И однажды грянулъ громъ.

Уже кончился день, и отрядъ Атласова остановился на ночлегъ.

Запылали костры, и казаки безпечно усѣлись вокругъ

нихъ, поглядывая на большіе куски мяса, которые, шипя, жарились на огнѣ.

Вдругъ среди юкагировъ, палатки которыхъ стояли отдѣльно, поднялся шумъ.

И юкагиры съ копьями и ножами въ рукахъ неожиданно кинулись на казаковъ.

— Измѣна! Бей! — раздались крики среди казаковъ.

Завязалась отчаянная, кровавая драка.

Несмотря на неожиданность, казаки быстро оправились и, въ свою очередь, кинулись на измѣнниковъ-юкагировъ.

Уже три человѣка успѣли убить юкагиры, человѣкъ пятнадцать переранили они, уже и самъ Атласовъ былъ раненъ.

Но все же казаки одержали верхъ.

Лишь нѣсколькимъ юкагирамъ удалось спастись бѣгствомъ.

Атласовъ жестоко расправился съ измѣнниками.

Онъ былъ и безъ того жестокъ, до того жестокъ, что на него постоянно жаловались и казаки, а тутъ онъ развирѣпѣлъ окончательно.

И по его приказанію, всѣ измѣнники были перебиты.

Вдвое уменьшился теперь отрядъ Атласова, но отчаянные казаки не обращали на это никакого вниманія.

И горсть людей съ Атласовымъ во главѣ двинулась дальше.

V.

Наконецъ, впереди показалась какая-то рѣка.

Еще издали увидѣли казаки костры, горѣвшіе на берегу рѣки, и людей, бродившихъ около костровъ.

Атласовъ остановился и, приказавъ людямъ лечь на землю, выслалъ впередъ двухъ развѣдчиковъ.

— Кто бы это могъ быть?— думалъ Атласовъ.— Кибитокъ не видно. Ужъ не наши ли это люди?

Но вотъ онъ замѣтилъ посланныхъ развѣдчиковъ, которые какъ ни въ чемъ не бывало шли, совершенно не скрываясь, со стороны враговъ.

Вотъ они подошли къ спрятавшимся товарищамъ и въ воздухѣ раздались веселые голоса:

— Наши! Морозко съ людьми!

Всѣ быстро вскочили на ноги, и скоро оба отряда снова соединились вмѣстѣ.

Передъ ними была знакомая Морозкѣ рѣка Тагиль.

— Ну, тутъ можно будетъ лодки поставить и внизъ сплыть, — объявилъ Атласовъ, убѣдившись въ томъ, что рѣка достаточно глубока.

Казаки принялись за дѣло.

Юкагиры, которыхъ стало вдвое меньше, совершенно притихли и дѣятельно помогали казакамъ въ работѣ.

Наконецъ, работа была окончена, и отрядъ Атласова, размѣстившись въ лодкахъ, поплылъ внизъ по теченію.

Все чаще и чаще попадались теперь поселки дикарей.

Почти безъ сопротивленія бралъ съ нихъ Атласовъ ясаки и провизію.

Правда, дѣло не обходилось безъ насилія со стороны казаковъ, но тогда времена были грубыя и дикарямъ негдѣ было искать защиты.

Нѣсколько дней плыли люди Атласова, пока, наконецъ, не добрались до рѣки Озерной.

Это была самая крайняя изъ западныхъ рѣкъ Камчатки.

Недалеко отъ этого мѣста кончался и Серединный хребетъ.

Въ этомъ мѣстѣ горный хребетъ обрывался, и отъ него въ море выдвигался широкой, плоскій мысъ, Лопатка, которымъ кончался Камчатскій полуостровъ.

Вотъ и море.

Задумчиво стоялъ Атласовъ, глядя на это море, которое шумѣло справа и слѣва Лопатки, то разбиваясь о береговыя скалы, то вкатываясь на пологій берегъ.

Дальше итти было некуда.

Оставалось только итти назадъ или податься куда-нибудь въ сторону.

— Такъ вотъ она, эта новая страна!—думалъ Атласовъ.

И мысли его переносились къ тюкамъ съ мѣхами, которые онъ уже собралъ, слѣдуя по Камчаткѣ.

Море продолжало шумѣть, и словно какая-то угроза слышалась въ этомъ шумѣ.

— Берегись, казакъ, отсюда рѣдко кто выходитъ живой, — словно предупреждали волны.

Но никто изъ казаковъ не понималъ рѣчи волнъ.

Бѣлыя чайки носились надъ самой водой, то совсѣмъ касаясь ея, то взвиваясь высоко въ воздухъ и оглашая пространство рѣзкими, неприятными, словно плачущими криками.

Не было видно нигдѣ ни парусовъ ни людей.

Казаки мало обращали вниманія на море.

Они уже развели себѣ костры и приготавливали себѣ ѣду и чай.

На этомъ мѣстѣ рѣшено было лишь переночевать и утромъ двинуться въ обратный путь.

VI.

Уже нѣсколько дней прошло съ той поры, какъ Атласовъ покинулъ берегъ океана и шелъ назадъ нѣсколько инымъ путемъ.

Вотъ и рѣка Ича.

Еще чаще стали попадаться селенія камчадаловъ, и ко-

личество мѣховъ у Атласова все возрастало и возрастало.

Да, онъ могъ быть вполне доволенъ добычей, тѣмъ болѣе, что эта добыча доставалась большей частью безъ боя.

Камчадалы лишь въ исключительныхъ случаяхъ брались за оружіе, когда казаки уже начинали грабить ихъ выше мѣры.

Однажды, когда Атласовъ подходилъ со своимъ отрядомъ къ одному изъ селеній камчадаловъ, онъ увидѣлъ около селенія низкаго роста человѣка, совершенно не похожаго на камчадала.

Атласовъ заинтересовался имъ.

Откуда могъ попасть сюда этотъ человѣкъ и къ какому народу принадлежалъ онъ?

Атласовъ подозвалъ къ себѣ незнакомца и сталъ черезъ переводчика спрашивать его.

— Я—японецъ, — отвѣтилъ незнакомецъ по-камчадалски. — Мы плыли на парусномъ суднѣ и потерпѣли крушеніе у береговъ этой земли. Я одинъ остался въ живыхъ. Камчадалы поймали меня, и теперь я живу у нихъ ясыремъ (плѣнникомъ) и работаю на нихъ.

— Далеко ли твоя родина? — заинтересовался Атласовъ.

— Нѣтъ, Японія находится не очень отсюда, въ морѣ, на островахъ. У насъ много острововъ и наше государство сильно и могуче, — отвѣтилъ японецъ.

— И тамъ такъ же холодно, какъ и здѣсь? — продолжалъ спрашивать Атласовъ.

Японецъ грустно улыбнулся.

— О, нѣтъ, господинъ, моя родина прекрасна! — заговорилъ онъ быстро. — У насъ зрѣетъ рисъ, пшеница, ячмень, овощи и разные плоды, наши острова на югѣ покрыты роскошными пальмами и цвѣтами, а по полямъ и горамъ ходить скоть. — У насъ на южныхъ островахъ никто не

знаетъ, что такое снѣгъ, у насъ народъ дѣлаетъ чудныя шелковыя матеріи и много разныхъ дивныхъ вещей.

Атласовъ съ большимъ вниманіемъ слушалъ разсказъ чужестранца.

— Не вашу ли землю называютъ Узакинской?— вдругъ спросилъ онъ.

— Да, да, здѣсь ее называютъ Узакинской землей, — отвѣтилъ японецъ. — У насъ есть свой государь, рыцари и войско, у насъ есть пушки и ружья.

Атласовъ разочаровался.

Онъ было уже подумалъ о томъ, какъ бы покорить прекрасную, невѣдомую страну, гдѣ имѣется столько богатства.

Но разсказъ о царѣ, войскахъ, рыцаряхъ и пушкахъ сразу расхолодилъ его.

Очевидно, тамъ, на этихъ островахъ, было сильное царство, и не горсти казаковъ было думать о покореніи его.

Но Атласовъ не отпустилъ японца.

Онъ отобралъ его у камчадаловъ и взялъ съ собою, рѣшивъ доставить его къ якутскому воеводѣ.

VII.

На берегу рѣки Камчатки царило большое оживленіе.

Вотъ уже недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ казаки остановились на ея берегу.

Атласовъ рѣшилъ построить тутъ небольшой острожекъ, въ которомъ хотѣлъ оставить человѣкъ пятнадцать казаковъ, которые должны были бы собирать ясакъ съ близъ живущихъ камчадаловъ.

Быстро выросъ довольно сильный острожекъ.

И, въ одинъ прекрасный день, Атласовъ, оставивъ въ немъ пятнадцать казаковъ, ушелъ съ остальными людьми на Анадырь.

Не стоит описывать этотъ путь.

Собирая ясакъ, достигъ въ концѣ концовъ Атласовъ Анадырскаго острожка и, оставивъ въ немъ двадцать восемь человѣкъ, пошелъ въ Якутскъ съ остальными людьми.

Очень радъ былъ якутскій воевода, когда Атласовъ пріѣхалъ въ Якутскъ съ собраннымъ въ Камчаткѣ ясакомъ.

Конечно, онъ привезъ хорошіе подарки и якутскому воеводѣ, и поэтому якутскій воевода послалъ его въ Москву.

Въ Якутскъ Атласовъ прибылъ съ Камчатки въ іюль 1700-го года.

И проживъ тамъ нѣкоторое время, отправился въ Москву, везя съ собою въ казну 80 черныхъ соболей, болѣе сотни простыхъ, 7 лоскутьевъ (шкуръ) бобровыхъ, 70 лись-сиводушекъ, 191 красныхъ лись и двѣ черно-бурыхъ лисы.

Милостиво приняли покорителя Камчатки въ Москвѣ.

Ясакъ оказался дорогой и хорошій, и Атласова, въ награду за его работу, назначили казацкимъ головой.

Когда Атласовъ двинулся въ Сибирь, ему дали нѣсколько десятковъ ратныхъ людей, пороху, свинцу и разныхъ припасовъ, наказавъ ему старательно собирать ясакъ и сыскивать новыя земли.

Кромѣ всего этого, покорителю Камчатки дано было подѣ начальство тридцать человѣкъ боярскихъ дѣтей, нѣсколько пушекъ, пищали, одинъ барабанщикъ и синовщикъ (трубачъ).

Теперь Атласовъ возвращался въ Сибирь настоящимъ владыкой.

Но не сумѣлъ онъ воспользоваться своимъ новымъ положеніемъ и царской милостью.

Не таковъ нравъ былъ у этого человѣка.

VIII.

Темно было въ казенкѣ (тюрьма или арестный домъ), построенной недалеко отъ дома якутскаго воеводы.

Лишь небольшое количество свѣта пробивалось сквозь небольшое оконце тюрьмы, задѣланное желѣзной рѣшеткой.

Исхудалый и оборванный, сидѣлъ Атласовъ на охапкѣ полугнилой соломы, брошенной на земляной полъ.

Вотъ уже пять лѣтъ прошло съ той поры, какъ его бросили въ эту тюрьму, по приказу якутскаго воеводы.

Не сумѣлъ воспользоваться царскимъ довѣріемъ Атласовъ.

Пять лѣтъ тому назадъ, идя изъ Москвы въ Сибирь и плывя по рѣкѣ Тунгускѣ, встрѣтилъ онъ дощанникъ (судно) богатаго гостя (купца) Логина Добрынина.

И корысть вдругъ одолѣла Атласова.

Напалъ онъ на гостя, разграбилъ товары, думалъ, что не узнаетъ про это никто и что успѣетъ онъ во-время на Камчаткѣ скрыться.

Да не тутъ-то было.

Не успѣлъ Атласовъ пріѣхать въ Якутскъ, какъ былъ схваченъ по приказу воеводы и посаженъ въ казенку, вмѣстѣ съ другими преступниками.

И вотъ пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ его лишили свободы.

Атласовъ тяжело вздохнулъ и вдругъ поднялъ голову.

Ему слышались снаружи шаги и звонъ ключей.

Онъ не ошибся!

За дверями казенки слышался говоръ, звонъ ключей, скрипнули тяжелые засовы и въ тюремное помѣщеніе вошелъ смотритель казенки.

— Атласовъ, выходи къ воеводѣ, — раздался голосъ смотрителя.

Атласовъ вздрогнулъ.

Что это? Зачѣмъ ведутъ его къ воеводѣ? Неужели еще какое-нибудь дѣло?

Онъ попробовалъ было обратиться съ разпросами къ казакамъ, но тѣ лишь грубо толкнули его впередъ.

Подъ конвоемъ дошелъ Атласовъ до дома воеводы.

Воевода встрѣтилъ его торжественно.

— Ну, Владиміръ Атласовъ,—заговорилъ онъ, кивкомъ головы отвѣтивъ на низкій поклонъ Атласова.—Благодари царя-батюшку за то, что повелѣлъ онъ простить тебя, окаяннаго, и выпустить тебя на свободу.

Кровь такъ и прилила отъ радости къ сердцу узника.

— И не только повелѣлъ царь-государь освободить тебя, но повелѣлъ еще снова назначить тебя приказчикомъ на Камчатку,—продолжалъ уже мягче воевода.—Помни же его великую милость и постарайся хорошенько заслужить ее.

Атласовъ бухнулся воеводѣ въ ноги.

— Кровью своею заслужи государю моему!—воскликнулъ онъ.

— То-то,—строго заговорилъ воевода.—Велѣно тебѣ двѣ пушки мѣдныя дать, пороху и ядеръ и служилыхъ людей. Коли нужно будетъ, можешь дикихъ людей смертью казнить, а подначальныхъ людей батогами и кнутомъ за большія провинности бить. И приказалъ тебѣ съ крайней ревностью земли и людей отыскивать и не чинить тѣмъ людямъ напрасныхъ обидъ и жестокостей, не налагать много налоговъ, а брать ясакъ по совѣсти, лаской.

Атласовъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

Но нѣтъ, это былъ не сонъ, самъ воевода говорилъ съ нимъ.

Долго говорилъ съ нимъ воевода, давая разные правоченія, и, наконецъ, отпустилъ, приказавъ ему немедленно собираться въ путь.

И Атласовъ вышелъ отъ него счастливый, чувствуя за собою прежнюю силу.

Быль 1706-й годъ.

Чѣмъ же можно было объяснить подобную перемѣну?

Объяснялось же это очень просто.

Далеко отъ Якутска, а еще дальше отъ Москвы, лежала Камчатка.

Каждый годъ смѣнялись тамъ приказчики.

Всѣ они занимались лишь грабежомъ. безъ пользы разоряли дикарей, воровали въ свою пользу ясакъ, а казаковъ распустили до того, что имъ не было никакого удержу.

Нужна была чья-нибудь желѣзная рука, которая могла бы водворить порядокъ на Камчаткѣ.

А такимъ-то именно человѣкомъ и былъ Владиміръ Атласовъ.

Онъ былъ не только строгъ, но въ крайнихъ случаяхъ и жестокъ, и русскія власти надѣялись, что онъ укротить распушенныхъ казаковъ.

И Атласовъ снова сталъ у власти.

IX.

До Анадырскаго острожка оставалось пути недалеко.

Но несмотря на то, что отрядъ Атласова еще не дошелъ до этого мѣста, всѣ люди Атласова уже роптали на своего начальника.

Строгостью онъ успѣлъ возстановить противъ себя всѣхъ, и въ Якутскѣ шли челобитныя одна за другой.

Но Атласовъ, казалось, не хотѣлъ обращать на это недовольство никакого вниманія.

Недѣли шли за недѣлями.

Сначала пришли въ Анадырскій острожекъ, тамъ нѣ-

сколько дней отдохнули, запаслись свѣжей провизіей и двинулись дальше.

И наконецъ, въ 1707-омъ году, Атласовъ прибылъ въ Камчатку, гдѣ вскорѣ и принялъ Верхне-Камчатскій и Нижне-Камчатскій острожки.

Кругомъ, по донесеніямъ казаковъ, дикари бунтовались и при малѣйшей возможности избивали русскихъ.

И вотъ, черезъ мѣсяцъ послѣ прибытія на Камчатку, Атласовъ рѣшилъ приняться за усмиреніе.

Однажды онъ позвалъ къ себѣ казака Тарашина.

— Ну, Тарашинъ, бери съ собой семьдесятъ служилыхъ людей и иди къ Бобровому морю,—приказалъ онъ ему.—Сильно тамъ, слышно, камчадалы бунтуютъ, такъ надо ихъ въ порядокъ привести.

И, обернувшись къ другому казаку, стоявшему тутъ же, онъ сказалъ:

— А ты возьми нѣсколько людей, да поѣзжай къ камчадальскому князьку, Каначѣ. И скажи ты этому князьку, что ежели онъ своихъ людишекъ не уйметъ, то пошлю я на него силу большую и въ конецъ его разгромлю.

И Атласовъ заговорилъ съ казаками, какъ надо дѣйствовать съ дикарями и что надо взять съ собою.

На слѣдующій же день выступили изъ острожка два отряда.

Однимъ изъ нихъ, болѣе сильнымъ, предводительствовалъ Тарашинъ.

И Атласовъ съ нетерпѣніемъ сталъ ждать ихъ возвращенія.

Между тѣмъ Тарашинъ смѣло подвигался впередъ.

Благополучно добрался онъ до Авачинской губы.

Но тутъ его ждала бѣда.

Болѣе тысячи камчадаловъ собрались здѣсь, чтобы встрѣтить ненавистныхъ имъ русскихъ.

И на рѣкѣ Большой, между казаками и камчадалами завязался кровавый бой.

Камчадаловъ было такъ много, что они собирались захватить казаковъ живьемъ.

Для этого они даже запасли массу ремней.

Не думали казаки объ опасности, подходя къ лѣсу, въ которомъ засѣли враги.

Какъ вдругъ дикари, выскочивъ изъ-за деревьевъ устремились на казаковъ.

Едва успѣли опомниться и прійти въ себя казаки.

Загремѣли выстрѣлы, и начался бой не на жизнь, а на смерть.

Но и тутъ не смогли взять верхъ камчадалы.

Правда, Тарашинъ потерялъ шестерыхъ казаковъ, но все же одолѣлъ враговъ и на голову разбилъ камчадаловъ, захвативъ въ плѣнъ самыхъ знатныхъ изъ нихъ.

И только взявъ за нихъ выкупъ 10 соболей, 4 лисы и 19 бобровъ, да забравъ во взятомъ лагерѣ всѣ съѣсные припасы, Тарашинъ возвратился къ Атласову, который послалъ второй отрядъ противъ князька Каначи.

Но этотъ отрядъ потерпѣлъ неудачу.

Зная, что такое угроза Атласова, Канача успѣлъ собрать къ себѣ очень много камчадаловъ и укрѣпиться.

И когда казаки подошли къ его укрѣпленію и попробовали было его взять, то потерпѣли неудачу.

Потерявъ въ бою трехъ товарищей, они принуждены были отступить.

А между тѣмъ надъ головой Атласова уже собирались грозныя тучи.

Не знающій удержу, онъ продолжалъ свое жестокое обращеніе съ казаками и подвластными ему людьми. Правда, жестокія мѣры онъ принималъ по всей вѣроятности къ тѣмъ, кто окончательно не хотѣлъ признавать дисциплины,

необходимой при данной обстановкѣ, но своими крутыми мѣрами онъ все больше и больше возстановлялъ ихъ противъ себя.

Х.

Въ небольшой избѣ было тѣсно и душно.

Собравшіеся казаки были сильно возбуждены, кричали и волновались.

— Что же это Атласовъ долго надъ нами озоровать будетъ! — кричалъ одинъ изъ казаковъ, по имени Сенька. — Челобитныя подаемъ, а на нихъ ни отвѣта ни привѣта изъ Якутска нѣтъ. Вонъ онъ намедни аманатовъ (заложниковъ) изъ корысти выпустилъ, въ свою пользу съ нихъ выкупъ взялъ.

— Всѣмъ это извѣстно, — подхватилъ другой казакъ. — Онъ этимъ между камчадалами только шаткость учинилъ.

— А развѣ онъ меня не билъ, безъ всякой вины, палашомъ, -- воскликнулъ казакъ Данила Бѣляевъ, отличавшійся своеволіемъ и дерзостью.

Глухой ропотъ пронесся по собранію.

— Разбойство! Это что же такое? Засадить его въ казенку! -- кричали казаки.

— Вонъ сказываютъ, что онъ и камчадаловъ самъ на насъ науськиваетъ, чтобы отомстить намъ за челобитныя! — проговорилъ одинъ изъ казаковъ.

— Хватай его! — крикнулъ кто-то.

И возбужденная толпа бросилась къ избѣ Атласова. Атласовъ не ожидалъ нападенія.

Увидалъ онъ опасность, но было уже поздно.

Не успѣлъ онъ опомниться, какъ уже былъ связанъ по рукамъ и ногамъ.

А спустя нѣсколько минутъ, онъ уже лежалъ запер-

тымъ въ казенкѣ, къ которой былъ приставленъ сильный караулъ.

Паль Атласовъ.

И больше уже не возвращалась къ нему власть.

А закрѣпленіе Камчатки шло и безъ него своимъ чередомъ, и русскіе все болѣе и болѣе укрѣплялись на новой землѣ.

Не мало добра оказалось у Атласова.

Арестовавъ его, казаки отобрали у него 1235 соболей, 400 красныхъ лись, 14 сиводушекъ и 75 морскихъ бобровъ.

Конечно, арестованному было объявлено, что все это добро отобрано въ пользу казны, но на дѣлѣ врядъ ли это было такъ.

Въ то же время въ Якутскъ была послана новая челобитная.

Въ ней казаки жаловались на Атласова и заявляли, что никто не желаетъ его слушать за его жестокое обращеніе и корысть.

«И онъ, Володимиръ Атласовъ,—писали казаки,—на насъ нарочно камчадаловъ подымаетъ, чтобы они насъ перебили, а женъ нашихъ и дѣтей между собою подѣлили».

Писали казаки въ челобитной, что послѣ этого собралось много камчадаловъ и, засѣвъ въ тѣсномъ мѣстѣ, убили трехъ казаковъ.

Писали и о томъ, что Атласовъ извелъ на себя подарочную якутскую казну (разстратилъ жалованіе), оставивъ на Камчаткѣ олова и бисера не болѣе полупуда, а мѣдь передѣлалъ на винокуреную посуду; доносили о томъ, что онъ вымучилъ у новокрещенаго камчадала чернобурую лису.

Словомъ, обвиненій противъ Атласова посыпалось множество.

Обвиняли его и въ крупныхъ кражахъ и въ мелкихъ мошенничествахъ.

Но достаточно было бы повѣрить и половинѣ, чтобы составить себѣ понятіе, каковъ челоѣкъ былъ этотъ Атласовъ.

Уже одно количество отобранныхъ у него мѣховъ ясно доказываетъ то, что Атласовъ просто грабилъ инородцевъ, не столько заботясь о казнѣ и пользѣ государству, сколько о своихъ личныхъ выгодахъ.

* * *

Казаки бушевали и дѣлали все, что только хотѣли.

Освободившись отъ строгаго Атласова, они теперь не знали удержа, нападали на инородцевъ, грабили ихъ и другъ друга.

На Камчаткѣ царила полная неразбериха.

Челобитныя, наконецъ, дошли до Якутска, и оттуда на Камчатку былъ посланъ боярскій сынъ Чириковъ, которому было поручено произвести слѣдствіе.

Съ нимъ на Камчатку пришло пятьдесятъ рядовыхъ, одинъ пятидесятникъ и четыре десятника; въ отрядѣ было двѣ пушки, сотня ядеръ, пять пудовъ свинцу и восемь пудовъ пороху.

Не успѣлъ пріѣхать на Камчатку Чириковъ, какъ туда же былъ отправленъ другой приказчикъ, пятидесятникъ Мироновъ, съ сорока служилыми людьми.

На Камчаткѣ шелъ хаосъ.

Распущенные казаки не желали никого признавать, не желали никого слушать.

Ко всему этому ихъ было не мало, всѣ они были люди отчаянные и справиться съ ними было не такъ-то легко.

Ни Чириковъ ни Мироновъ не могли ничего сдѣлать.

Въ январѣ 1711-го года, Мироновъ былъ зарѣзанъ своими же казаками, а Чирикову тѣми же казаками было приказано готовиться къ смерти.

Только такой стальной, незнавшій пощады человѣкъ, какимъ былъ Атласовъ, могъ такъ долго сдерживать эту своевольную казацкую орду.

Если бы Атласовъ былъ честенъ, то, конечно, его оправдали бы и вернули его къ власти, но этого сильнаго человѣка погубила корысть.

Но все же Атласовъ еще попытался вернуть къ себѣ власть.

* * *

Была ночь.

Уже давно заснули всѣ обитатели Верхне-Камчатскаго острожка, и лишь часовые на стѣнахъ на валу мѣрно похаживали взадъ и впередъ, пристально всматриваясь вдаль.

Около казенки (тюрьмы) тоже похаживалъ часовой, изрѣдка посматривая на крѣпкую, дубовую дверь, на которой висѣлъ огромный, желѣзный замокъ.

Онъ уже ждалъ смѣны и нетерпѣливо поглядывалъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ прійти смѣнный казакъ.

Но вотъ въ темнотѣ послышались шаги.

И къ двери казенки приблизился вооруженный казакъ.

— Ну, ступай спать, — сказалъ онъ часовому. — Теперь моя очередь. Много ли у тебя арестованныхъ?

— Атласовъ, да еще три человѣка, — отвѣтилъ часовой.

И, вскинувъ пищаль на плечо, онъ лѣниво ушелъ съ поста.

Нѣкоторое время новый часовой молча ходилъ взадъ и впередъ около казенки.

Но вотъ онъ остановился и сталъ прислушиваться.

Кругомъ было совершенно тихо и ничто не нарушало торжественнаго молчанія сибирской ночи.

Вдругъ до слуха часового откуда-то долетѣлъ протяжный, негромкій свистъ.

Часовой отвѣтилъ такимъ же протяжнымъ свистомъ и быстро подошелъ къ запертой двери.

Торопливо вынулъ онъ изъ кармана большой ключъ, отомкнулъ замокъ и, отворивъ дверь, тихо произнесъ:

— Атласовъ, выходи! Скорѣе, коли жизнь дорога тебѣ.

Атласовъ не заставилъ дважды повторять приглашеніе.

— Это ты, Ивашка?—тихо спросилъ онъ, бросаясь къ двери.

— Я, я, иди скорѣе, лошади уже готовы,—такъ же тихо отвѣтилъ часовой.—Подальше бы убраться отсюда за ночь, пока не хватятся. Коли опоздаемъ, на части насъ разорвутъ.

И, сунувъ голову въ казенку, онъ проговорилъ:

— Эй, кто тамъ еще есть? Всѣ выходи!

Трое арестованныхъ разбойниковъ, бывшихъ подчиненныхъ Атласова, выскочили вслѣдъ за нимъ изъ тюрьмы.

Часовой заперъ пустое помещеніе на замокъ и быстро направился къ воротамъ острожка, ведя за собой освобожденныхъ узниковъ.

Не доходя шаговъ пятидесяти до воротъ, Ивашка свернулъ въ сторону и, зайдя за уголъ одной избы, тихо спросилъ:

— Готово?

— Готово,—отвѣтилъ тихо кто-то въ темнотѣ.—Лошади и люди ждутъ въ лѣсу за острожкомъ, около сломанной молніей сосны.

— А ты съ нами?—спросилъ Ивашка.

— Нѣтъ, я приѣду потомъ. Надо будетъ поглядѣть, что будетъ утромъ. Куда погоня метнется,—отвѣтилъ незнакомецъ.—Вотъ, возьми лѣстницу чтобы черезъ тынъ перелѣзть. Да близко около воротъ о перелѣзай, тамъ часовой не изъ нашихъ стоитъ.

Съ этими словами онъ подалъ Ивашкѣ высокую, деревянную лѣстницу, лежавшую до сихъ поръ около стѣны.

Ивашка взялъ лѣстницу и, подойдя къ освобожденнымъ арестантамъ, пригласилъ ихъ слѣдовать за собой.

— Тише, не шумите,—шепнулъ онъ, придерживая рукой саблю, чтобы она не звенѣла.

Осторожно приблизились они къ тыну, не производя ни малѣйшаго шума, и одинъ за другимъ перебрались по лѣстницѣ черезъ тынъ.

Только тутъ Атласовъ вздохнулъ съ облегченіемъ, почувствовавъ себя снова на свободѣ.

Слѣдомъ за Ивашкой бѣглецы перешли поле и, наконецъ, достигли опушки сосноваго лѣса.

Ивашка свистнулъ три раза, и кто-то изъ лѣсу отвѣтилъ ему такимъ же свистомъ.

— Сюда,—раздался чей-то негромкій голосъ.

И въ ночной темнотѣ показались силуэты людей и лошадей.

— Атласовъ, сюда! Вотъ лошадь. Возьми саблю и кинжалъ,—проговорилъ здоровенный казакъ, подѣзжая верхомъ къ Атласову и ведя за собою осѣдланную лошадь.

— Ну, спасибо, братцы! — проговорилъ Атласовъ.— Всю жизнь не забуду я вашей заслуги. Не выручи вы меня—пропалъ бы.

— Пускай-ка вотъ теперь тебя возьмутъ,—съ тихимъ смѣхомъ отвѣтилъ казакъ.

— Ну, теперь руки у нихъ коротки! — отвѣтилъ Атласовъ.

И онъ засмѣялся тихимъ, злымъ смѣхомъ.

Съ ловкостью юноши вскочилъ онъ въ сѣдло и привычной рукой разобралъ поводья.

Остальные люди послѣдовали его примѣру, и отрядъ, состоявшій теперь изъ четырнадцати человекъ, быстрой рысью поѣхалъ вдоль лѣсной опушки.

Теперь Атласовъ былъ среди преданныхъ ему людей,

и прежняя увѣренность въ себѣ снова воскресла въ немъ.

Наступилъ вечеръ, и Нижне-Камчатскій острожекъ уже притихъ.

Только въ нѣкоторыхъ избахъ мерцали еще огни лучинъ и сальныхъ плошекъ.

Мерцаль огонекъ и въ избѣ Атласова.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ прибылъ въ этотъ острожекъ и жилъ въ немъ, окруженный вѣрными людьми.

Но какъ ни старался онъ вернуть былую власть, ему это никакъ не удавалось.

Большинство служилыхъ людей и казаковъ не хотѣли о немъ и слышать и, если они не трогали Атласова, то только изъ-за того, что боялись кровопролитной драки.

Люди Атласова уже улеглись спать и самъ Атласовъ, посидѣвъ нѣкоторое время, тоже улегся въ постель, потушивъ предварительно плошку.

Не подозрѣвалъ онъ того, что смерть уже стоитъ за его плечами.

А тѣмъ временемъ три неизвѣстныхъ казака тихо шептались съ какимъ-то человѣкомъ, шагахъ въ пятидесяти отъ избы Атласова.

— Такъ, значить, такъ и сдѣлаете,—тихо говорилъ казакамъ неизвѣстный человѣкъ.—Подадите ему письмо, и когда онъ станетъ его читать, тогда и покончите съ нимъ. Пока онъ живъ—никому покоя не будетъ. Ну, идите. Огонь у него уже давно погасъ.

И, сказавъ это, незнакомецъ исчезъ въ ночной темнотѣ.

Три казака приблизились къ дому Атласова и хотѣли уже постучать въ дверь, какъ вдругъ одинъ изъ казаковъ, надавивъ рукой дверь, почувствовалъ, что она открывается.

Сплоховалъ на этотъ разъ осторожный Атласовъ, забывъ запереть передъ сномъ дверь.

Безшумно проскользнули три казака въ избу.

Атласовъ крѣпко спалъ, раскинувшись на кровати.

Въ ночной темнотѣ чуть сверкнула сталь кинжала, и блестящая сталь вонзилась въ самое сердце когда-то грознаго человѣка.

Все было кончено.

И убійцы, такъ же тихо, какъ и вошли, вышли изъ избы и скрылись въ ночной темнотѣ.

Кто были они?

Къ сожалѣнію исторіи не извѣстны ихъ имена, равно какъ неизвѣстно, и по чьему приказу, былъ убитъ Атласовъ.

Но такъ или иначе, его приверженцы, проснувшись на слѣдующее утро, съ ужасомъ увидѣли, что произошло въ эту ночь.

Умеръ насильственной смертью суровый Атласовъ.

Но хотя русскіе съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе утверждались на Камчаткѣ, неурядица еще долго царила въ этой странѣ.

Казаки продолжали бунтовать и своевольничать.

Въ томъ же году утопили они и Чирикова.

Казаки образовали огромную разбойничью шайку, во главѣ которой сталъ нѣкій Анцыферовъ, а есауломъ — Козыревскій.

Семьдесятъ пять головорѣзовъ собралось у Анцыферова.

Эти разбойники держали въ страхѣ даже приказчика, посланнаго воеводой на Камчатку.

И только послѣ того, какъ въ 1712-омъ году камчадалы предательски сожгли въ кибиткѣ Анцыферова съ двадцатью пятью казаками, шайка эта была уничтожена, и на Камчаткѣ, мало-по-малу, началъ водворяться порядокъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	3
Василій Тимофеевичъ Ермакъ	9
По слѣдамъ Ермака	45
На Шилку	67
Въ поискахъ Хабарова	99
За Становымъ Хребтомъ	133
На Камчаткѣ	163

08к

6. Васильевъ, М. Ласточка. Исторія одной дѣвочки. Съ рисункомъ. п. 5 к. 7. Митропольскій, Ив. Москва 12 году. Историческій разсказъ съ рисункомъ. п. 10 к. 8. Егоровъ. Находка. Историческій разсказъ. Съ рисунками. п. 10 к.	№ 79. Егоровъ. Улей. Разсказъ. Съ рисунками. п. 5 к. № 80. Смирновъ, Ил. Христовъ. Разсказъ. Съ рисунками. п. 10 к.

Библіотека сказокъ.

Шесть лебедей. Сказка бр. Гриммъ. Съ рис. М. 99 г., п. 15 к. Король Дровцова Борода. Гриммъ. Съ рис. М. 99 г., п. 3 к. Воронъ. Сказ. бр. Гриммъ. М. 99 г., п. 3 к. Бѣлолицая невѣста и сестра. Сказ. бр. Гриммъ. М. 99 г., п. 3 к. Вѣщая птичка. Сказка бр. Гриммъ. М. 99 г., п. 3 к. Андерсенъ. Сидень. Сказ. М. 99 г., п. 10 к. Егоровъ. Садовникъ и его жена. Сказ. Съ рис. М. 99 г., п. 10 к. Егоровъ. Золотой кладъ. Съ рис. М. 99 г., п. 10 к. Егоровъ. Камень мудрости. Съ рис. М. 99 г., п. 10 к. Егоровъ. Дикіе лебеди. Съ рис. М. 99 г., п. 5 к. Жоржъ-Зандъ. Заколдованный или говорящій дубъ. Сказ. Съ рис. М. 99 г., п. 15 к.	№ 12. Егоровъ. Грибуль. Сказ. Съ рис. М. 99 г., п. 30 к. Лучшее изд. п. въ папкѣ 75 к. № 13. Бр. Гриммъ. Волкъ и семеро козлятъ. М. 99 г., п. 3 к. № 14. Егоровъ. Мальчикъ съ пальчикомъ. М. 99 г., п. 5 к. № 15. Егоровъ. Золушка. М. 99 г., п. 3 к. № 16. Егоровъ. Бѣлоснѣжка и Розочка. М. 99 г., п. 3 к. № 17. Лукияновскій. Царевна лягушка. п. 10 к. № 18. Егоровъ. Засохшая вѣтка. п. 5 к. № 19. Языковъ. Жаръ-птица. Драм. сказ., п. 10 к. № 20. Андерсенъ. Соловей. Сказка съ рисункомъ, п. 10 к. № 21. Егоровъ. Мать. Сказка. п. 5 к. № 22. Егоровъ. Царевна Русалка. Сказка. п. 10 к.

Цѣна 60 коп., въ папкѣ 75 коп.